

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

ВОРОНЕЖСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ГЕРМАНСКИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОРОНЕЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АССОЦИАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Германия: история и современность.

Сборник статей памяти профессора
Виктора Александровича Артемова.

**Часть 2.
Германия и мир: образы, взаимоотношения, идентичности.**

Воронеж
2006

ББК 63.3 (0)
Г 38

Р е ц е н з е н т:
к.и.н., доц. С.Г. Алленов

Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора Виктора Александровича Артемова. Часть 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения, идентичности / ред. М.В. Кирчанов. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 281 с.

Сборник посвящен памяти профессора, доктора исторических наук В.А. Артемова. Сборник содержит статьи посвященные истории Германии, проблемам средневековой немецкой истории, истории немецкой социал-демократии, истории немецкой диаспоры, истории ГДР, месту Германии в современной европейской интеграции, отношениям Германии с Польшей, Францией и другими европейскими государствами. Сборник подготовлен учениками и коллегами Виктора Александровича Артемова, учеными из университетов Российской Федерации, Украины, Германии, США, специализирующимися в сфере германских исследований.

- © Авторы, 2006
- © Воронежский государственный университет, 2006
- © Воронежский региональный центр германских исследований, 2006
- © Центр изучения Центральной и Восточной Европы, 2006
- © Факультет международных отношений, 2006
- © Кафедра международных отношений и регионоведения, 2006
- © Перевод, 2006

О Г Л А В Л Е Н И Е

КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ О ВИКТОРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ АРТЕМОВЕ**ГЕРМАНИЯ И МИР: ОБРАЗЫ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ.**

А.А. Акопов НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ГЕРМАНСКОГО» И «АВТРО-ВЕНГЕРСКОГО» ВРАГА В АВГУСТЕ 1914 ГОДА: ФАКТОР ВОЙНЫ И РЕЦИДИВЫ «ПРОШЛОГО».

А.В. Перепелицын, Н.П. Тимофеева ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ.

В. Л. Чернонёров ПОЛЬША В «ГЕРМАНСКИХ» ПЛАНАХ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА В.Л. КОППА (1919 - 1921 ГГ.)

П.В. Макаренко НЕМЕЦКИЙ «ОКТЯБРЬ» 1923 ГОДА И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ.

Дм.В. Офицеров-Бельский ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА И ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В ПЕРИОД ЛОКАРНО

А.А. Лютых, В.А. Тонких ПОСТЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

А.Б.Цфасман ВИЛЛИ БРАНДТ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ».

О.Г. Лекаренко ПРОБЛЕМА ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ И СОЗДАНИЕ ЗЕС.

А.А. Синдеев ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ХДС: ОТ ПОДГОТОВКИ ПЕРВЫХ ПРЯМЫХ ВЫБОРОВ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ К ВЫБОРАМ 2004 ГОДА.

В. В. Руссков ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАТО В ПОЛИТИКЕ Г. ШРЕДЕРА (1998-2004 ГГ.)

О.В. Дзяд, С.П. Касьянов ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕРМАНИИ И УКРАИНЫ

П. Феслер ВАХТА НА РЕЙНЕ

Ю. Борко ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ: ОТ ВРАЖДЫ - К СОЮЗУ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

А.В. Акульшина ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В «НОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ СТАРТЕ»: ПОИСК КОМПРОМИССА

И.В. Форет ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1960-1990-Е ГГ.)

Л.В. Табуницкова СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН.

М.Б.Корчагина ЕЩЕ РАЗ О НАШЕМ ОТНОШЕНИИ К ПРОШЛОМУ

Б.С. Орлов РУССКИЕ И НЕМЦЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дм. А. Смирнов РОССИЯ У ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА: ВЗГЛЯД, ОЦЕНКА, ОБРАЗ.

К. Билунг ЙОЗЕФ БОЙС И РОССИЯ

Josef Berghold AWAKENING AFFINITIES BETWEEN PAST ENEMIES: RECIPROCAL PERCEPTIONS OF ITALIANS AND AUSTRIANS

Х.Ф. Тиссен РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ПАРОЛЬ В ЛИТЕРАТУРЕ КАНАДСКИХ МЕННОНИТОВ

Peter Thaler "GERMANS" AND "AUSTRIANS" IN WORLD WAR II: MILITARY HISTORY AND NATIONAL IDENTITY

Дж. Хили ФРЕДЕРИК ФИЛИПП ГРЕВЕ И ДЕЛО ГЕРМАНИИ: ПИСЬМА ВАРКЕНТИНА И ИСКУССТВО ПРИГРАНИЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Г. Ланггут ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

М.В. Кирчанов ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА - ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В ДИСКУРСАХ НАПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА

И.В. Крючков «НЕМЦЫ» ВЕНГРИИ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ. ИЛИ К ИСТОРИИ ЗАБЫТОГО НАРОДА

Т. Гундорова ПРЕОДОЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ: БУКОВИНСКАЯ ЖЕНЩИНА МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ»

С.А. Велиш НЕМЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА В БУКОВИНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И.А. Суздальцева НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА (ХАСАВЬЮРТСКИЙ ОКРУГ) В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М.М. Мусаев ОБРАЗОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ХАСАВЬЮРТСКОМ ОКРУГЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Э. Курляндер МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ И АССИМИЛЯТОРСКАЯ МОДЕЛИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО НОРДМАРКА, 1890 - 1933

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ О ВИКТОРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ АРТЕМОВЕ

Дм. Смирнов

Чрезвычайно разные образы и события возникают в моей памяти при воспоминании о Викторе Александровиче. Но одно для меня совершенно точно и определенно: без помощи и поддержки Виктора Александровича защита моей кандидатской диссертации в декабре 2000 году прошла бы ни так и ни тогда, как это все случилось на самом деле. Виктор Александрович помог и как зампреда совета, и как первый оппонент, и познакомил с хорошими людьми в Воронеже, которые помогали во время защиты, стали и являются до сих пор моими друзьями. Все они его ученики. Впрочем, и это самое главное, Виктор Александрович был сам хорошим человеком, удивительным человеком.

Возможность познакомиться с ним жизнь мне предоставила осенью 1997 году, когда после поступления в аспирантуру в Липецк мой научный руководитель Александр Иванович Борозняк отправил меня на конференцию в Воронеж. Тогда я еще слабо представлял себе, что такое научная конференция, и потому поддержка со стороны Виктора Александровича, являвшегося то ли председателем оргкомитета, то ли возглавлявшим секцию, где я должен был выступить, была очень кстати. Его жизнелюбие и отзывчивость помогли мне тогда и помогали мне в дальнейшем сохранять уверенность в себе.

В последующие годы я все более укреплялся в мысли, что если Воронеж можно назвать одним из центров германистики, то центром германистики в Воронеже является именно Виктор Александрович с его энергией и силами, аккумулировавший вокруг себя большое число молодых исследователей. После защиты наше общение не угасло. Важно отметить то, что именно его помощь и участие позволили мне связать свою судьбу на несколько лет с Елецким госуниверситетом. Благодаря Виктору Александровичу я познакомился с его учеником, деканом исторического факультета ЕГУ Олегом Александровичем Поздняковым, являвшимся сначала моим вторым оппонентом, а затем с большим вниманием отнесшимся к рекомендации Виктора Александровича во время моего устройства на работу в университет в Ельце.

Виктор Александрович вообще очень много сделал для развития исторических исследований в Ельце и в этом плане я, безусловно, присоединяюсь к моим коллегам в ЕГУ и к их словам уважения по этому поводу. При этом он всегда находил в себе силы и время в своей работе, которые посвящал всем и каждому, кто обращался к нему за помощью. Сужу это по себе и другим людям, независимо от обстоятельств, положения и доли его участия в их работе и жизни. Его уход является тяжелой утратой и невозполнимой потерей.

С. Шагин

12 августа 2005 года известному историку-германисту исполнился бы 71 год. В прошлом, 2004 году, Виктор Александрович, друзья и коллеги отметили его 70-летие выпуском книги, содержащей своеобразный итог его научной деятельности¹. К сожалению, смерть прервала эту деятельность, но память о человеке и ученом – Викторе Александровиче Артемове останется. В Воронеже к 12 августа выйдет сборник научных работ, посвященный его памяти. В данном случае, речь идет о новом для российской германистики направлении – анализе темы Холокоста в

¹ Артемов В.А. Германия и Россия на изломах истории / В.А. Артемов. - Воронеж, 2004. - 417 с.

судьбах самих немцев и Германии. Надо отметить, что советские и российские германисты довольно поздно подошли к этой теме. Среди первых работ российских германистов, специально анализирующих тему «Холокост и немцы», можно отметить раздел «Постигая трагедию Холокоста» в небольшой книге коллеги и почти земляка Виктора Александровича, профессора Елецкого университета А.И. Борозняка². Что касается профессора В.А. Артемова, он еще в 1998 году в сборнике «Германия и Россия: события, образы, люди» в разделе «Историография», опубликовал статью «Добровольные подручные Гитлера»? Критические заметки о книге Д. Голдхагена³. Эта статья вошла и в упомянутый выше сборник⁴. Интерес профессора Артемова к данной теме не ограничивался упомянутой статьей. Мне посчастливилось в течение нескольких лет знать и активно сотрудничать с Виктором Александровичем, в том числе, и по теме Холокоста.

Виктор Александрович Артемов родился 12 августа 1934 года в селе Турово Серпуховского района Московской области. В 1952-1954 году учился в МГИМО. В 1957 году закончил историческое отделение Историко-филологического факультета Воронежского университета. Профессиональную деятельность начинал в средней школе и в вузах г. Воронежа преподавая и историю, и немецкий язык. Вся его деятельность была связана с Воронежским университетом, где он возглавлял поочередно кафедры политической истории и международных отношений и регионоведения. Профессор Артемов возглавлял Воронежское отделение Ассоциации Европейских Исследований (АЕВИС), Центр Германских научных исследований. Обратимся теперь к позиции профессора Артемова, полемизирующего с профессором Голдхагеном. Основной тезис Голдхагена, с которым не согласен Артемов: «В книге ... все немцы предстают добровольными и послушными исполнителями воли фюрера, все без разбора. Таким образом, речь идет якобы о преступленной нации». С точки зрения Артемова, это «Односторонний взгляд ... на факты...». Приведя статистику гибели советских военнопленных и мнение историка Клее (Е. Клее, работа 1995 года, изданная в Мюнхене) о важной, но не решающей роли антисемитизма, профессор Артемов считает, что основа нацистской пропаганды - социалдарвинизм. Заслугу Голдхагена Артемов видит в том, что тот «...показал...в каких огромных масштабах нацисты культивировали антисемитизм в качестве господствующей идеологии»⁵.

Затем Артемов обращается к истории Германии: в период кризиса нужен «козел отпущения» и этим целям служил антисемитизм. «Но этим нельзя объяснить *холокост* (курсив мой – С.Ш.)». Исторический экскурс (эмансипация евреев и их роль в экономике Германии, рост антисемитизма в период кризисов при больших потерях от них именно еврейских торговцев и главное, эффективность нацистской пропаганды), профессор Артемов бросает главный упрек Голдхагену: он не учитывает «тот факт, что евреи были частью немецкого общества, по сути дела, тоже немцами». Признавая, что «были люди, охотно становившиеся орудием в руках преступного режима», Артемов приводит опубликованные свидетельства пере-

² Борозняк А.И. ФРГ: опыт становления антитоталитарного согласия. Проблема «преодоления прошлого» / А.И. Борозняк // Доклады. Дискуссии. Документы. АЕВИС. - №3. - 1999. - С.23 - 27.

³ Артемов В.А. «Добровольные подручные Гитлера»? Критические заметки о книге Д. Голдхагена / В.А. Артемов // Германия и Россия: События, образы, люди. Сборник Российско-германских исследований. - Вып.1. - Воронеж, 1998. - С.194 - 203.

⁴ Артемов В.А. «Добровольные подручные Гитлера»? // Артемов В.А. Германия и Россия на изломах истории. - С.238 - 248.

⁵ Там же. - С. 238, 240.

живших Холокост и делает вывод: «Поэтому попытка Голдхагена поставить на одну доску всех немцев как «убийц евреев» не оправдана и не отвечает исторической действительности»⁶.

Основной вывод профессора В.А. Артемова: «...за преступления должны отвечать преступники, а не их жертвы. И не целая нация. Иначе вся история человечества бессмысленна и антигуманна»⁷. Как видим, перед нами в некотором смысле, корпоративная точка зрения германистов страны, которая разгромила нацизм: немецкая нация не несет коллективной ответственности за Холокост в годы его подготовки и осуществления и тем более, после прошедшего в ФРГ в 1986-1987гг. «спора историков»⁸. Жанр материала и его объем не позволяют подробнее проанализировать эту важную и самостоятельную проблему – отношение победителей и германистов страны, победившей нацизм к проблемам Холокоста. В тоже время, необходимость междисциплинарного подхода и взаимодействия специалистов во всех отраслях общественных и гуманитарных наук по теме Холокоста давно назрела. Конкретно речь идет об использовании наработок по линии вузов, имеющих отделения АЕВИС. Ведь мои первые контакты с коллегами из Воронежа и Ельца проходили как раз в рамках проводившейся мною в Ростове-на-Дону конференции по теме Холокоста с участием Ростовского отделения АЕВИС.

Прошедшая в июне встреча директоров российских Центров Европейской Документации, расположенных в вузах, имеющих отделения АЕВИС, показала, что желание и возможности для такого сотрудничества у российских вузов с Центром «Холокост» имеются.

М.Е.Ерин

Неожиданная смерть Виктора Александровича Артемова для меня, для германистов это большая потеря. Многие годы меня связывали с ним дружеские отношения. С Виктором Александровичем мы впервые встретились в ИНИОН (в Москве) в начале 90-х годов. Он подошел ко мне и опросил: «Вы Ерин Михаил Егорович?» Я ответил: «Он самый». «А я Артемов В.А., - представился он, - занимаюсь тоже историей Германии», - и назвал тему докторской диссертации. Диссертация была уже готова, предстояла ее защита, и он ^допросил меня, не напишу ли я отзыв на автореферат диссертации. Я согласился. Вторая просьба заключалась в том, те выступлю ли я официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации П.В. Макаренко. Над темой «Рабочие партии в первые годы Веймарской республики» он работает давно, я его тороплю, и он должен скоро выйти на защиту и вот ищу оппонента. Я дал согласие выступить Первым официальным оппонентом. П.В. Макаренко в 1998 г. успешно ее защитил. Наша первая встреча стала началом долголетней дружбы и научного сотрудничества. На протяжении 14 лет мы часто встречались в г. Воронеже, Москве, на конференциях, заседаниях Ассоциации европейских исследований, звонили по телефону друг другу, обсуждая различные вопросы. Я неоднократно выступал оппонентом на защите кандидатских диссертации его аспирантов, писал отзывы на авторефераты. Поэтому у меня вложилось впечатление о нем, как о крупном ученом, сильном организаторе \ руководителе германского направления в ВГУ. Благодаря его инициативе в ВГУ был создан Воронежский региональный центр германских научных исследований. Он был до

⁶ Там же. - С. 242, 246.

⁷ Там же. - С. 246.

⁸ См.: Борозняк А.И. Указ. соч. - С. 27 - 33.

конца своей жизни его председателем. Как руководитель этого центра он смог сплотить вокруг себя провинциальных германистов России. Его сборники «Германия и Россия» составляют эпоху и шлятся образцом высокого профессионализма. Он вкладывал в его издание весь свой авторитет, энергию и ответственность за развитие российской

германистики. Мы должны быть обязаны ему за это и всегда помнить самоотверженный труд Виктора Александровича. Он отдавался работе целиком, не жалея сил. Одновременно Виктор Александрович являлся председателем Воронежского отделения Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), членом правления АЕВИС. Я хорошо помню, как активно, ответственно и с большим энтузиазмом он работал в АЕВИС. Мы часто встречались на заседаниях Правления АЕВИС, и он мне говорил, что аспирантов надо нацелить на исследование проблем истории современной Европы.

В общении Виктор Александрович был прост, остроумен, откровенен. У него всегда было много интересных идей и научных планов. Он мог помочь, посоветовать и сам советовался с другими. Мне всегда нравилось в нем дружеское расположение к людям. Он не любил интриг и склок. Когда говорил или советовал, то это всегда исходило от души и сердца. Я поражаюсь его колоссальной работоспособности. Список научных трудов Виктора Александровича огромен. Он внес большой вклад в развитие российской германистики. Сколько сил, ума и знаний он вложил и отдал своим аспирантам, а главное, любил с ними работать, как однажды признался мне. Виктор Александрович не раз говорил: «Я должен продолжать традиции воронежской исторической школы, заложенные ее талантливыми предшественниками». Свою миссию он выполнил до конца. В моей памяти он останется навсегда.

ГЕРМАНИЯ И МИР: ОБРАЗ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ.

А.А. Акопов

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ГЕРМАНСКОГО» И «АВТРО-ВЕНГЕРСКОГО» ВРАГА В АВГУСТЕ 1914 ГОДА: ФАКТОР ВОЙНЫ И РЕЦИДИВЫ «ПРОШЛОГО».

Первая мировая война коренным образом изменила все сферы жизни российского общества, что нашло отражение и на страницах российских газет. Начало войны стало полной неожиданностью для российской общественности. О возможности войны много писали и много говорили, но никто не верил в ее столь быстрое начало. За последнее десятилетие все привыкли к нестабильности на Балканах и периодическим обострениям ситуации на полуострове. Жители и пресса Юга России были далеки от центров политической жизни Российской империи, поэтому начало войны для них были неожиданностью вдвойне. Война вызвала всплеск интереса местного населения к периодике. Практически все издания разметались за считанные минуты. В некоторых селах возник острый дефицит на печатную продукцию¹.

Центральной проблемой публикаций в 1914 – 1917 годах. в общероссийских и региональных газетах стало формирование «образа врага» и внедрение его в общественное сознание, без чего была невозможна полноценная мотивация ведения войны у населения.

Только 2 августа Ставропольская губерния узнала об объявлении войны Германией России из передовиц «Северокавказского края» и других газет губернии. Комментарий «Северокавказского края» был мрачен: «Ничто уже не удержит теперь державы от страшной катастрофы»². Очевидно, это относилось и к России, т.е. в отличие от других изданий газета была далека от ура-патриотических настроений, вызванных объявлением Германией войны России. Дальнейшие комментарии, первой военной передовицы так же не излучали радужные перспективы войны. Она не поддерживала эйфорию по поводу ближайшего вступления русской армии и ее союзников в Берлин и Вену: «Ни у какой державы не хватит ни средств, ни сил выдержать то напряжение, которая требует настоящая война»³. Даже победители в этой войне окажутся измотаны и истощены. Не обойдет стороной данная участь и нейтральные страны, так как в условиях формирования единого экономического пространства в мире, кризис ряда структур автоматически ведет к тотальному кризису всей системы. Кризис охватит мировую торговлю, финансы и т.д., что больно ударит по всем, включая нейтральные страны. Русский хлеб не придет в Европу и там начнется голод. «Пройдет месяц или год, и карту Европы нельзя будет узнать», - заключал «Северокавказский край»⁴.

Газета абсолютно верно оценила масштабы и последствия предстоящей войны, которой не было прецедента в мировой истории и которая во многом станет войной на истощение ресурсов. Пророчески звучало утверждение о коренном переустройстве границ после войны. Правда, в это же время издание, после объявления войны Германией России, к числу виновников развязывания войны причисляла только Германию и Австро-Венгрию. По мнению журналистов издания, Австро-Венгрия выбрала очень удобное время для объявления войны. Президент Франции

¹ Северокавказский край. - 1914. - № 973. - С.3.

² Северокавказский край. - 1914. - № 957. - С.2.

³ Там же. - С.2.

⁴ Там же. - С.2

находился с официальным визитом в России, в Великобритании началась волна социального протеста населения, Россия столкнулась с рабочими беспорядками и неурожаем, в Боснии и Герцеговине под видом маневров Австро-Венгрия сосредоточила крупные военные силы, Италия провела частичную мобилизацию.

Однако Австро-Венгрия довольно быстро теряет это преимущество, ибо война не будет быстрой, война явно затянется. Россия по сравнению со своими противниками имела большой запас прочности. Даже с потерей Санкт-Петербурга Россия была способна продолжать борьбу. У России был значительный золотовалютный запас, внушительные запасы продовольствия и вооружений (!) и кроме этого на благо России работали такие факторы как климат и огромная территория. В войне с Германией Франция также имела определенные преимущества, в виде сильно укрепленной границы. К тому же Германия не выдержит длительную блокаду, ее экономика рухнет, и все победы армии окажутся бесполезными. Газета делала прогноз, что Германия не протянет и двух лет блокады. В то время как Россия и союзники вполне смогут опереться и на ресурсы нейтральных стран⁵.

В целом, по мнению издания, Тройственный союз совершил несколько крупных геополитических ошибок, которые изначально во многом определяют его поражение. Во-первых, союз явно не ожидал, что Россия заступится за Сербию, во-вторых, Берлин был убежден, что после германского ультиматума Россия приступит к демобилизации армии, в-третьих, Германия и Австро-Венгрия были абсолютно убеждены, что их союзница в лице Италии поддержит действия своих партнеров по Тройственному союзу и, наконец, никто не предполагал, что в войну вступит Великобритания⁶.

Через три недели войны «Северокавказский край» постарался раскрыть более глубинные причины войны, ориентируясь на модные в то время теории противостояния и борьбы культур и цивилизаций. По мнению газеты, война во многом стала результатом цивилизационного столкновения двух империй: Британской и Германской. Обе империи отождествляли два противоположных типа развития государственности и общества в целом. Британская империя ассоциировалась с торжеством конституционализма и незыблемостью основных прав человека. «Могущественная Германская империя была поострена на началах полицейского права, торжества грубой силы и принуждения... Германия цитадель воинствующего милитаризма, истощающего материальные силы европейских государств, тормозящего их культурный рост...», - писало по поводу Германии газета⁷. Германская империя изначально строилась на насилии и грубой силе, которые активно использовал Бисмарк при объединении Германии. Победы над Австрией и Францией вскружили головы не только правящим кругам Германии, но и германской нации в целом.

Экономический рост Германии породил рост благосостояния широких буржуазных слоев населения, мещанское сытое благополучие. За это немецкие бюргеры готовы были терпеть и полицейский режим и диктатуру прусского короля: «На этой почве развился тупой немецкий консерватизм, довольный настоящим, трусливо боящийся всяких перемен в государстве и социальном строе»⁸. Одну из основных бед Германии газета усматривала в том, что вся власть в стране оказалась сосредоточенной в руках юнкерства, отличавшегося невежеством и культом грубой

⁵ Северокавказский край. - 1914. - № 961. - С.2.

⁶ Северокавказский край. - 1914. - № 964. - С.2.

⁷ Угроза культуре // Северокавказский край. - 1914. - № 972. - С. 1.

⁸ Там же. - С. 1.

силы. Именно из юнкерства рекрутировался государственный аппарат и офицерский корпус. Юнкеры проводили корыстную экономическую политику, защищая интересы прусских крупных аграриев в ущерб интересам страны в целом.

Два основных класса Германии, на которых, собственно говоря, и держалось все могущество Германии, буржуазия и пролетариат оказались вне власти. Экономический бум привел к росту экономического могущества буржуазии, однако это ни как не отразилось на ее политических амбициях. Пролетариат Германии был хорошо организован, отличаясь высоким уровнем развития самосознания. Доминированию юнкерства в жизни Германской империи способствовало еще то, что буржуазия и пролетариат во многом были скованы и поглощены борьбой друг с другом, вместо того чтобы совместно противостоять засилью юнкерства.

В то же время в начале XX века СДПГ и радикальная буржуазия стали постепенно набирать политический вес и это вызвало панику среди камарильи окружающего кайзера Вильгельма II и у юнкерства в целом, так как Германия оказалась на грани социального переворота. Поэтому: «Необходимо было действовать. Необходимо был гром новых побед, необходимо было побудить хищные воинственные инстинкты, принизить умственный и нравственный уровень нации, подкупить ее легкой добычей новых побед», - заключала газета⁹. Следствием этого стало создание в Германии крупной армии и флота, которые вскружили головы кайзеру и его окружению. Отсюда возникает иллюзия непобедимости и безмерного могущества. Германским и австрийским милитаристам необходим только повод для начала войны.

Агрессия Германия и Австро-Венгрии, по мнению «Северокавказского края», есть вызов всей европейской цивилизации. Вся Европа, включая Россию, выступила на защиту цивилизации и норм международного права. Здесь важно отметить один пассаж. Рассуждая о судьбах Европы, газета полагала, что две средневропейские империи отстали в своем развитии от других стран Европы. Они во многом остались по ментальным установкам населения и особенно элиты на уровне средневековья, в то время, как другие страны Европы продвинулись в своем развитии значительно дальше. Однако Германию и Австро-Венгрию ждет не минуемый крах в виде революции. Основная сила революции - это германский пролетариат, меньше всех затронутый милитаризмом, тем более к нему присоединятся и другие слои населения. Этот процесс ускорит экономический кризис, с которым столкнется Германия в условиях войны и который подействует отрезвляюще на германское общество. В Австро-Венгрии основная ударная сила революции – это славянское население империи. В результате крах германского милитаризма приведет Европу к вечному миру « на началах справедливости, права, свободы и братства всех наций, племен и государств»¹⁰.

Все данные рассуждения не помешали газете дать австро-германскую версию начала войны, что покажется немыслимым для воюющей страны. Однако традиции европейской и российской журналистики пока не были окончательно изуродованы войной, а они предполагали предоставление населению всего спектра мнений по той или иной проблеме. В этой связи «Северокавказский край» дал анализ одного из материалов крупной германской газеты «Норддейтшейль». Германская газета, отражая доминирующие в Германии и Австро-Венгрии настроения, видела в России главного виновника, начавшейся войны. Россия взяла на себя покоро-

⁹ Там же. - С. 1.

¹⁰ Там же. - С. 1.

вительство над славянскими народами Европы, не учитывая мнение других государств. Тем самым, Российская империя сознательно взяла курс на развал империи Габсбургов и утверждение своего господства на Балканах. Пока Россия будет угрожать Германии и Австро-Венгрии, мира в Европе, по мнению немецкой газеты не будет¹¹.

В целом «Северокавказский край» полагала, что Австро-Венгрия во многом оказалась не готовой к войне. В качестве довода приводились следующие факты: 17 и 18 корпуса армии Австро-Венгрии не были укомплектованы, артиллерия была слаба, так как ее модернизация не была доведена до конца, в целом армия Дунайской империи была очень слабо оснащена в техническом плане. В эти дни появляется первая информация о территориальных претензиях Германии и Австро-Венгрии, виде сообщений о желании империи Габсбургов занять российскую часть Украины и Дон¹².

Война довольно быстро пришла в Ставрополь. Уже в первых числах августа на фронт был отправлен Осетинский конный дивизион, сокращается до одного число пассажирских поездов, курсировавших между Ставрополем и ст. Кавказской, в губернии проводится первая мобилизация. Люди начинают постепенно привыкать к новым реалиям, хотя перестройка сознания людей на военный лад шла очень медленно. У газеты появляются первые проблемы с цензурой. «Северокавказский край» осудил действия наиболее ретивых цензоров, которые, по мнению, газеты, хотят оставить страну в полном не ведении по поводу событий, происходящих в России и за ее пределами¹³.

Цензура стала настоящим бичом для прессы не только в России, но и в остальных воюющих странах. Правда, сравнивая цензуру в России в годы первой мировой войны с цензурой в СССР в годы второй мировой войны, необходимо подчеркнуть, что российская пресса в 1914-1917 гг. обладала большей свободой. Иногда цензура в последний момент снимала с публикации тот или иной материал, и издание выходило в свет с пустотами на страницах, не успевая заполнить освободившееся пространство.

Разворачивание войны вело к ожесточению воюющих сторон и к началу активной пропагандистской компании внутри своих стран и за их пределами. Важными элементами данной акции стали, возложение ответственности за начало войны на своих противников и формирование образа врага. Собственно говоря «Северокавказский край» как и остальные российские издания, занялись этим с августа 1914 г. Практически сразу после начала мировой войны в российской и западной прессе начинает устойчиво проводится идея о «тевтонском» варварстве, присущем Германии и Австро-Венгрии. Это утверждение стало одним из основных компонентов антигерманской и антиавстрийской агитации в странах Антанты.

Первое «германское зло», ставшее центральной проблемой в августе, это отношение германских властей к гражданам России и ее союзниц, оказавшихся на территории Германии после начала войны (туристам, коммерсантам, представителям дипломатического корпуса). Ежедневно на страницах издания публиковались материалы о бедственном положении граждан России и Франции, которые волей судеб оказались на территории Германии. В качестве примера приводились сведения об истории французского консула в Штутгарте, его вместе с женой, не дав воз-

¹¹ Там же. - С. 1.

¹² Северокавказский край. - 1914. - № 958. - С. 2.

¹³ Северокавказский край. - 1914. - № 958. - С. 2.

возможности связаться с Францией, без всякого подобающего отношения к представителю дипломатической миссии, буквально забросили в вагон четвертого класса. Затем их на одной из станций избili солдаты одного из баварского полка. Они чудом смогли добраться до Швейцарии¹⁴.

Такая же участь постигла и российских граждан. Российский представитель на Лейпцигской ярмарке печати сенатор Бельгард и его помощники были арестованы как шпионы, после чего их обыскали и допросили. Затем их освободили, затем вновь арестовали, бросив в местную тюрьму, при этом подчеркивалось, что часть их багажа была разворована. В Гамбурге было арестовано 36 граждан России, включая графиню Воронцову-Дашкову с дочерью, графа Шереметьева-Давыдова, графа Победоносцева, графа Орлова-Давыдова, члена Государственного Совета Шебеко, барона Вольфа и т.д. Кстати все они подверглись унижительной процедуре обыска. Только вмешательство российского консула в Гамбурге и властей города заставили полицейских чинов освободить арестованных россиян. Правда, на этом их мытарства не закончились. На всех станциях по маршруту движения поезда они подвергались оскорблениям со стороны толпы. На одной из станций, по сведениям газеты, пьяные немецкие солдаты вытащили за волосы графиню Воронцову-Дашкову и обыскали ее. Данная группа россиян с трудом доехала до Дании. Там они рассказали о бедственном положении граждан России в г. Неймюнстере, где они, в частности наблюдали, сцену издевательства над россиянами толпы немцев и в чем наиболее преуспели немецкие сестры милосердия из германского санитарного поезда¹⁵.

Разумеется, все описанные сцены не могли вызвать у читателя, ни каких эмоций кроме как глубокого возмущения и не приязни. Газета сильно возмущалась не уважением немцев к нормам международного права, предполагающего не прикосновенность сотрудников дипломатических миссий. Одновременно «Северокавказский край» осуждал аналогичные действия в России против дипломатических представительств Германии и Австро-Венгрии: «...разгром германского посольства, явившийся результатом народного негодования, хотя и в грубой форме, по отношению к враждебной державе является совершенно недопустимым»¹⁶.

Второе «тевтонское зло» - это начавшиеся репрессии германской армии на оккупированной территории. Первая информация на этот счет приходит из занятого немцами польского города Калиша, входящего в состав Привислинского края. Все рестораны, гостиницы и прочие учреждения в городе были закрыты. Но главное заключалось в том, что немцы сознательно пошли на открытую провокацию. Один из немецких лейтенантов бросил камень в проходившую колонну солдат германской армии. В этом действии оккупанты сразу же обвинили местных жителей, за что на город была наложена контрибуция в 50 тыс. рублей. Кроме этого были арестованы все чиновники города, которые посмели выйти на улицу в российской форме¹⁷. Вскоре появляется еще один материал, посвященный событиям в Калише. На этот раз уже говорится не только об аресте российских чиновников, но и об их расстреле за нежелание изменить царю. Всего по данным, полученным из Калиша, было расстреляно 20 человек. В своих комментариях газета не жалела жестких вы-

¹⁴ Северокавказский край. - 1914. - № 962. - С. 2.

¹⁵ Северокавказский край. - 1914. - № 964. - С. 3.

¹⁶ Северокавказский край. - 1914. - № 961. - С. 3.

¹⁷ Северокавказский край. - 1914. - № 961. - С.2.

ражений, используя термины «варварство», «дикий кошмар», «пресловутая немецкая культурность» и т.п.¹⁸

Такого рода информация стала приходиться и с Запада. Немцы расстреляли группу эльзасцев, пытавшихся уйти во Францию, в занятом немцами французском г. Лонгви оккупанты расстреляли двух 18-летних юношей, только за то, что те предупредили французских жандармов о вступлении врага в город, немцы закололи раненного французского унтер-офицера и т.д. Позже стала приходиться информация о контрибуциях, накладываемых на бельгийские и французские города, о сожжении ряда французских деревень, о массовых казнях французских военнопленных и мирных жителей. В частности в одной из статей говорилось о расстреле немцами во французских деревнях Бодонвилье, Сирей, Бламон детей, стариков, женщин. Только в Бодонвилье было убито 11 человек, включая жену мера. В самой деревне было сожжено 78 домов¹⁹. От такой информации человек начинал ненавидеть немцев всеми «фибрами души».

Возникал логичный вопрос, кто же виноват в этих злодеяниях? Для газеты ответ был вполне очевиден. Это кайзер Вильгельм и его окружение. В качестве довода приводилось содержание писем убитых немецких солдат, в которых говорилось, что солдаты без всякого основания уничтожали французские деревни, получив, соответствующий приказ от верховного командования²⁰. «Северокавказский край» постоянно сравнивал события 1914 г. с событиями русско-японской войны, когда обе противоборствующие стороны отличались корректным отношением к военнопленным. Отсюда газета делала вывод, что германская армия есть ни что иное как «банда разбойников»²¹.

Тема кровожадности врага иногда приобретала весьма уродливые проявления. В одном из номеров газеты говорилось об убийстве немецкой медицинской сестрой своего же офицера на поле боя. Когда ее захватили в плен французы, то на допросе она заявила, что ее действия объясняются неким приказом германского верховного командования²².

Такое проявление «армейского каннибализма» особенно будоражило сознание ставропольского читателя. Если немцы относились так к своим то, что они тогда делают по отношению к своим противникам? Плюс этот факт говорил о степени морального разложения немцев. Об этом же свидетельствовал еще один факт. Немцы после очередного сражения захоронили трупы своих и российских солдат, кроме трупов двух казачьих офицеров, бросив их сознательно на «съеденье воронья»²³. В казачьем регионе данный факт приобретал особое звучание, формируя устойчививую ненависть к врагу.

Однако враг был не только на фронте. Уже в первые недели войны в России и за ее пределами начинается настоящая шпиономания. Все начали искать внутреннего врага. Из Великобритании, из Санкт-Петербурга приходят новости о первых задержанных немецких шпионах²⁴. Шпиономания являлась существенным аспектом в формировании образа врага. Действия шпиона всегда ассоциировались с

¹⁸ Северокавказский край. - 1914. - № 972. - С.4.

¹⁹ Северокавказский край. - 1914. - № 970. - С. 2.

²⁰ Северокавказский край. - 1914. - № 970. - С. 2.

²¹ Северокавказский край. - 1914. - № 973. - С.1.

²² Северокавказский край. - 1914. - № 971. - С.2.

²³ Там же. - С. 2.

²⁴ Северокавказский край. - 1914. - № 963. - С. 3; Северокавказский край. - 1914. - № 964. - С. 2; Северокавказский край. - 1914. - № 971. - С. 2.

подлостью, двуличием и коварством. Чем коварнее был враг, тем больше было у него шпионов. Вскоре тотальная шпиономания стала настоящим бичом России.

Сама война начиналась как - то буднично. К этому времени уже все привыкли к постоянным перестрелкам на сербском фронте. Тем более, после объявления Германии войны России обыватель с нетерпением ждал начала боевых действий самой России. Можно сказать, что отчасти, несмотря на весь трагизм ситуации, начало боевых действий вызвало определенное облегчение. Была эйфория, а осознание трагедии наступило позже. «Северокавказский край» за второе августа опубликовал первое сообщение о боях. Этим знаменательным событием стал обстрел германским крейсером Либавы. Правда, эффект от этого обстрела был минимальным, все снаряды попали в местные гостиницы²⁵. При чем сама информация была дана как - то буднично всего лишь на второй странице газеты в огромном перечне последних событий вокруг войны. Между сведениями о российских гражданах в Дании и пожарах в Белграде.

Местное население столкнулось с войной напрямую тогда, когда 6-7 августа в Донском, Михайловском и в других селах губернии началась мобилизация. Газета описывала эти события, они сопровождались душераздирающими сценами проводов мужчин в армию²⁶. Во время проводов многие местные жители стремились поднять патриотический дух своих односельчан, распивая частушки в которых Германия и Австро-Венгрия выступали весьма не в приглядном виде. Часто для этих целей использовались лозунги и т.д. Так в с. Казгулак корреспонденту «Северокавказского края» местный житель бодро заявил: «Надеемся... уверены... Не одобровать австрияшке... Собьем спесь немцам»²⁷. Сатира стала в годы войны неотъемлемой частью военной пропаганды. В этой связи неслучайна публикация «Северокавказским краем», при чем постоянно, анекдотов о Вильгельме II и его окружении начиная с №973. издания²⁸.

По мнению газеты, уже первые бои показали, что боевые качества российской армии были на порядок выше боевых качеств германской армии²⁹. Как показали, последующие события это утверждение было далеко от истины. После этого пошли бесконечные сводки с театров боевых действий.

Начало широкомасштабной войны вновь стимулировало интерес к внутривойсковому развитию своих главных врагов. Как уже отмечалось, германская бюрократия после победы во франко-прусской войне уверовала только в один способ решения международных конфликтов-с помощью военной силы. «Вот наиболее вероятное объяснение совершенно неожиданной решимости Германии объявить войну России, войну, не вызванную решительно никакими агрессивными действиями России по адресу Германии», - отмечала газета³⁰. Далее шел пафос о миролюбии русского народа, о том на какие жертвы он должен будет пойти во имя спасения отечества и Европы.

Ситуация в информационной политике «Северокавказского края» изменилась после объявления войны Австро-Венгрией Сербии и Германией России. С этого времени в начавшейся информационной войне обе противоборствующие стороны начали усиленно формировать образ врага, без чего не могло быть устойчивой мо-

²⁵ Северокавказский край. - 1914. - № 965. - С. 3.

²⁶ Северокавказский край. - 1914. - № 959. - С. 3.

²⁷ Северокавказский край. - 1914. - № 964.- С.2.

²⁸ Северокавказский край. - 1914. - № 973. - С.3.

²⁹ Северокавказский край. - 1914. - № 973. - С.2.

³⁰ Там же. - С. 2.

тивировки начала войны. Данная тенденция в полной мере затронула и газету «Северокавказский край».

Формирование образа врага в июле-августе 1914 г. шло по нескольким направлениям: возложение полной ответственности за начало войны на Австро-Венгрию и Германию, демонстрация жестокости врага по отношению к мирным жителям и военнопленным, принижение боевых качеств армий Германии и Австро-Венгрии, демонстрация их пренебрежения к нормам международного права. В создании образа врага газета, как и практически все издания воюющих сторон зачастую использовали непроверенную информацию и откровенную ложь.

Правда, при всем этом необходимо отметить, что в переходе от мирного времени к состоянию войны «Северокавказский край» испытывал некоторую инерцию переходного этапа, когда негативные высказывания не редко соседствовали с информацией работающей в пользу Германии и Австро-Венгрии. Отсюда неслучайно, что реклама немецких товаров шла более недели после войны. Логика войны вскоре полностью откорректировала дальнейшее развитие ситуации.

А.В. Перепелицын, Н.П. Тимофеева

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ.

Проблема образа Германии как важного психологического фактора внешней и внутренней политики СССР весьма значима для интерпретации советско-германских отношений в годы второй мировой войны и в послевоенное время. Российские историки в какой-то степени затрагивали эту проблему в своих трудах¹. В данной статье предпринята попытка представить эволюцию образа Германии в советской пропаганде 1941- 1945 годов показать воздействие этого образа на поведение солдат и офицеров Красной Армии в ходе боевых действий и в первые послевоенные дни.

В 1933 – 1941гг. советская пропаганда неоднократно меняла свое направление в отношении Германии. Свойственный ей до 1939г. антифашистский и антигерманский характер, был утрачен после подписания пакта Молотова – Риббентропа. Очередной поворот произошел весной 1941 года когда взаимоотношения Германии и СССР заметно ухудшились. В Советском Союзе начали разрабатываться соответствующие пропагандистские документы². Но было уже поздно.

Сталинская внешнеполитическая пропаганда дезориентировала советское население, ее противоречивость и неконкретность порождали всевозможные слухи³. И через неделю после начала войны в советской прессе можно было встретить информацию о немецких солдатах, перешедших на сторону Красной Армии. На самом деле перебежчиков было мало, а восприятие противника с позиции пролетарской идеологии и ожидание солидарности со стороны «простого немецкого народа» снижало боеспособность советского солдата.

В начале войны многие в СССР даже не воспринимали информацию о зверствах фашистов⁴. Часть крестьянства связывала с наступлением вермахта надежду на

¹ Сенявская Е.С. 1941-1945 гг. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование / Е.С. Сенявская. - М., 1995; Горинов М.М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941 - 1942 гг.) / М.М. Горинов // Отечественная история. - 1996. - №3; Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939 - 1941 гг. / В.А. Невежин // Вопросы истории. - 1994. - № 8.

² См. подробнее: Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939-1941 гг. - С.170.

³ См. подробнее: Горинов М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей. - С. 11-13.

⁴ См.: Горинов М.М. Будни осажденной столицы. - С.12.

отмену единовластия коммунистической партии, введенных перед войной «строгостей», считала, что «гитлеровцы за православие», а немцы – «образованный и чистый народ»⁵. Оказалась возможна даже добровольная запись на работу в Германию на вербовочных пунктах вермахта. Лишь собственное столкновение с реальностью привело к перелому во взглядах советских людей на завоевателей.

16 июля 1941 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР началась реорганизация органов политической пропаганды и введение в армии - во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях - института военных комиссаров. В ротах, батареях, эскадронах создавался институт политических руководителей (политруков). Перед комиссарами и политруками ставилась задача «воодушевлять войска на борьбу с врагами нашей родины»⁶. В политуправлениях и политотделах Красной Армии началось формирование отделов политической пропаганды.

В этих условиях возросла роль периодической печати и прежде всего органа Главного Политического Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУ РККА) - журнала «Пропагандист Красной Армии», материалы которого использовались офицерами для работы среди солдат и воспринимались как установка Центра. Реальное положение дел на фронте и в оккупированных областях Советского Союза не находило, однако, своего отражения на страницах «Пропагандиста Красной Армии».

Лишь 6 ноября 1941г. в докладе «24-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» Сталин сделал акцент на монолитности наступавших войск неприятеля, назвав их «гитлеровской ордой». Последнее определение являлось прямым обращением к исторической памяти русского народа, мощный эмоциональный пласт которой составляла эпоха татаро-монгольского нашествия и сопротивления ему. В том же докладе Сталин процитировал текст обращения германского командования к немецким солдатам. В нем говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание - убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик - убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки»⁷. Рассматривая эту листовку как программный документ гитлеровской армии, Сталин заявил о необходимости адекватного ответа оккупантам: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят истребительную войну, они ее получают»⁸. Так началось становление новой тактики ведения войны СССР с Германией. В основе ее теперь лежал древний принцип: «Око за око – зуб за зуб».

Перед битвой под Москвой неотъемлемой частью советской пропаганды стало создание нового образа Германии и немецкого солдата. Войска врага не внушали больше иллюзий, рассеялась надежда советского руководства на возможность единения с братьями по классу, оказавшимися, якобы, против своей воли на восточном фронте. Исчезли классовые акценты в анализе немецкого наступления. Стерлось и различие между понятиями «немец», «фашист», «враг». В прессе появились характеристики, уничижительные, вызывающие презрение к немцам и немецкой культу-

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). - Ф.17.- Оп. 125. - Д. 85. - Л. 81 - 82.

⁶ Пропагандист Красной Армии. -1941. - № 13.- С.2.

⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. - М., 1946. - С.29-30.

⁸ Там же. - С.30.

ре⁹. В очерке «Родина» А.Толстой писал, что немецкие солдаты так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов...

Они жестоки и распущены, потому что в них вытравлено все человеческое; они чудовищно прожорливы, потому что всегда голодны и потому еще, что жрать – это единственная цель жизни: так им сказал Гитлер»¹⁰. Таким был образ немецкого солдата, выписанный рукой А.Толстого.. Хорошо знавший страну противника, неоднократно и подолгу живший в Германии писатель упрощал ситуацию, принижая способности немецкого солдата и возвышая его антипод – советского солдата. «Жестокий, распущенный, обезличенный, чудовищно прожорливый» немец, солдаты как «вываленная из мешка человеческая масса» встретились в Советском Союзе с «могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком разгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма...»¹¹. В соответствии с этими характеристиками солдаты «третьего рейха» не воспринимались в качестве врага, высококвалифицированного, умного, способного к проявлению воинского мужества. Создававшийся образ немецкого солдата препятствовал видению реальной опасности, исходившей от немецкой армии, вводил в заблуждение, вызывая в советских людях априори чувство превосходства над врагом и настрой на бесспорную и быструю победу. С другой стороны, нацистская пропаганда обещала легкую победу вермахта над Красной Армией, расписывая немцам образ неспособного к долгому сопротивлению советского солдата.

К концу 1941г., после битвы под Москвой, произошел перелом в настроении противников, теперь они оценивали друг друга объективно. Стали очевидны как стойкость и самоотверженность советского воина, так и техническая оснащенность, подготовленность к войне солдата-немца.

В декабре 1941г. ГлавПУ РККА издало директиву «О ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации». В соответствии с ней все политработники - от комиссаров объединений до замполитруков - обязывались «повседневное общаться и беседовать с красноармейцами». Они должны были довести до сведения последних указания Сталина об истреблении всех немцев до единого, немцев, «пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов»¹². Выполнение указаний Сталина следовало обеспечить любой ценой.

В журнале «Пропагандист Красной Армии» приводились факты зверств фашистов на оккупированной ими советской территории. В методических указаниях к этим материалам политработникам разъяснялась цель их бесед с воинами Красной Армии. Она заключалась в том, чтобы » разжечь в сердцах бойцов священную ненависть к врагу и развить в них чувство мести к немецко-фашистским мерзавцам, желание возможно скорее истребить эту разбойничью банду»¹³. Во время бесед политрук не должен был ограничиваться только материалом статьи, ему следовало «привести целый ряд фактов грабежей и зверств немецких захватчиков, о которых лично знают бойцы»¹⁴. Таким образом, личный опыт бойца снимал возможность сомнений в правдивости передававшейся политруком информации. На об-

⁹ Публицистика Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. - М., 1985. - С.31.

¹⁰ Там же. - С.20.

¹¹ Там же. - С. 27.

¹² Пропагандист Красной Армии. - 1941. - № 23 - 24. - С. 5.

¹³ Там же. - С. 5.

¹⁴ Там же. - С. 16.

ложке последнего за 1941г. номера журнала «Пропагандист Красной Армии» лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» был заменен заклинанием «Смерть немецким оккупантам!». Страна начала истребительную войну с фашистской армией. Это повлекло за собой снижение доктринально-классовых акцентов в советской пропаганде. Теперь от солдат германской армии не ждали ничего хорошего, армия воспринималась как монолитное воплощение зла, но это зло, все-таки, выделялось из немецкого народа, противопоставлялось ему, зло действовало за пределами Германии. В СССР по-прежнему отсутствовала реальная оценка германской внутривойсковой ситуации. Она определялась следующими словами Сталина: «Германия истекает кровью, ее людские ресурсы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, но и самим германским народом, который не видит конца войны»¹⁵.

Именно это разделение воевавшей на советской территории немецкой армии и немецкого народа позволило Сталину заявить 23 февраля 1942г. в приказе №55: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское - остается»¹⁶. При этом он возражал против высказываний иностранных корреспондентов, полагавших, «что советские люди ненавидят немцев, именно как немцев, ... что Красная Армия уничтожает немецких солдат, именно как немцев, из-за ненависти ко всему немецкому, что поэтому Красная Армия не берет в плен немецких солдат»¹⁷. В приказе Сталина речь шла об уничтожении гитлеровской армии на советской территории.

Содержание приказа Народного Комиссара Обороны было неоднократно повторено в прессе и периодической печати. Так определились два новых образа Германии, воплощенных, с одной стороны, в гитлеровской «грабьармии»¹⁸, солдаты которой «не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей». С другой – в голодном и нищем немецком народе, обманутом и понукаемом Гитлером и его шайкой - «главными организаторами грабежа и разбоя немецкой армии в советских районах»¹⁹. Политруки должны были неустанно напоминать бойцам, «что их священный долг перед родиной состоит в том, чтобы жестоко мстить немецким мерзавцам за все их кошмарные преступления на нашей земле. Истреблять гитлеровцев как бешеных собак, раз они не складывают оружие...»²⁰.

Образ другой Германии постепенно размывался, становился все более абстрактным, пока не исчез абсолютно со страниц периодической печати. Остался один – страшный и конкретный. Он закреплялся не только пролитой кровью, страданиями советских людей, но и пропагандой. В начале 1942 г. в «Пропагандисте Красной Армии» началась публикация выдержек из трудов М.Е.Салтыкова - Щедрина, Г.Успенского и Н.Некрасова²¹. См. также: Приложение. - Документ № 1. Немцы представлялись в них как заклятые враги русского народа, показывались их «разбойничьи повадки», «презрение к другим народам», «ненасытная жажда обогащения за счет чужих стран»²². Это было прямое обращение в традиции германо-

¹⁵ Пропагандист Красной Армии. - 1942.- №1. - С. 44.

¹⁶ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. - С. 46.

¹⁷ Там же. - С. 47.

¹⁸ Там же. - С. 40.

¹⁹ Там же. - С. 38 - 39.

²⁰ Там же. - С. 8.

²¹ См., например: Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. Глава первая / М.Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. - Т. 7. - М., 1988.

²² Пропагандист Красной Армии. - 1942. - № 3. - С. 43.

фобии в русской культуре. Материал рекомендовался политработникам для громкой читки бойцам, а также в качестве иллюстрации для докладов и бесед ...

Постоянной темой «Пропагандиста Красной Армии» стал панический ужас немецких солдат перед советской армией. Страх стал звеном, объединившим гитлеровские войска на советской территории с населением Германии. Оно больше не вызывало симпатии авторов публикаций. Германия слилась в одно целое со своими сынами - солдатами, бесчинствовавшими на Восточном фронте. Сочувствие немцам принципиально исключалось. Солдат вермахта, раскаявшийся в своем участии в войне и сообщавший матери в Германию о страшной войне на советской территории, был назван в одной статье » жирным фашистским карасем, попавшим на раскаленную красноармейцами сковородку»²³. Ситуация в корне отличалась от первых месяцев войны. Советская пропаганда и агитация в армии приняли наступательный характер. Важнейшая задача агитаторов состояла теперь в том, чтобы «неустанно разжигать ненависть к врагу»²⁴. Этот поворот был связан с изменением намерений руководства страны.

1 мая 1942г. Сталин заявил о достигнутом Красной Армией переломе в ходе войны и переходе от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска. Народный Комиссар Обороны приказывал: «Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942г. стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»²⁵.

В июне 1942г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) был создан Совет военно-политической пропаганды. Он действовал при начальнике ГлавПУ РККА. 27 июня 1942г. Совет принял постановление «О ликвидации недостатков в партийно-политической пропаганде в Красной Армии». В нем говорилось о грядущем коренном изменении методов руководства Глав ПУ РККА. Последнее должно было сосредоточить свое внимание на работе в войсках и на обучении «политработников искусству политического руководства и массовой политической агитации»²⁶.

Глав ПУ РККА издал директиву о распределении и использовании агитационно-пропагандистской литературы в частях действующей армии²⁷. Большими тиражами издавались серии брошюр «В помощь политруку», «Библиотека красноармейца» и т.д. Журнал «Пропагандист Красной Армии» был переименован. В соответствии с новой задачей он стал называться «Агитатор и пропагандист Красной Армии».

В журнале разъяснялось новое содержание советской пропаганды. Особое значение имела статья «Священная ненависть к поработителям», опубликованная летом 1942 г. за подписью бригадного комиссара В.Василенко. Это была ода ненависти. «Священная ненависть к поработителям» являлась, по мнению автора, традиционным «мощным оружием в арсенале моральных средств борьбы советского народа». «На основе священной ненависти формируются у бойца самые драгоценные качества: мужество, стойкость, отвага, инициатива, хитрость, постоянная боевая готовность, непреодолимая уверенность в своих силах, стремление в совершен-

²³ Там же. - № 6. - С. 28.

²⁴ Пропагандист Красной Армии. - 1942. - №7. - С. 23.

²⁵ Приказ народного комиссара обороны 1 мая 1942 года № 130 // Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. - С. 49-58.

²⁶ Заседание Совета военно-политической пропаганды от 27.06.1942. Проект постановления. - См.: РГАС-ПИ.- Ф. 17. - Оп. 125. - Л. 47 - 48.

²⁷ Пропагандист Красной Армии. - 1942. - №11. - С. 32-33.

стве овладеть своим делом, своим оружием, презрение к смерти, готовность отдать свою личную жизнь (но отдать наиболее дорогой ценой) во имя победы советского народа»²⁸. Ненависть становилась психологическим оружием Красной Армии. Она была вскормлена опытом войны советских людей, включавшим в себя многое. Среди прочего - страшное отступление 1941 году обусловленное сталинской предвоенной политикой, внутренней и внешней, неумение руководства страны правильно определить характер войны и мобилизовать силы для достойного отпора врагу, неготовность армии воевать в первые месяцы после начала военных действий и неоправданность многочисленных людских потерь. Все это должно было быть вытеснено теперь из сознания советских граждан ненавистью к врагу, ибо даже любовь к родине могла выражаться, по указанию Сталина, лишь «в постоянной и безмерной ненависти к оккупантам, в самоотверженном труде, создающем оружие и все остальные средства истребления фашистской своры, в беспощадном уничтожении гитлеровских бандитов»²⁹.

В триаде «немец-фашист-враг» окончательно изменились составляющие. Теперь это были «немец-враг-зверь», зверь, сильный и жестокий. Его нужно было убить, чтобы победить уже к концу 1942г., причем победить любой ценой. Этой цели была подчинена вся политработа. Установление полного единоначалия и упразднение института военных комиссаров в армии в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942г. не снизили ее значения. При ГлавПУ РККА были созданы группы штатных и внештатных агитаторов³⁰.

Задаче мобилизации населения на решение поставленной Сталиным задачи было подчинено и художественное слово. В июле 1942 года появилось стихотворение К.Симонова «Убей его», а чуть позже - И.Эренбурга «Убей!». Поэты подчеркивали невозможность какого-либо сосуществования с врагом. Чтобы мог жить советский человек, немец должен был быть убит. Поэтическое воплощение ненависти советского человека к врагу легко воспринималось в тылу и на фронте, накладываясь на страшный опыт соприкосновения с немцами в бою и на оккупированной территории Советского Союза. Стихотворения Симонова и Эренбурга расходились в листовках, их знал почти каждый гражданин СССР.

Период коренного перелома в войне стал кульминацией взаимной ненависти противников. Трудящиеся г. Харькова писали в обращении к Сталину по поводу освобождения их города: »Да будет проклят немец и его потомство за чудовищные разрушения! Пусть падет ненависть наша и наших детей на безумную голову фашиста... Нигде на всем земном шаре нет таких зверей, таких дикарей, таких гадов, каких не превзошли бы немцы-людоеды.

Горе наше и наших детей, горе всех советских семей, временно очутившихся под немецким сапогом, вызывает к мести!»³¹.

Созданный в обращении образ немца был идентичен представлениям не только харьковчан, но и переживших блокаду ленинградцев, киевлян, защитников лежавшего в руинах Сталинграда, многих других городов Советского Союза.

В начале 1943г. Красная Армия перешла в наступление, оно интерпретировалось как час расплаты немцев за содеянное ими в Советском Союзе, тем более, что

²⁸ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1942. - №13. - С. 17.

²⁹ Там же. - С. 16.

³⁰ В 1942 году вместо института инструкторов пропаганды в полках был введен институт полковых агитаторов.

³¹ Труд. - 1943. - 1 сентября.

войска шли через территорию, бывшую под оккупацией, и солдаты видели жуткий результат пребывания немецких войск на советской земле.

Воспитательная работа в армии направлялась на то, чтобы привить советским воинам чувство фанатичной ненависти к врагу. «Надо, чтобы ненависть к врагу, а, следовательно, и любовь к родине, к своему оружию стали руководящей нитью жизни», - заявил в начале 1943г. генерал-майор И.Фомиченко, выступив в журнале «Агитатор и пропагандист Красной Армии» под рубрикой «Вопросы воинского воспитания». «Ненавидеть врага всеми силами души – это означает отдать себя делу ненависти, делу истребления врага, делу усовершенствования способов этого истребления, полюбить искусство истребления, отдать себя ему целиком и полностью, без остатка. Нужно добиться того, чтобы ненависть была не фейерверкообразной, не ракетного типа, когда ее вспышки хватает на один удар, на один бросок, на день, на полдня. Ненависть должна быть не скоропреходящей, не мимолетной, не вспыхивающей, а должна пронизывать все и вся, стать основой характера... Умеет ненавидеть тот, кто ради победы, не задумываясь, жертвует кровью и самой жизнью», - писал И. Фомиченко³².

В 1943г. Глав ПУ РККА провело ряд важных совещаний. В середине февраля состоялось совещание начальников отделов агитации и пропаганды Политуправлений фронтов и округов. Основным вопросом его повестки дня являлось обсуждение хода перестройки агитационно-пропагандистской работы в Красной Армии. Совещание отметило особое значение митингов, переписки между фронтом и тылом, тематических вечеров и политбесед.

В середине апреля 1943г. состоялось совещание помощников начальников Политуправлений фронтов и округов по работе среди комсомольцев. Молодое пополнение Красной Армии объявлялось объектом пристального внимания политработников, Им предстояло исправить недостатки воспитательной работы комсомольских организации, не сумевших привить «молодежи чувство ненависти к врагу, чувство беспощадной мести подлым захватчикам». В качестве примера, достойного подражания, на совещании фигурировала Герой Советского Союза, девушка-снайпер Наталья Ковшова. Цитировались ее письма. В одном письме она писала о немцах: «Ненависть к проклятому зверю растет все больше и больше, но растет и уверенность в том, что скоро разгромим этого паршивого гада. Мы ходили с Машенькой на охоту и нам удалось убить: Машеньке – 5, мне – 6 гадов. Командование нами довольно...»³³. В этом письме сразу два образа, один – немцев, другой – советской девушки. В образе немцев достигло своего апогея культивировавшаяся советской пропагандой отчуждение их от мира людей, диктовавшее и соответствующее к ним отношение.

В июле 1943 года ГлавПУ РККА провело совещание редакторов фронтовых и армейских газет. На нем обсуждалась работа этих газет по военному, политическому и культурному воспитанию личного состава. Было отмечено: «Со страниц красноармейских газет все громче и убедительнее звучит слово, разжигающее священную ненависть к немецко-фашистским палачам»³⁴. Один из участников этого совещания заявил, рассказывая о своей работе. Газета ставила своей целью воспита-

³² Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1943. - № 2. - С. 18.

³³ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - №8. - С. 16.

³⁴ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - № 16. - С. 34.

ние в войнах такой ненависти к врагу, когда возмездие становится жизненной потребностью бойца, когда он готов перегрызть немцу горло зубами...»³⁵.

Усилия Глав ПУ РККА не пропали даром, отдача была такова, что в ноябре 1943 г. в «Сообщениях для офицерского корпуса», издававшихся в немецкой армии, появилась статья под названием, «Факты, которые заставляют задуматься». В ней говорилось о новом качестве ведения боя, обретенном советской армией в 1943г. Автор статьи анализировал содержание журнала «Агитатор и пропагандист Красной Армии» и делал вывод, в котором подчеркивал особое значение митингов мести как фактора резко повысившего боеспособность советских солдат³⁶.

Митинги мести являлись «сильнейшим средством разжигания священной ненависти к врагу, воспитания стойкости, храбрости и наступательного порыва воинов Красной Армии». Политорганы, партийные и комсомольские организации частей должны были «заботиться о том, чтобы митинги мести заняли прочное место в системе партийно-политической работы, чтобы они призывали наших воинов к решительной, смертельной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками»³⁷.

Каждый солдат открывал свой счет мести, то есть счет убитых «немцев-собак», солдат «армии людоедов», ведь каждый знал, что в кровь всякого «немецкого солдата и офицера впиталось дикое изуверство фашистских вожakov».

Среди призывов к мести осенью 1943г. раздался голос доктора юридических наук профессора А.Н.Трайнина. В лекции, прочитанной им в Колонном зале Дома Союзов, он попытался перевести проблему возмездия в правовые рамки и поставил вопрос «об уголовной ответственности гитлеровцев». Профессор предлагал хорошо продуманный и дифференцированный подход к определению меры виновности различных групп немецкого общества, он вышел по сути на проблему отношения к немецкому населению в процессе продвижения Красной Армии на Запад³⁸. Но услышан он не был, хотя осенью 1943г. уже нельзя было не думать о скором переходе советских войск государственной границы СССР, а значит и об исполнении Советским Союзом новой роли в послевоенном мире.

Советская политическая элита должна была не просто привыкнуть мыслить такими категориями как «сфера влияния», но и своевременно выработать формы и методы взаимодействия с населением стран, которые могли составить эту сферу.

Весной 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дважды обсуждало проблему воспитательной работы среди солдат Советской Армии. Она направлялась прежде всего на разъяснение освободительной миссии Советской Армии в Восточной и Юго-Восточной Европе. Политбюро считало необходимым принять меры по созданию нормальных отношений между наступавшими советскими войсками и населением этих стран. О немецком населении не было сказано ни слова.

1 мая 1944 года Верховным Главнокомандованием Советского Союза был издан приказ №70., в котором говорилось: «Но раненный зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненного немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге»³⁹. Учитывая но-

³⁵ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - № 16. - С. 34.

³⁶ Статья была переведена для начальника отдела пропаганды ГлавПУ РККА полковника М.Бурцева. - См: РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 125. - Д. 320. - Л. 39.

³⁷ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1943. - № 16. - С. 32.

³⁸ Об уголовной ответственности гитлеровцев // Труд. - 1943. - 12 сентября.

³⁹ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1944. - № 9. - С. 5.

вую ситуацию, военно-политическое руководство страны поставило вопрос о дисциплине в Армии.

Главное Политуправление РККА выразило свою позицию в этом вопросе через редакционную статью в «Агитаторе и пропагандисте Красной Армии». В ней отмечалось, что в годы войны «шел бурный процесс создания новых традиций». Из них важнейшей называлась традиция железной, сознательной, нерушимой дисциплины, вытекающей из социалистической культуры наших вооруженных сил, защищавших коренные интересы советского народа. По мнению редакции, она находила свое выражение» в строгом соблюдении уставных норм и положений, в чести полка, чести дивизии, в боевом содружестве народов СССР, в самосовершенствовании, в освоении опыта войны, в единстве тыла и фронта и т.д.»⁴⁰. О ненависти не было сказано ни слова.

Осенью 1944г. состоялось совещание начальников отделов агитации и пропаганды Политуправлений военных округов. Обсуждались вопросы воспитательной работы с офицерскими кадрами, политико-воспитательной работы среди пополнения, призванного в освобожденных от врага районах, и особенно - содержание политических занятий в учебных и западных частях армии. Увы, было поздно.

Войска 3 Белорусского фронта перешли границу СССР с Восточной Пруссией в октябре 1944г. Советские солдаты ступили на землю «третьего рейха», принеся с собой страшный опыт трех лет войны. «Немец, немецкий, Германия» – это были слова, вызывавшие у воинов Красной Армии ненависть, многие из них потеряли в годы войны дорогих им людей и были готовы за это мстить. К мести и возмездия зывала и советская пропаганда. Но теперь советские войска должны были соприкоснуться не только с немецкими солдатами, но и с гражданским населением.

Наступление Красной Армии было стремительным. Заместитель начальника Главного Политуправления Красной Армии И.Шикин сообщал в ЦК ВКП(б):» В сохранившихся домах Тильзита, Инстербурга, Гумбиннене и др. оставлены вся мебель и домашняя утварь...Не представляют исключения населенные пункты, ворвавшись в которые наши войска застают затопленные печи и приготовленную пищу. Сбор и учет всевозможного трофейного имущества представляет большие трудности»⁴¹.

Об отношении советских солдат к немецкому населению осенью 1944г. можно судить по распространенному тогда среди военных выражению «хороший немец - это мертвый немец», а также по весьма лаконичным сообщениям военных в ЦК ВКП(б). В одном из них говорилось:»...в захваченных нашими войсками населенных пунктах вскоре возникает большое количество пожаров. В связи с этим политорганы проводят среди личного состава соответствующую работу»⁴².

В крупных населенных пунктах Восточной Пруссии, занятых частями Советской Армии, остались «считанные единицы» немцев. Во многих населенных пунктах не осталось никого. По информации, поступившей в Главное Политуправление Красной Армии, «плановой эвакуации не было. В ряде населенных пунктов приказ об эвакуации немецкими властями был отдан за 2-3 часа до прихода советских войск»⁴³. Жители городов и сел Восточной Пруссии панически бежали на Запад. «Оставшееся в селениях немецкое население внешне к нашим войскам относится

⁴⁰ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1944. - №13. - С. 14.

⁴¹ РГАСПИ. - Ф.17. - Оп. 125. - Д.320. - Л.9-10.

⁴² Там же. - Л. 10.

⁴³ РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 125. - Д. 320. - Л.19.

покорно и ни в чем никакого сопротивления не оказывает. Раболепно льстит русским солдатам и офицерам. В поведении всех жителей сквозит большое чувство страха перед Красной Армией и русскими. Крестьянин Вильгельм Маркфасс из деревни Линденгрюндж, увидев свой дом разрушенным, когда с ним заговорили, поспешно объяснил: «Я знаю, что немецкие солдаты творили в России. Знаю настроения русских по отношению к немцам. Поэтому мне понятна та злоба, с которой русские смотрят на нас немцев», - сообщалось в донесении начальнику Главного Политуправления Красной Армии из Восточной Пруссии⁴⁴. В донесении содержится еще один показательный пример реакции немецкого населения на встречу с советской армией: «Житель г.Ликк Эмиль Монко на вопрос о настроениях населения ответил:» Основным моментом при паническом бегстве немцев из своих жилищ является их страх перед русскими, кроме геббельсовской пропаганды о мнимых зверствах русских, этот страх подкрепляется еще и воспоминаниями о том, как здесь, до 1943г. обращались с русскими военнопленными»⁴⁵.

Вдохновленные ненавистью и готовые к мести без оглядки на пол и возраст солдаты Красной Армии вызывали у населения Германии не только ужас, но и сопротивление. Войска 1 Украинского фронта, встречая противодействие гражданского населения в правобережных районах Одера, расправлялись с ним как с противником - очаги сопротивления уничтожались⁴⁶. Имели место грабежи, изнасилования и убийства гражданских лиц солдатами наступавшей Советской Армии. С другой стороны, часть жителей в городах и селах, где ожидалось наступление советских войск, не пожелала покидать родные места и пряталась в лесах и подвалах домов, стремясь выяснить отношение к ним советского командования⁴⁷. Оставленное без присмотра имущество привлекало внимание и отступавших немецких солдат.. Закон порядочности плохо действовал в военное время. Вот справка, подписанная начальником 7 Управления ГлавПУ РККА генерал-майором М.Бурцевым:» В первые дни наступления наших войск на территории Германии население, запуганное лживой фашистской пропагандой, панически бежало от наступающих частей Красной Армии или сидело в глубоких подвалах, не решаясь показываться на улицах. Постепенно страх сменился настороженностью, однако, уверенность в скорой гибели или в ссылке в Сибирь являлась преобладающим мотивом в настроениях большинства немецкого населения. Были отмечены многочисленные факты индивидуальных и групповых самоубийств жителей из-за страха перед Красной Армией»⁴⁸. Красной Армии боялись значительно больше, чем войск союзников.

Перед Ялтинской конференцией ГлавПУ РККА опять подчеркнуло - особенность политработы теперь заключается в «неустанной борьбе за дальнейшее укрепление воинской дисциплины и организации, за совершенствование воинского мастерства, за повышение бдительности»⁴⁹. Последнее было связано с пребыванием армии за границей. Именно тогда Сталин потребовал «не допустить грубого отношения к немецкому населению».

Но и в апреле 1945г. публиковались статьи, взывавшие исключительно к мести. Только 14 апреля, перед началом Берлинской операции, в «Правде» появилась статья Г.Ф.Александрова «Тов.Эренбург упрощает», она была ответом на статью

⁴⁴ Там же. - С. 20.

⁴⁵ Там же. - Л. 21.

⁴⁶ РГАСПИ. - Ф.17. - Оп.125. - Д. 320. - Л.37.

⁴⁷ Там же. - Л. 2.

⁴⁸ Там же. - Л. 107.

⁴⁹ Агитатор и пропагандист Красной Армии. - 1945. - №4. - С. 25.

Эренбурга, опубликованную перед этим. Политическая элита страны осознала необходимость постановки вопроса о том, как следует управлять оккупированной территорией Германии. Александров в противовес традиционным установкам заявлял о необходимости дифференцированного подхода к немцам. Он писал: «Ничто не угрожает жизни немцев, которые вели борьбу с Гитлером, или будут вести себя лояльно по отношению к войскам союзников»⁵⁰. В освобожденном Берлине содержание статьи Г.Ф.Александрова транслировали оперативные звуковещательные установки (ОЗУ) и мощные говорящие установки (МГУ). Реакция берлинцев показала важность сделанного шага. В беседе с одним из советских офицеров гражданин г.Берлина Ганс Эммель сказал: «Хорошо, что Вы передаете нам содержание статьи Александрова. Геббельс использовал статьи Эренбурга для запугивания немцев. Услышав об официальном мнении общественности Советского Союза о немецком народе, мне стало легче»⁵¹. Официальная политика была направлена на установление необходимых контактов между советской оккупационной властью в Германии и немецким населением. 13 мая 1945г. жители Берлина узнали о новых нормах питания. Член Военного Совета 5 Ударной Армии генерал-лейтенант Боков сообщал о настроениях в городе в связи с данной информацией: «Во время передач об этом через звуковещательные установки слышались такие возгласы: «Благодарение Богу!», «Боже мой! Дети получают сахар и молоко», «Русские будут давать натуральный кофе. Интересно, где они его возьмут!» После передачи через МГУ о новых нормах один чиновник в разговоре с другим заявил: «Русские начали не совсем хорошо, часы с меня сняли, но если нормы дадут, то проживем и без часов»⁵².

К лету 1945г. уже был накоплен значительный опыт взаимодействия Советской Армии и гражданского населения Германии. Этот опыт был разный. В начале июня 1945г. начальник У11 отдела Политуправления 1 Белорусского фронта полковник Мельников направил донесение в Главное Политуправление РККА, в котором сообщал о «неблаговидном поведении советских воинов и отмечал рост случаев ограблений и насилий над населением, незаконного отбора велосипедов и автомашин, вывоза из домов мебели и домашней утвари»⁵³. Ту же тенденцию отмечало Политуправление 1 Украинского фронта. Но победители, трудно входившие в реалии послевоенной Германии, могли быть и до курьеза великодушны. Упомянувшийся выше полковник Мельников сообщал в Москву: «В Берлине отмечается много случаев, когда военнослужащие своими действиями увеличивают рост цен, спекуляцию и дезорганизацию торговли. В парикмахерских вместо платы 1-2 марки, наши военнослужащие очень часто дают 100 марок, отказываясь получать сдачу. Группа военнослужащих купила в магазине 3 банки клея и две кисточки. Торговцем был выписан счет на 4 марки 20 пфеннингов. Эти военнослужащие заплатили 10 марок, отказавшись от сдачи. Те же военнослужащие через два часа послали своего товарища за такой же покупкой. Продавец на этот раз написал ему счет на 100 марок»⁵⁴.

⁵⁰ Правда. - 1945. - 14 апреля.

⁵¹ Генерал-лейтенанту Телегину. Центральная сводка № 69 7 отдела Политуправления 1 Белорусского фронта от 17.05.1945. - См.: РГАСПИ. - Ф.17. - Оп. 125. - Д.321. - Л.38.

⁵² Там же. - Л. 20 - 22.

⁵³ См.: Тимофеева Н.П. Союз деятелей культуры за демократическое обновление Германии (Культурбунд): проблема идейно-организационного становления // Известия Воронежского педуниверситета. - 1998.- 248. Запад и Восток: события, люди и их исследователи (XIX-XX вв.): Межвузовский сборник научных трудов. - С. 5.

⁵⁴ РГАСПИ.- Ф.17. - Оп. 125. - Д.321. - Л. 42.

Поворот в советской политике по отношению к немецкому населению, начавшаяся в связи с этим разъяснительная работа в армии, другие меры не сразу переломили тенденцию, способствовавшую вначале утверждению у части немцев образа советского человека в соответствии со стереотипами нацистской пропаганды.

В то же время уже первые усилия военного командования по восстановлению нормальных условий жизни в Восточной Германии привели к взаимодействию военных и гражданского населения. У советских солдат появились свои наблюдения, новый образ Германии и немцев отличался от того, что был сформирован у них в годы войны. Дошедшие до Берлина советские солдаты свидетельствуют: «Мы себе Германию не так представляли. Думали, что богачи-капиталисты и бедняки-пролетарии, а они все богато жили. Я все спрашивал себя, зачем им было начинать войну?»⁵⁵. Солдаты наблюдали чужой быт и отмечали: «В Германии меня больше всего поразил порядок, чистота. Дороги у них больно хорошие. Немцы - народ трудолюбивый, чистоплотный, на дурника работать не будут»⁵⁶. «Удивило, что обустроены хорошо, мы же солдаты прошли через всю страну, сожжено все, порушено. Иной раз в Германии зайдешь в дом и тоже все порушишь от злости. У нас беднее жили люди, особенно в деревнях, и те они сожгли»⁵⁷. А вот еще одно признание: «Зашли в Германию. Мирное население бежало. Думали мы всех перевешаем. Сначала ведь было «Убей немца!», а потом вдруг «Не трогать!». Зато, как немцы поняли, что убивать не будем, отношение к нам изменилось»⁵⁸. Дошедший до Берлина поэт Д.Самойлов размышлял, вспоминая: «Война вменяет в обязанность убивать врага. Нас же убеждали, что мы имеем право убивать: убей немца! Обязанность за право приняли, конечно, худшие. Их аргумент был: а немцы, а эсэсовцы, а гестапо – разве они не поступали хуже? Для русского человека гестапо не предмет сравнения. Мы победили, потому что были лучше, нравственнее. И большая часть армии не воспользовалась правом убивать»⁵⁹. Этим правом не воспользовались те, кто понимал: «Страшная вещь война. И решившись воевать, надо решиться на убийство. Весь этот пресловутый гуманизм войны – ханжество и фикция. Нет и не может быть гуманной войны. Но может быть война ради самозащиты, самосохранения»⁶⁰.

Солдат, дошедший до Берлина, начал делать открытия мирного времени, и они формировали новый образ немца и Германии в глазах советских граждан, оказавшихся за рубежом. Взаимное узнавание русских и немцев, разрушение у них сложившихся в войну представлений друг о друге длились недолго. Не успев закрепиться, опыт мирной действительности был прерван взрывом новых противоречий в международных отношениях. Замешенная на крови традиция ненависти оказалась востребована в мирное время - в эпоху «холодной войны».

В. Л. Чернопёров

ПОЛЬША В «ГЕРМАНСКИХ» ПЛАНАХ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА В.Л. КОППА (1919 - 1921 ГГ.)

⁵⁵ Воспоминания Ф.В. Гуторова, в прошлом командира взвода 4-ой танковой армии, лейтенанта // Личный архив Н.П.Тимофеевой.

⁵⁶ Воспоминания В.Е.Чувашева, полковника в отставке, закончившего войну в звании старшего врача 111 стрелкового полка, сороковой дивизии Уральско-Сибирского корпуса десантов // Там же.

⁵⁷ Воспоминания П.И.Сенькина, в бывшем артиллериста-наводчика 4-ой танковой армии // Там же.

⁵⁸ Воспоминания Ф.В. Гуторова.

⁵⁹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок / Д. Самойлов // Аврора. - 1990. - №1. - С. 81.

⁶⁰ Там же. - С. 81.

Дипломатическая деятельность одного из первых сотрудников наркомата иностранных дел РСФСР/СССР Виктора Леонтьевича Коппа в разные годы получала в отечественной историографии диаметрально противоположные оценки: от уважительных в 1920-е – начале 1930-х гг.¹ до негативных в конце 1930-х – начале 1950-х.² В современных российских исследованиях В. Л. Копп занял место среди видных и прагматически мыслящих сотрудников НКВД³. Значительную роль в утверждении такого взгляда сыграли труды отечественных ученых В. А. Шишкина, П. Н. Ольшанского, С. А. Горлова⁴ и их зарубежных коллег Л. Фишера, Дж. Хайдена, Х. Г. Линке, Г. Вагнера и др.⁵

Анализ отечественной и международной историографии показывает, что изучение дипломатической деятельности В. Л. Коппа носит фрагментарный характер. Отсутствует комплексное исследование его работы в НКВД и НКВД. Только нача-

¹ Гай Г. В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной Армии в Германии в 1920–1921 гг. / В. Гай. - М., 1932. - С. 36–41; Десять лет советской дипломатии (Факты и документы). - М., 1927. - С. 60; Копп В.Л. Автобиография / В.Л. Копп // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. - М., 1989. - С. 452; Майский И.М. Внешняя политика РСФСР. 1917–1922 / И.М. Майский. - М., 1921. - С. 106; Радек К. Ноябрь (страничка из воспоминаний) / К. Радек // Красная новь. - 1926. - № 10. - С. 169.

² Вечернее заседание 4 марта. Второй допрос подсудимого Крестинского // Правда. - 1938. - 6, 13 марта; Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 гг. / И.К. Кобляков. - М., 1954. - С. 157.

³ См., напр.: Зубачевский В.А. Политика Советской России в Центральной Европе в начале 1920-х годов (по новым документам) / В.А. Зубачевский // Отечественная история. - 2003. - № 2. - С. 88; Наджафов Д.Г. СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. – март 1939 г. / Д.Г. Наджафов // Отечественная история. - 2000. - № 2. - С. 77–78; Сироткин В.Г. Почему Троцкий проиграл Сталину? (Серия: имперское мышление.) / В.Г. Сироткин. - М., 2004. - С. 77–78, 103–105; 116–121; Чернопёров В.Л. В. Л. Копп и германо-советские отношения 1918–1921 годов / В.Л. Чернопёров // Веймарская республика: история и источниковедение. Межвуз. сб. науч. трудов. - Иваново, 2001. - С. 60–101; Он же. Неудачи внешнеэкономической деятельности миссии В. Л. Коппа в Германии (1919–1920 гг.) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия международные отношения. Политология. Регионоведение. - Вып. 1(2). - Н. Новгород, - С. 108–119; Он же. Из истории советско-германского конфликта 1924 года (НКВД contra НКВД) // Веймарская республика: история, историография, источниковедение. Межвуз. сб. науч. трудов. - Иваново, 2004. - Вып. 3. - С. 61–91.

⁴ Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией / С.А. Горлов. - М., 1999. - С. 24–25, 33–35, 39–41, 44, 46, 49–58 и др.; Кобляков И.К. В.И. Ленин и советско-германские отношения в 1917–1923 гг. (в свете новых документов) / И.К. Кобляков // Ежегодник германской истории 1971. - М., 1973. - С. 181–184; Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 / П.Н. Ольшанский. - М., 1974. - С. 177–181, 184–187; Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений / В.А. Шишкин. - Л., 1969. - С. 126–127, 211–218, 260–261; Он же. В. И Ленин и внешнеэкономическая политика советского государства (1917–1923 гг.). - Л., 1977. - С. 61, 168, 216–217, 317; Он же. Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса. (1924–1929 гг.). - СПб., 1991. - С. 133–136 и др.

⁵ См. напр.: Carr E.H. German – Soviet Relations between the two World Wars, 1919–1933 / E.H. Carr. - Baltimore, 1951. - P. 48–51, 56; Carr E.H. The Interregnum 1923–1924 / E.H. Carr. - L.-N.Y., 1954. - P. 218; Carsten F.L. Reichswehr und Politik, 1918–1933 / F.L. Carsten. - Köln-Brl., 1965. - S. 141–142, 147; Fischer L. The Soviet in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1929 / L. Fischer. - Princeton - New Jersey, 1951. - Vol. I–II. - P. 378–381, 458–459, 604–605; Hiden J. The Baltic States and Weimar Ostpolitik / J. Hiden. - Cambridge, 1987. - P. 33, 90–91, 147–148; Korbel J. Poland between East and West. Soviet and German diplomacy Toward Poland, 1919–1933 / J. Korbel. - Princeton, 1963. - P. 76–77, 84–87, 138–141, 152–157, 176–178, 223–224; Linke H.G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo / H.G. Linke. - 2. Aufl. - Köln, 1972. - S. 84–88, 92–95, 99, 103–109, 114–125, 136–149, 156–161; Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920 / G. Wagner. - Wiesbaden, 1979. - S. 84–89, 96–101, 183, 272–273; Zeidler M. Reichswehr und Rote Armee 1920 – 1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. - 2. Aufl. unveränd. - München, 1994. - S. 47–53.

то изучение пространственно-политических представлений этого дипломата⁶. Частично восполнить обозначившуюся лакуну призвано предлагаемое сообщение – Польша в «германских» планах В. Л. Коппа. Его источниковую базу составили опубликованные документы⁷ и материалы из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ)⁸ и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁹.

Копп прибыл в Веймарскую республику ранней осенью 1919 г. Формально он имел статус уполномоченного РСФСР по делам военнопленных Первой мировой войны, фактически же исполнял обязанности советского полпреда и торгпреда.

Уже в первых сообщениях из Германии Копп обратился к анализу политики Варшавы. Рожденная на обломках кайзеровской и российской империй, в обстановке послевоенного хаоса и политического вакуума Польша (или Вторая Речь Посполитая) стала «восточным бастионом Версальского договора», причем ее внешнеполитический курс прошел быструю эволюцию от идеи конфедеративного государства до политики силового захвата сопредельных территорий¹⁰. Претензии к соседям представитель варшавского правительства Р. Дмовский озвучил 29 января 1919 г. в пятичасовой речи на Парижской мирной конференции. В ней он потребовал восстановления «новой Польши» в границах Речи Посполитой 1772 г.¹¹ Для Берлина это означало частичную потерю Пруссии, Померании, Познани и Силезии.

Копп отметил агрессивность Варшавы еще в октябре 1919 г. в письме председателю совнаркома В. И. Ленину, наркому иностранных дел Г. В. Чичерину и главе наркомата торговли и промышленности Л. Б. Красину¹². В сентябре следующего года его оценки конкретизировались. Польша в иерархии (или позиционировании) пространственно-политических представлений Коппа заняла место империалистического государства, созданного Антантой «как барьер между Германией и Россией»¹³. Кроме того, она выступала «согревательным компрессом», приложенным к Веймарской республике с Востока.

Действительно, политика Варшавы быстро стала головной болью Берлина. Польские лидеры стимулировали сепаратистские движения на спорных с немцами территориях и, прежде всего в промышленно развитой Верхней Силезии. Туда же двигались их армии. Германским ответом стали контракции рейхсвера, а также

⁶ Чернопёров В.Л. Страны Прибалтики и Польша в оценках Л. Т. Лукьянова и В. Л. Коппа в 1919–1920 гг. (По материалам архива Наркомата внешней торговли) / В.Л. Чернопёров // Гуманитарные аспекты профессионального образования: проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. кафедры философии и отечественной истории Ивановского института ГПС МЧС России. - Иваново, 2004. - Вып. 1. - С. 179–192.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 2–4. - М., 1958–1960 (далее ДВП СССР); Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске о подписания Рапалльского договора. Сб. документов. - М., 1971. - Т. II (1919–1922 гг.). (далее: Советско-германские... Т. II (1919–1922 гг.); Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Известные документы / Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. - М., 1992; Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Seria A. 1918–1925. - Vorpapier a. R., 1985. Bd. III. (далее ADAP).

⁸ В РГАЭ нами проанализированы документы фонда 413 (фонд наркомата внешней торговли).

⁹ В РГАСПИ мы анализировали материалы фондов председателя совнаркома В. И. Ленина (фонд 5) и политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) (фонд 17).

¹⁰ Польшанский Д.И. От идеи федерации к практике оккупации: генезис агрессивности в восточной политике Польши в 1918–1920 гг. / Д.И. Польшанский // Гуманитарное измерение меняющегося мира: Материалы Фестиваля гуманитарных наук. - Иваново, 2002. - С. 137–140.

¹¹ Kulak T. Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich / T. Kulak // Twórcy polskiej myśli zachodniej / Pod red. W. Wrzesińskiego. - Olsztyn, 1996. - S. 68.

¹² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1379. Л. 74.

¹³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 40; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 328. Л. 2.

создание соединений немецких добровольцев и отрядов самообороны¹⁴. В феврале 1919 г. они начали в «немецкой» Польше контрнаступление. Разрастание конфликта озаботило командование Антанты, которое с января стало требовать демаркационного разграничения польских и германских частей¹⁵.

Судьба спорных территорий была передана в руки Парижской мирной конференции. По пресловутому Версальскому договору Польша получила районы Померании, Познань, большую часть Западной Пруссии и южную часть Восточной Пруссии (район Зольдау)¹⁶. Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом под протекторатом Лиги Наций, но включался в таможенную систему Второй Речи Посполитой. Кроме того, Варшаве передавался контроль над железнодорожными и речными путями Данцигского коридора. Касательно Верхней Силезии и чести Восточной Пруссии (Вармии и Мазур), то их государственную принадлежность, не смотря на недовольство Варшавы¹⁷, было решено определить через проведение там плебисцитов. Контроль над голосованием поручался межсоюзнической правительственной и плебисцитной комиссии под общим руководством генерала А. Ле-Ронда. Он же возглавил комиссию Восточных границ Германии. А. Ле-Ронд по прибытии на место в начале 1920 г. повел политику поощрения варшавских националистов¹⁸, что позволило Москве уже в феврале - марте этого года придти к мысли о возможности в недалеком будущем немецко-польской войны¹⁹.

Агрессивность Варшавы стала одним из факторов обращения военной и политической элиты Веймарской республики к России. Уже 31 января 1920 г. командующий германскими вооруженными силами Х. фон Зект в письме генералу Э. фон Массову определил «незыблемой» целью немецкой политики на Востоке «политическое и экономическое объединение с Великороссией»²⁰. Глава рейхсвера предлагал не препятствовать большевикам в завоевании Польши, Литвы и Латвии, но выступал за отпор им при попытке вторгнуться в Германию. Идею союза с Советской Россией Х. фон Зект повторил в меморандуме от 4 февраля 1920 г.²¹. В конце этого же месяца он, выступая в Гамбурге, заявил: «Ни один немец не должен пошевелить рукой ради спасения от большевизма Польши, этого смертельного врага Германии, творения и союзника Франции, <...> и если бы черт побрал Польшу, нам бы следовало ему помочь»²².

Отражением настроений германской элиты стало решение МИД Веймарской республики от 20 февраля 1920 г. об официальном признании Коппа уполномоченным по делам военнопленных²³. Комиссия рейхстага по иностранным делам 3 марта одобрила этот шаг²⁴.

¹⁴ Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. - С. 27.

¹⁵ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах / Д. Ллойд Джордж. - М., 1957. - Т. 2. - С. 180; Фош Ф. Воспоминания. Война 1914–1918 гг. / Ф. Фош. - М., 1939. - Т. 2. - С. 429–430.

¹⁶ См. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника (Версальский мирный договор). - М., 1925.

¹⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. - Т. 2. - С. 470.

¹⁸ Горлов С. А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920–1933. - С. 28.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. - Т. 40. - С. 68; Радек К. Германия и союзники / К. Радек // Известия. - 1920. - 11 марта; ДВП СССР. - Т. 2. - С. 370–371.

²⁰ Meier-Welker H. Seeckt / H. Meier-Welker. - Frankfurt a. M., 1967. - S. 323.

²¹ Fabry F. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. / F. Fabry. - Stuttgart, 1971. - S. 319–320.

²² Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. - S. 45.

²³ Советско-германские ... Т. II. (1919–1922). - С. 152, 168, 170.

²⁴ Blücher W. von. Deutschlands Weg nach Rapallo / W. von Blücher. - Wiesbaden, 1951. - S. 97-98.

В апреле 1920 г. советско-польские противоречия, накапливавшиеся с 1918 г., переросли в полномасштабную войну. Как известно первоначально армиям Ю. Пилсудского и его петлюровским союзникам сопутствовал успех. Однако затем Красная Армия перешла в контрнаступление и к июню достигла линии, с которой польские войска начали вторжение.

В условиях войны значение Германии возросло многократно. Через ее территорию пролегали пути снабжения польских армий Антантой. Немецкий рейхсвер, несмотря на ограничения по Версальскому договору, вместе с многочисленными отрядами добровольцев и самообороны продолжал оставаться существенным фактором на северо-востоке Европы и мог сыграть значительную роль в противоборстве с армиями Ю. Пилсудского.

В начале войны руководство Веймарской республики заняло выжидательную позицию, что вызвало публичную критику наркома иностранных дел Г. В. Чичерина 17 июня 1920 г.²⁵. Однако вскоре ситуация изменилась. Успехи Красной Армии совпали с новыми антинемецкими действиями Антанты в Восточной Пруссии. Её эмиссары, вопреки воле народа, отдавшего на плебисците 11 июня 1920 г. в Аллерштайнском, Мариенвердерском и Остеродском округах 96,66 % голосов в пользу Германии²⁶, передали 3 пограничные деревни Польше. Ответом Берлина стало новое соглашение с большевиками 7 июля 1920 г., которое расширяло дипломатические права миссии Коппа²⁷.

На фоне побед Красной Армии Виктор Леонтьевич в беседах с референтом по русским делам IV отдела германского МИД А. фон Мальцаном начал обсуждение планов переустройства Восточной Европы. Так 19 июля 1920 г., советский представитель обещал германскому коллеге, что при подписании мирного договора с Варшавой РСФСР выступит за решение в пользу Веймарской республики вопросов о Польском коридоре и Верхней Силезии²⁸. С заявлениями Коппа был ознакомлен министр иностранных дел Германии В. Симонс. На следующий день президент Веймарской республики Ф. Эберт издал Декларацию о нейтралитете²⁹. Через два дня В. Симонс обратился к Г. В. Чичерину с предложением о восстановлении дипломатических отношений³⁰. Вскоре Копп отбыл в Москву для консультаций.

Тридцать первого июля 1920 г. политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о мирной конференции «с Германией по вопросу о возобновлении торговых отношений»³¹. Итогом стала нота НКВД, в которой выражалось согласие на проведение форума по восстановлению экономических и «по возможности также политических» связей³². Пятого августа 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) определил примерный состав делегации РСФСР во главе с первым советским полпредом в Берлине А. А. Иоффе³³.

На заседании политбюро 31 июля рассматривался также проект предварительного мирного договора с Польшей, разработанный Реввоенсоветом³⁴. Девятнадцать статей документа свидетельствуют о том, что Москва готовила Варшаве свой

²⁵ ДВП СССР. Т. 2. - С. 650.

²⁶ Die Volksabstimmung am 11. Juli 1920 in Ost- und Westpreußen. - Weisenburg, 1990. - S. 44.

²⁷ ДВП СССР. Т. 3. - С. 14–16.

²⁸ ADAP. Seria A. Bd. III. - S. 430.

²⁹ ДВП СССР. Т. 3. - С. 79.

³⁰ Там же. - С. 77–78.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 99. Л. 1.

³² ДВП СССР. Т. 3. - СС. 75–77, 141, 667. Ст. 28.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. - С. 652.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 99. Л. 4–9.

«Версальский договор». Проект предполагал разоружение Польши и существенный пересмотр ее границ. Сотрудники НКВД предложили дополнить соглашение, подготовленное в ведомстве Л. Д. Троцкого, 4-мя статьями. Центральное место заняла 20-ая³⁵. Согласно ей Варшава обязывалась предоставить Москве «право свободного и беспрепятственного провоза людей и всякого рода товаров через свою территорию» во всех направлениях, «включая области, отошедшие или имеющие отойти к Польше» на основе международных актов. При этом вагоны, запечатанные российскими пломбами, не подлежали вскрытию, осмотру и контролю таможенными, полицейскими или санитарными властями варшавского правительства.

Подписание такого договора позволило бы большевикам не только установить экономические связи с промышленными центрами Европы, но и стимулировать здесь коммунистическое движение. Политбюро ЦК РКП(б) 31 июля 1920 г. утвердило проект соглашения с Польшей, приняв дополнения НКВД³⁶.

В момент подготовки договора с Варшавой и конференции с Берлином, Копп вернулся в Германию, где 2 августа передал личное письмо Г. В. Чичерина В. Симонсу. В нем содержался очередной призыв к установлению взаимовыгодных отношений и подчеркивалась мысль о схожести положения двух государств³⁷. Продолжением выбранного большевиками курса стали переговоры Коппа с А. фон Мальцаном 12 августа 1920 г. На них советский дипломат заявил: если в Варшаве будет создано большевистское правительство, то оно вернет Германии все этнически немецкие территории; если же в Польше будет создан лишь реформистский кабинет, то Москва, как условие заключения мира, потребует беспрепятственного транзита через «Польский коридор» и польские области³⁸.

Создавшаяся обстановка стимулировала военное сотрудничество двух стран³⁹. Политбюро поддержало планы массированных закупок вооружений в Германии⁴⁰. Немцы, в свою очередь, использовали успехи Красной Армии в пропагандистской компании. Например, при проведении плебисцита в Восточной Пруссии⁴¹. Красноармейцы при прохождении через этнически немецкие поселения в Польше или спорные территории встречали дружеский прием⁴², а германская пресса, особенно правая, высоко оценивала их поведение и выучку⁴³. Копп позже так описал обстановку августа 1920 г.: «Верхняя Силезия, Польский коридор, некоторые округа Польши - все это кровоточащие раны на немецком государственном организме, самая мысль о которых приводит в бешенство даже самого степенного немецкого бюргера <...>. Уже появление наших войск в Польском коридоре было достаточно, чтобы создать стремление германского народа к воссоединению с Германией»⁴⁴.

³⁵ Там же. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 1.

³⁷ Советско-германские ...Т.II. (1919–1922). - С. 215; ДВП СССР. Т. 3. - С. 76.

³⁸ ADAP. Seria A. Bd. III. - S. 497.

³⁹ См.: ДВП СССР. Т. 3. - С. 76–77; ADAP. Seria A. Bd. III. - S. 443, 487; Горлов С. А. Совершенно секретно... - С. 39–40; Carr E. H. German-Soviet Relations between two World Wars, 1919–1939. - P.18; Zeidler M. Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. - S. 48–49.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 102. Л. 3; Горлов С. А. Совершенно секретно... - С. 40.

⁴¹ Манусевич А.Я. Очерки истории Польши /А.Я. Манусевич. - М., 1952. - С. 294; Plebiscyt na Warmii, mazurach i ziemi Malborskiej. - Toruń, 1930. - S. 430; Wrzesiński W. Plebiscyt na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w 1920 roku / W. Wrzesiński. - Olsztyn, 1974. - S. 257.

⁴² ADAP. Seria A. Bd. III. - S. 507; Carr E. H. German-Soviet Relations ... - P.18.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 28.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 328. Л. 2.

Летом 1920 г. планы полномасштабного возобновления германо-советских отношений осуществлены не были. Польские войска, перегруппировав свои силы и получив массивную помощь Антанты⁴⁵, в ходе Варшавской и Львовской операций 14–19 августа 1920 г. разгромили части Красной Армии и вынудили большевиков пойти на мирные переговоры.

Копп, анализируя сложившуюся ситуацию в докладе от 7 сентября 1920 г. отмечал, что поражение в войне, а главное - диалог Москвы с Варшавой привели к тому, что в Берлине «„идея восточной ориентации“ если не окончательно исчезла с политического горизонта, то[,] во всяком случае[,] сильно поблекла»⁴⁶. «Правые националистические круги, связывавшие эту идею с мечтами о военном выступлении против Франции в союзе с Советской Россией, - писал он далее, - бьют отбой по всей линии». По мнению Коппа, руководство Веймарской республики от полного перехода на сторону Антанты удерживала только «ненависть населения, особенно прусских областей, к полякам»⁴⁷. Эту же мысль он повторил в докладе Чичерину (копии Ленину и Троцкому) 11 сентября⁴⁸.

Копп, обращая внимание на широкое распространение антипольских настроений в германском обществе, настоятельно рекомендовал Москве использовать это в интересах РСФСР. Считая, что примирение Варшавы и Берлина «вещь для данного исторического периода абсолютно невозможная», он в аналитическом докладе от 27 сентября 1920 г. предложил следующий среднесрочный план: «1) Латентный конфликт между странами Антанты <...> и Германией, для которой <...> Версальский мир не оставляет свободу дыхания, должен подчеркиваться нами при всяком удобном случае и в моменты, подобные появлению на прусской границе, доведен до состояния кризиса.

2) Германия должна быть <...> поставлена в такое положение, при котором для нее формально было бы невозможно вступление в какую бы то ни было антибольшевистскую коалицию. <...>

3) Во всех наших выступлениях, касающихся Германии, необходимо <...> подчеркивать ту мысль, что мы не признаем грабительского Версальского мира, и что стремление Германии свергнуть этот мир заслуживает симпатию и поддержку Советской России.

4) Конфликты между Германией и Польшей должны быть использованы нами при переговорах с Польшей в смысле усиления нашей и ослабления позиции Польши. Принцип самоопределения национальностей должен защищаться нами в этом пункте со всей энергией»⁴⁹.

У Коппа перспективные планы были тесно переплетены с анализом коммунистического движения Веймарской республики. В отличие от многих лидеров РСФСР, которые летом 1920 г. видели в Германии «могущественные пороховые погреба» революции⁵⁰, он в докладе Чичерину (копия Ленину) от 16 сентября ука-

⁴⁵ Франция поставила новое вооружение, а ее военные советники под руководством генерала М. Вейгана разработали планы перегруппировки польских вооруженных сил и контрудара. Англия 1 августа заявила о возобновлении блокады РСФСР и ввела часть флота в Балтийское море. Помощь оружием и деньгами оказали также США. (История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1 (1917–1939). - М., 1967. - С. 120–121).

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 19.

⁴⁷ Там же. Л. 20.

⁴⁸ Там же. Л. 32.

⁴⁹ Там же. ЛЛ. 42–42об.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 328. ЛЛ. 3–4.

⁵⁰ См., напр.: Троцкий Л. Д. Соч. Т. XV. - С. 404; Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. - Пг., 1924. - С. 47–48.

звал на слабость немецких большевиков. По его словам, они «находятся» лишь «в процессе медленного созревания»⁵¹. Исходя из этого постулата, Копп пятью днями раньше предостерегал московское руководство от разрыва дружественных отношений с *буржуазным* правительством Веймарской республики и призвал отказаться (на время) от планов вторжения в Восточную Пруссию или советизации Польского коридора⁵². Отстаивая эту программу, Копп не отказывался от революции как стратегической цели, так как был убежден, что только она может разрешить международные проблемы, порожденные Первой мировой войной. Он верил, что «Советская Россия означает в более-менее близком будущем Советскую Литву, Эстляндию и Латвию, затем Советскую Польшу и, наконец, Советскую Германию»⁵³.

По мнению Коппа, немецким коммунистам для завоевания власти необходимо было расширить социальную базу. Помочь в этом мог постверсальский синдром. Копп в докладе от 16 сентября указывал на то, что КПП в центр своей политики следует поставить «идею освобождения Германии от Версальского ига». Обосновывая эту мысль, он обратился к итогам выборов в рейхстаг 6 июня 1920 г.⁵⁴ На них правые партии, активно эксплуатировавшие этот лозунг, имели успех. СДПГ же, скомпрометированная подписанием «похабного» Версальского соглашения, потеряла много голосов.

Принятие предложений Коппа позволяло КПП, перехватив лозунги националистов и сохранив популярную программу социальных реформ, играть на электоральном поле как и правых, так и социал-демократов. Возможно советский дипломат, предлагая коррекцию курса КПП, учел также неудачи партии при плебисците в Восточной Пруссии. Местные коммунисты призывали его бойкотировать и даже голосовать за присоединение к Польше⁵⁵. Однако, как мы видели, жители отвергли эти лозунги.

Мысль о необходимости антиантантовской политики КПП Копп развил в докладе от 27 сентября 1920 г. Здесь же дипломат обратил внимание на угрозу распространения в коммунистическом движении пацифистских воззрений. Рост опасности он связывал с объединением компартии с левым крылом независимых социал-демократов, о чем объявил галльский съезд НСДПГ в октябре 1920 г. Копп помнил, что лидеры «независимцев» в 1919 г. последовательно выступали за подписание Версальского договора⁵⁶. В этой связи Копп писал: «Коммунистическая оппозиция в Германии должна кооперировать с нами в том смысле, чтобы несовместимость Версальского мира с интересами и даже самой возможностью пролетарской революции в Германии подчеркивалось бы с большей выпуклостью и конкретностью, чем это делалось до сих пор. Пацифистской мелодии не должно быть в коммунистической критике Версальского мира...»⁵⁷.

Мысль об использовании недовольства немцев Версальским договором для усиления революционного движения не была принципиально новой. Еще в 1919 г. подобные идеи обсуждались в «моабитском салоне» К. Б. Радека. Копп также бы-

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 33.

⁵² Там же. Л. 28.

⁵³ Там же. Л. 35.

⁵⁴ Там же. Л. 33об.-34.

⁵⁵ Leśnodorski B. Plebiscyt na Warmii i Mazurach w 1920 r. / B. Leśnodorski // Szkice z dziejów Pomorza. - Warszawa, 1961. - S. 450.

⁵⁶ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики / Я.С. Драбкин. - М., 1978. - С. 275, 280-281.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 42об.; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 328. Л. 4.

вал в нем⁵⁸ и знал о планах объединения националистических и социалистических программ. Однако он не просто механически их заимствовал, а переработал, связав победу немецкого пролетариата с освободительной войной Германии с Францией и Советской России с Польшей.

В докладе от 11 сентября 1920 г. Копп рисовал следующую картину⁵⁹. Если Красная Армия вновь окажется в районе Торна и перережет линию Данциг - Варшава, то Париж двинет войска в Рурскую область, что приведет к франко-германской войне. КПГ, вооруженная антиверсальскими лозунгами, сможет возглавить немецкое национально-освободительное движение. Ее социальная программа привлечет оставшуюся часть населения и позволит взять власть. Копп в своем сценарии исходил из неизбежности столкновения Берлина с Варшавой и Парижем, причем в ближайшее время. Поводом должны были стать события в Верхней Силезии. Копповскую ставку на войну Москва, однако, не приняла. Большевицкие лидеры с конца 1920 г. сосредоточились на внутренних проблемах. Троцкий в письме Коппу в декабре того же года указывал: «Совершенно независимо от того будет ли германская буржуазия драться с белой Польшей из-за частей Силезии, я считаю - и это здесь общее мнение, - что наша политика должна быть строго миролюбивой. <...> Все наши силы сосредотачиваются сейчас на хозяйственных задачах»⁶⁰.

Копп, стремясь изменить настроения кремлевского руководства, с декабря 1920 г. просил приема в Москве⁶¹. Однако смог покинуть Берлин лишь 18 января 1921 г. В столице РСФСР он намеревался сделать «личный доклад» по вопросу о Верхней Силезии⁶² и обсудить перспективы советско-германского военного сотрудничества⁶³. Ленин принял Коппа 27 января 1921 г.⁶⁴ У нас нет сведений о содержании их примерно полуторачасовой беседы, однако, несомненно, речь шла и о Верхней Силезии. Это предположение основывается на том, что у Москвы появился план по использованию проводимого на спорных территориях плебисцита для возобновления полномасштабных отношений с Берлином. Антанта датой голосования определила 20-е марта 1920 г. В эти же дни планировалось подписание советско-польского мирного договора, что беспокоило Берлин. Здесь опасались, что заключение соглашения, закреплявшего в ряде статей военный успех Варшавы, до плебисцита вызовет взлет польского национализма и повлияет на результаты голосования.

По возвращении в Берлин в феврале 1921 г. Копп на встречах с главой МИД Симонсом и его подчиненными сразу начал разыгрывать «верхнесилезскую карту». В докладе Чичерину от 1 марта, копия которого была передана Ленину, он так описал прошедшие переговоры: «В Силезском вопросе Симонс сначала держал фасон, уверяя, что Германия не сомневается в том, что голосование <...> будет в ее пользу <...> Однако, <...> должен был согласиться с моим указанием, что вопрос о том, будет ли заключен русско-польский мир к моменту голосования или нет, будет

⁵⁸ Артемов В.А. Карл Радек и Германия (1908–1919 гг.) / В.А. Артемов // Исторические записки: науч. труды ист. ф-та. - Вып. 4. - Воронеж, 1999. - С.150; Он же. Карл Радек: идея и судьба. - Воронеж, 2000. - С. 70, 73.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 29.

⁶⁰ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. - С. 36.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1437. Л. 13.

⁶² Там же. Л. 145.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

иметь для исхода голосования решающее значение. В этом пункте разговор наш принял зафиксированное в Москве направление. В результате выкристаллизовались следующие три пункта:

1. Германия заявляет о своем полном отказе от всяких претензий к России, вытекающих из военных действий, аннулирования долгов и национализации германского имущества. <...>

2. Россия заявляет о своем отказе от прав, предусмотренных ст. 116 Версальского договора.

3. Русско-польский мирный договор подписывается нами не раньше голосования в В[ерхней] Силезии, во всяком случае не позже, чем 1-го апреля»⁶⁵.

Во время переговоров с германскими дипломатами Копп получил от Чичерина две телеграммы, в которых говорилось о стремлении ЦК РКП(б) в ближайшее время подписать мирный договор с Польшей⁶⁶. Виктор Леонтьевич считал такое решение большой ошибкой. В докладе 1 марта 1921 г. он, указывая на реальность вооруженного германо-польского конфликта из-за итогов плебисцита в Верхней Силезии, подчеркивал, что это столкновение позволило бы большевикам вообще отказаться от переговоров с Варшавой и перейти к политике «свободных рук». «Я не говорю уже о том, – писал Копп далее, – что <...> внутренне брожение в Польше, может оказаться фактором, который сразу опрокинет неустойчивое равновесие в Срединной Европе»⁶⁷.

Международные новости еще больше укрепляли Коппа в правильности своих оценок. В день, когда он готовил доклад Чичерину, в Берлине стало известно заявление Симонса на Лондонской конференции по репарационному вопросу. Министр выразил готовность выплатить не 226 млрд. зол. марок, как определила Парижская конференция, а только 150. Его слова вызвали недовольство премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. В демарше англичанина в Веймарской республике увидели угрозу оккупации запада страны и блокады побережья⁶⁸.

Опасения были не беспочвенны. Союзники 3 марта потребовали от Берлина подтвердить сумму в 226 млрд. зол. марок. Получив отказ, они через четыре дня прервали конференцию, а 8 марта их войска заняли Дюссельдорф, Дуйсбург и Руорт. По сообщению «Вестника НКВД», оккупанты, особенно, из французских африканских частей, устраивали на занятых территориях массовые бесчинства⁶⁹, что усиливало антиантантовские настроения в Веймарской республике.

Копп, предвидя этот выпад стран Согласия, еще 2 марта 1921 г. направил Чичерину (копию Ленину) очередной доклад, развивающий мысль об объединении национальных и революционных движений. По его мнению, занятие всего Рура антантовскими войсками вызовет рабочие восстания, а голосование в Силезии – столкновение Берлина с Варшавой. В итоге события «скоро перерастут через голову буржуазной Германии»⁷⁰, т.е. вызовут пролетарскую революцию. В создающихся условиях Копп призывал Москву к усилению своей военной группировки на за-

⁶⁵ Там же. Д. 2137. Л. 62об.

⁶⁶ ДВП СССР. Т. 3. СС. 536, 555.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 62.

⁶⁸ Там же. Л. 64.

⁶⁹ М. Военно-агрессивные цели прирейнской оккупации // Вестник НКВД. - 1921. - № 1–2. - С. 19; Победители на Рейне // Там же. - С. 72; Германия в марте 1921 г. // Там же. - № 3–4. - С. 84.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 64.

падной границе и скоординированным действиям со сторонниками большевизма в Веймарской республике⁷¹.

В свете письма Коппа по иному выглядят «мартовские выступления» немецких рабочих, пиком которых стали действия М. Гельца в Средней Германии. Любопытно, но план прорыва советских войск в Веймарскую республику в момент начала там пролетарского восстания, о чем Копп писал весной 1921 г., будет востребован осенью 1923 г.⁷² Причем видную роль в его осуществлении политбюро возложит именно на Виктора Леонтьевича⁷³.

Планы Коппа по использованию складывающейся ситуации для революционизирования Германии весной 1921 г., однако, не осуществились. Причин было не мало. Главная – решение руководства РСФСР перейти в НЭПу, что влекло трансформацию всего внешнеполитического курса. Среди второстепенных причин отметим реакцию официальных советских властей на заявление консула Германии в Гельсингфорсе фон Брука о готовности помочь продовольствием восставшему под антикоммунистическими лозунгами Кронштадту (28 февраля - 18 марта)⁷⁴. Ответом РСФСР стало заключение мирного договора с Польшей 18 марта 1921 г.,⁷⁵ т. е. за два дня до плебисцита в Верхней Силезии. В телеграмме Коппу Чичерин призвал советского дипломата оправдывать действия Москвы указаниями на «допущение германским правительством подготовки совместных действий» немецких националистов с белогвардейцами и «в особенности» на заявление фон Брука⁷⁶.

Виктор Леонтьевич считал решение Москвы о времени заключения договора с Варшавой ошибкой. Не разделял он и мнение Кремля об антисоветском курсе Берлина. В докладе Чичерину (копия Ленину) от 17 марта 1921 г. Копп, наоборот, указывал на укрепление в Германии промосковской линии⁷⁷. Дипломат сомневался также в достоверности информации о заявлении фон Брука. Во всяком случае, фон Мальцан в разговоре с ним «категорически отверг это сообщение» и заверил, что потребует его «официального опровержения в финской печати». Для снятия всех вопросов Копп просил НКВД переслать ему материалы по данному делу. Учитывая позицию МИД, он заверял, что если «нелояльность» фон Брука будет доказана, его отзовут⁷⁸.

Однако главная причина недовольства Коппа лежала не в реакции Москвы на мнимые или реальные слова немецкого консула в Финляндии. В заключение мира с Польшей он увидел крах своих планов. «Если по соображениям внутренней политики, - писал Копп 17 марта 1921 г., - нам пришлось пойти на довольно-таки похабный мир с Польшей, то нечего из „нужды делать добродетель” и закрывать глаза на то, что отделенные двойной стеной от Западной Европы, мы как международный революционный фактор теряем для данного момента добрую долю своего влияния. Из этого основного положения исходила до сих пор моя политика по отношению к Германии, в частности в Силезском вопросе. Не оказывать какие-либо услуги буржуазной Германии, к чему я не вижу никаких оснований, а увеличивать возможность конфликтов между Германией и Антантой – вот ее руководящая нить.

⁷¹ Там же.

⁷² См.: Беседовский Г.З. На путях к термидору / Г.З. Беседовский. - М., 1997. - С. 94–95.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 388. Л. 2; Д. 390. Л. 2; Д. 391. Л. 1–2; Д. 394. Л. 1.

⁷⁴ ДВП СССР. Т. 3. СС. 615, 617–618.

⁷⁵ Там же. С. 618–658.

⁷⁶ Там же. С. 617–618.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 66об.

⁷⁸ Там же.

Сообщенное мне решение ЦК по польскому вопросу, а также внешнее стечение не благоприятных обстоятельств (отсутствие Симонса из Берлина, «санкции Антанты», Кронштадт) заставили меня оборвать эту нить... »⁷⁹.

Как и раньше, Копп особенно сокрушался из-за недооценки Москвой проблемы Силезии. «В противоположность пацифистки окрашенным докладам» представителя Коминтерна в Берлине П. Л. Лапинского, он продолжал видеть в этом вопросе «исходный пункт крупнейших событий» «в ближайшие же месяцы»⁸⁰. По полученным им сведениям, поляки, понимая, что плебисцит в Верхней Силезии будет проигран, начали подготовку силового решения проблемы, сосредоточив на германской границе почти все свои вооруженные силы⁸¹. На Востоке страны осталось только 6 – 7 дивизий. По расчетам немцев польские армии уже на второй день могли войти в Бреславль, а на пятый – шестой – в Берлин. План обороны германского Генерального штаба предусматривал организацию партизанского движения в Силезии и концентрацию рейхсвера к востоку от столицы. Причем, по данным переданным Коппу О. Р. фон Нидермайером (Нейманом) – представителем группы Р (или военной группы), созданной распоряжением фон Зекта для развития военных связей с советским государством, немецкое правительство готовилось дать бой, «даже в том случае, если поляки выступят по мандату Антанты». Резюмируя Виктор Леонтьевич констатировал: «... с точки зрения революционных возможностей в Срединной Европе Силезский вопрос нужно, для данного момента, считать центральным, и стабилизацию отношений в Силезии и вообще между Германией и Польшей для нас крайне невыгодной»⁸².

Сквозь строки доклада Коппа просматривается призыв использовать складывающуюся ситуацию для возобновления войны с Варшавой в союзе с Германией. Реакция на итоги плебисцита в Веймарской республике делала такой сценарий не столь уж авантюристичным.

В Верхней Силезии, не смотря на то, что 59, 6% населения высказались за Веймарскую республику, ряд территорий, в том числе города Костовице и Кенигхютте, где этот показатель был еще выше – 85% и 75% соответственно, были переданы Польше⁸³. Решение Антанты вызвало в Германии взрыв возмущения, что позволило Коппу в конце апреля 1921 г. вновь указать Москве на сохранение «возможности национал-большевистского выступления справа»⁸⁴.

Новые действия стран Согласия и Польши лишь усиливали вероятность такого развития событий. Пятого мая 1921 г. межсоюзническая репарационная комиссия Антанты, снизив сумму германских выплат, ультимативно потребовала от Берлина признания репараций в сумме 132 млрд. зол. марок⁸⁵. На ответ давалось шесть дней. В случае отклонения Франция угрожала оккупацией всего Рура. Ультиматум вызвал в Веймарской республике политический кризис. Правительство К. Ференбаха ушло в отставку. Новый кабинет во главе с лидером левого крыла Центра Й. Виртом принял требования. В этот момент Польша, используя международную си-

⁷⁹ Там же. Л. 66.

⁸⁰ Там же. Л. 65.

⁸¹ Там же. Л. 65об.

⁸² Там же. Л. 66.

⁸³ Sievers L. Deutsche und Russen. Tausend Jahre gemeinsame Geschichte von Otto dem Grossen bis Gorbatschow / L. Sievers. - Hamburg, 1991. - S. 312.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 69.

⁸⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. – Л., 1929. - Ч. III. - Вып. 2. - С. 81–82, 88.

туацию, вызванную «Лондонским ультиматумом» и внутривластным кризисом в Германии, начала силовой захват Верхней Силезии. Против нее выступили отряды немецкой самообороны и добровольцы. Столкновения, приобретающие подчас ожесточенный характер, охватили всю спорную территорию. Немцы Верхней Силезии надеялись на помощь Берлина, но в события вмешался Париж. Его посланник в Веймарской республике предупредил, «что посылка рейхсвера в Верхнюю Силезию будет воспринята как нарушение Версальского договора, и Франция ответит на этот шаг оккупацией Рурской области»⁸⁶.

Политика стран Согласия и Польши ускорила в Берлине курс на сближение с Советской Россией. Правительство К. Ференбаха, «формально уже находясь в отставке»⁸⁷, 6 мая 1921 г. подписало с РСФСР временное торгово-политическое соглашение⁸⁸. Чичерин расценил его как «договор о представительстве», означавший важный шаг на пути полного дипломатического признания РСФСР⁸⁹.

В заключение отметим следующее. Копп в 1919–1921 гг. относился как к реферативной группе, выполнявшей экспертно-аналитическую работу и связывающую разные институты власти, так и к правящей элите, принимавшей конкретные решения⁹⁰. Польша в его пространственно-политических представлениях заняла центральное место. Она для него являлась империалистическим государством, отделившим РСФСР от Средней Европы и, прежде всего, от Германии. Однако ее агрессивность несла не только отрицательный, но и положительный заряд. В теоретических конструкциях Коппа Вторая Речь Посполитая выглядела *детонатором* советско-германского сближения и даже революционного движения. Борьба КПГ с агрессивным курсом Варшавы и Парижа давала партии шанс на укрепление своих позиций и захват власти. В целом, планы Коппа характеризовались особым вниманием к немецкому национально-патриотическому движению, порожденному Версальским договором, хотя и не выходили за рамки традиционного революционного императива.

П.В. Макаренко

НЕМЕЦКИЙ «ОКТЯБРЬ» 1923 ГОДА И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ.

Ставшие доступными за последние годы архивные документы, и в первую очередь «Особая папка» заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), подтверждают несостоятельность утверждений советской историографии о том, что в 1923 году ситуация в Германии являлась действительно революционной и могла привести немецкий пролетариат к захвату власти. Изучение рассекреченных архивных материалов позволило выявить неприглядную картину вмешательства Политбюро ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна в форсировании «революционных событий в

⁸⁶ Горлов С. А. Указ. соч. - С. 48; Rabenau F. von. Seekt. Aus seinem Leben. 1918–1936 / F. von Rabenau. - Leipzig, 1940. - S. 303.

⁸⁷ Гинцберг Л.И. Друзья новой России. Движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии / Л.И. Гинцберг. - М., 1983. - С. 29.

⁸⁸ ДВП СССР. Т. 4. - С. 99–105.

⁸⁹ Вопросы В. И. Ленина о международном положении Советской России и ответы Г. В. Чичерина (1921 г.) // Исторический архив. - 1961. - № 2. - С. 67.

⁹⁰ Улуян Ар. А. Русская геополитика: внутри или вовне? (Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX века) / Ар. Улуян // Общественные науки и современность. - 2000. - № 2.; Jervis R. Perception and Misperception in International politics / R. Jervis. - Princeton, 1976.

Германии» и подготовки в этой стране вооружённого восстания по примеру октябрьского переворота 1917г. в России¹.

До последнего времени практически остаётся малоизученной роль советской дипломатии в германских событиях 1923 года, которая официально обязана была сохранять и расширять дружеские отношения с германским правительством, а с другой стороны – оказывать содействие Коминтерновским эмиссарам в подготовке немецкого «Октября», и выполнять соответствующие директивы и указания ПБ ЦК и Исполкома Коминтерна.

К августу месяцу события в Германии приобрели драматический характер. Правительство В. Куно оказалось в критической ситуации, продолжая губительную для государственного бюджета страны политику «пассивного сопротивления» против оккупации франко-бельгийскими войсками Рурской области. Оно не получило финансовой поддержки со стороны Запада, а также не улучшило экономического положения в стране в результате торгового сотрудничества с советской Россией. Германский МИД, ощущая всё чаще непоследовательность внешней политики своего рапалльского партнёра, пытавшегося использовать рурский кризис для форсирования борьбы немецких коммунистов за власть. Даже сторонник укрепления германо-советских отношений посол в Москве фон Брокдорф-Ранцау испытывал недоверие к большевистскому руководству. Он осуждал и Г.В. Чичерина, с которым поддерживал тесные доверительные отношения, за то, что советский нарком верил в то, что правительство Германии готово отдать половину страны французам, а другой половине позволить стать коммунистической². Во время встречи с М. Литвиновым 4 августа 1923 года Брокдорф-Ранцау потребовал признания нарушения советской стороной Рапалльского договора и вмешательства СССР во внутренние дела Германии. Он называл фамилии семи человек, которые по сведениям МВД были направлены Москвой в Рурскую область, а также о пребывании в Германии под чужими именами К. Радека и Ю. Мархлевского, ведущих коммунистическую пропаганду антиправительственного характера³. М. Литвинову приходилось играть роль двуликого Януса: с одной стороны притворяться, будто ему об упомянутых послом эмиссарах «абсолютно нечего не известно» и заявить о том, что инкриминируемые обвинения являются «вымыслом, досужей фантазией германской полицией», а с другой – просить Г. Зиновьева проявлять «сугубую осторожность» в коминтерновских действиях по отношению к Германии и «не давать лишнего повода в руки враждебных нам элементов...»⁴.

Полпреду Н.Крестинскому также приходилось улаживать инциденты, возникавшие на почве арестов коминтерновских эмиссаров, ощущать заметное охлаждение германских властей к деятельности советских послов в Берлине. По сообщениям тайных информаторов полиции в его стенах часто происходили встречи и совещания с руководителями германской компартии. Это вызывало подозрения в том, что сотрудники полпредства готовят совместное с КПГ выступление против германского правительства. Крестинский просил Москву принятия превентивных мер

¹ См. например: Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923г. Новые архивные материалы / Л.Г. Бабиченко // Новая и новейшая история. - 1994. - №2. - С.125-127.

² Akten zur deutschen auswärtigen Politik (1918-1945). - Serie A. - Bd. VII. - Dok. 157. - S. 374.

³ См.: Запись беседы М.М.Литвинова с германским послом Брокдорф-Ранцау. Москва, 4 августа 1923 г. // Российский государственный архив социально политической истории. (Далее: РГА СПИ). Ф. 359. Оп. 1. Д. 7. Л. 96.

⁴ Письмо М.М. Литвинова Г.Е. Зиновьеву, 5 августа 1923 г. Копии: Чичерину, Троцкому, Сталину // Там же. - Л. 95.

по недопущению повторения инцидента, происшедшем в ноябре 1918 года с представительством А. Иоффе: частичном уничтожении секретных архивов посольства СССР в Германии, вывозе наиболее важных из них в Москву, установлении строгого контроля за содержанием курьерской почты и охраной посольства⁵.

По мере того, как в Берлине сотрудниками полпредства принимались меры для того, чтобы не вызывать подозрений германских властей в подготовке вооружённого восстания, в Москве началась активная работа по его подготовке. По словам В. Куусинена, Г. Зиновьев, узнав в начале августа об увеличении числа забастовок немецких рабочих, первым из членов ПБ ЦК «сделал вывод о разрастании мощного революционного вала и забил тревогу»⁶. К середине августа он составил первоначальный набросок тезисов «Положение в Германии и наши задачи», в которых отмечался рост влияния КПГ в широких массах, и немецкие коммунисты ориентировались на вооружённое выступление, используя намеченное ПБ ЦК РКП(б) и ИККИ вхождение коммунистов в правительства левых социал-демократов Саксонии и Тюрингии. Перед РКП(б) ставилась задача поддержать германскую революцию хлебом, оружием, боевиками. Предусматривались меры по укреплению боеспособности Красной Армии, улучшению отношений с сопредельными с Германией странами и, как не странно, поддержанию «самых дружественных отношений с германским правительством»⁷.

Несмотря на уверенность в победе германской революции, которая была в то время подавляющей в верхах РКП(б) и Коминтерна, И. Сталин был далёк от оптимизма по поводу лёгкой победы, и предупреждал: «Если сейчас в Германии власть ... упадёт, коммунисты её подхватят, они провалятся с треском. Это «лучшем случае», а в худшем – их разобьют вдребезги и отбросят назад...»⁸. Однако, спустя два месяца обстановка в Германии, согласно информационным докладом коминтерновских эмиссаров, круто изменились в сторону «революционного кризиса». Сталин, как и другие члены ПБ, уже решительно и определённо высказался за немедленное взятие власти коммунистами и заговорил о победе германской революции почти как о свершившемся факте и перспективе якобы перемещения «центра мировой революции из Москвы в Берлин»⁹.

В Германии после отставки кабинета Куно новому правительству во главе с Г. Штреземаном не удалось обсудить кризисную ситуацию в стране, ошибочно воспринимаемую Исполкомом Коминтерна и ПБ ЦК РКП(б) как революционную. Для германского правительства, не получившего практической поддержки ведущих стран Запада, намеревавшихся использовать тяжёлый экономический кризис в целях ослабления и унижения побеждённой Германии и её народа, СССР оставался пусть и ненадёжным, но единственным союзником. Посол Брокдорф-Ранцау постоянно запрашивал у советских руководителей, какие меры они намерены принять, если французы захватят Берлин, а Польша начнёт военные действия против Германии¹⁰. В ответ от советской стороны звучали общие, ни к чему не обязывающие за-

⁵ Письмо Н.Н. Крестинского Г.В. Чичерину, 1 августа 1923 г. Копии: Литвинову, Сталину, Радеку // Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49936. Л. 108.

⁶ Куусинен О.В. Неудавшееся изображение «немецкого Октября» / О.В. Куусинен. - М.-Л., 1924. - С. 10.

⁷ См.: Первоначальный набросок тезисов Г.Е. Зиновьева «Положение в Германии и наши задачи» (Незавершённый текст). [август] 1923 г. // РГА СПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 126. Л. 120 – 145.

⁸ Письмо И.В. Сталина Г.Е. Зиновьеву [и для Бухарина]. Копия: Ворошилову, 7 августа 1923 г. // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 15.

⁹ См.: Письмо И.В. Сталина А. Тальгеймеру, 20 сентября 1923 г. // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 139. Л. 18.

¹⁰ Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 21 сентября 1923 г. // АВП РФ. Ф.0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 015; Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 24 сентября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 77. Д. 49933. Л. 71.

верения, не оставлявшие надежд кабинету Штреземана на поддержку Германии своим рапалльским партнёром.

Инициатива Г. Зиновьева, воспринявшего тяжёлое экономическое положение и недовольство широких слоёв населения политикой кабинета Штреземана за симптомы приближающегося «революционного» кризиса, нашла поддержку кремлёвского руководства. Последнее, несмотря на Рапалльский договор с Германией, ссылались якобы на новый западный внешнеполитический курс правительства Штреземана (которого, справедливости ради, в то время ещё и не было), пошло в «ва-банк», посчитав внутривнутриполитическую ситуацию в Германии благоприятной для осуществления вооружённого переворота. Руководствуясь сиюминутными политическими интересами, ПБ ЦК РКП(б), ИККИ при молчаливом согласии НКВД совершили крутой поворот в советской внешней политике по отношению к Веймарской Германии, сделав решающий шаг в направлении ликвидации ранее активно прокламируемого советской пропагандой Рапалльского мирного договора ради осуществления идеи мировой революции.

На закрытом заседании ПБ ЦК РКП(б) 23 августа 1923 года было принято постановление о том, что отныне вся работа РКП(б), Коминтерна и КПГ должна сообразовываться с тем «основным фактом», что германский пролетариат стоит перед решительными боями за власть. Перед РКП(б) ставились конкретные задачи «по политической подготовке советских трудящихся к грядущим событиям», мобилизации боевых сил и соответствующей «дипломатической подготовке», а также «экономической помощи германским рабочим»¹¹. Для реализации плана подготовки германской революции была создана специальная строго законспирированная комиссия Политбюро «по международному положению» в составе Зиновьева, Радека, Сталина, Троцкого и Чичерина. Члены этой комиссии, каждый на своем участке, вели подготовку германской революции. Г. Чичерин по поручению ПБ зондировал возможную реакцию румынского правительства на ожидаемые события в Германии. Аналогичные шаги предпринимались и в отношении других сопредельных стран.

Для подготовки и непосредственного руководства вооруженным восстанием в Германию была направлена специальная «четверка», созданная решением ПБ, в состав которой после некоторых персональных перестановок был включен и полпред Н. Крестинский. Его включение в состав «четверки» явилось грубейшим нарушением Рапалльского договора и ставило самого полпреда в сложное и двусмысленное положение: с одной стороны создавать видимость укрепления дружеских отношений с правительством Г. Штреземана, а с другой стороны – оказывать поддержку и содействие экстремистским намерениям ЦК РКП(б) и ИККИ в Германии. Видимо для того, чтобы как-то облегчить положение Крестинского и других советских полпредов, нарком Чичерин разработал циркуляр, утвержденный на заседании ПБ, в котором полпредам рекомендовалось «тщательно избегать всего того, что может вызвать обвинение во вмешательстве во внутренние дела» других стран и запрещалось иметь «открытый контакт с рабочими организациями и выступления на собраниях, являющимися недопустимыми при нынешнем международном положении»¹². Указанный циркуляр не избавлял Н. Крестинского и сотрудников пол-

¹¹ Протокол № 27 (особый) заседания ПБ ЦК РКП(б) от 22 августа 1923 г. – П. 23. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 4.

¹² См.: Протокол № 27 (особый) заседания ПБ ЦК РКП(б) от 22 августа 1923 г. – П. 21. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 375. Л. 9 - 10.

предства в Германии от всякого рода инцидентов. Вскоре Г. Чичерину пришлось предупредить советника полпредства С. Бродовского от неосторожных высказываний о деятельности Коминтерна в Германии в официальной дипломатической переписке, о которых в случае ареста дипломатической почты может быть известно германским властям¹³.

Коминтерн вместе с НКВД работали в те дни с максимальной нагрузкой. НКВД являлся связующим центром с коминтерновской агентурой в Германии и сопредельных странах, дипломатическая почта которого использовалась в целях подготовки германского «Октября». Н. Крестинский заботился о поддержании эффективной воздушной связи между Москвой и Берлином, позволявшей оперативно получать информацию, нежели сухопутной курьерской связью¹⁴. Он также нелегально поддерживал связь с руководством КПГ и принимал участие в работе «четвёрки». Генеральный консул в Гамбурге Г. Шкловский (Бабушкин) регулярно направлял в Москву свои отчеты о ситуации в КПГ и стране, которые высоко ценил Г. Зиновьев.

В начале октября в советской прессе уже открыто звучали призывы к поддержке ещё не состоявшейся «германской революции», готовности в случае необходимости вмешиваться в Германские дела. Г. Зиновьев выступил в октябре на страницах «Правды» с серией статей под общим названием «Проблемы германской революции», в которых ставились задачи немецких коммунистов, и звучали призывы к их открытой революционной борьбе за власть. В призывах к 6-ой годовщине Октябрьской революции в России, утверждённой ПБ ЦК РКП(б), часть лозунгов, посвящённых событиям в Германии, выглядели явным доказательством реальных намерений советского правительства - свержения правительства Г. Штресемана и солидарности с рабочей трудовой Германией¹⁵.

Чиновники Германского МИДа при встречах в Берлине с Н. Крестинским, фон Брокдорф-Ранцау при встречах в Москве с Г. Чичериным и М. Литвиновым неоднократно заявляли решительные протесты против поддержки советским руководством прямого вмешательства Коминтерна во внутренние дела Германии. Заявления Чичерина и Литвинова о том, что советское правительство не может нести ответственность за деятельность Коминтерна «как не несёт английское правительство ответственности за деятельность анархистов, которым оно предоставило право убежища, и как не отвечает бельгийский король за деятельность II Интернационала», приводили в замешательство германских дипломатов своим откровенным цинизмом и нежеланием советской стороны признать правду о единстве действий ИККИ и ЦК РКП(б) в деле вмешательства в германские внутренние дела, которые отрицать уже было практически невозможно.

Г.Чичерин настоятельно рекомендовал советнику полпредства в Берлине С. Бродовскому «проявлять абсолютную твёрдость в наших отношениях с Коминтерном и выражать негодующий протест против того, что продолжается недобросовестная приписывание нашему правительству того, к чему оно не имеет отношений»¹⁶. И это заявлял нарком, который присутствовал на заседаниях Политбюро ЦК и Германской комиссии при ЦК РКП(б), и был в курсе всех замыслов москов-

¹³ Письмо Г. Чичерина С. Бродовскому, 3 сентября 1923 г. [Весьма секретно]. // АВП РФ. Ф 0165. Оп. 13. П. 113. Д. 73. Л. 004.

¹⁴ См.: Бабиченко Л.Г. Указ. соч. – С. 136.

¹⁵ См.: Протокол № 41 заседания ПБ ЦК РКП(б) от 1 ноября 1923 г. Прилож. к п. 40. // РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 389. Л. 12.

¹⁶ Письмо Г. Чичерина С. Бродовскому, 12 сентября 1923 г. // АВП РФ. Ф 04. Оп. 13. П. 77. Д. 49933. Л. 69.

ского руководства в деле осуществления революционной авантюрной акции против германского правительства. В ответ на жалобу С. Бродовского о том, что «опровержениям» немцы не верят, Г. Чичерин успокаивал: «Это не должно Вас смущать. Чем больше немцы не верят, тем резче Вы должны опровергать»¹⁷. Что касается явно экстремистских выступлений Г. Зиновьева, К. Радека, что нарком рекомендовал С. Бродовскому отрицать их причастность к членам правительства и заявлять немецкой стороне о том, что они высказывали свои мнения как частные лица, и за их выступления советское правительство ответственности не несёт.

Несмотря на строгую конспирацию, советскому полпредству не удалось избежать разоблачения своего участия в подготовке «германского Октября». Немецкой полицией были обнаружены в Берлине два склада-тайника с оружием, которое предназначалось для вооружённого переворота. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что в закупке оружия для немецких коммунистов был обвинён военный атташе советского полпредства М. Петров, что бросало тень на причастность указанного полпредства в подготовке вооруженного переворота.

Правительство Г. Штреземана проявило озабоченность сложившейся ситуацией, однако на решительные меры оно не пошло, отложив их принятие до окончательного расследования «дела Петрова». Советская сторона не исключала возможность варианта с выдворением сотрудников полпредства из Германии. Чичерин настоятельно рекомендовал Крестинскому в этой связи «тщательно пересмотреть, уничтожены ли все секретные бумаги» в полпредстве и советовал внимательно «следить за содержанием курьерской диппочты». В интересах советского правительства в то время было любыми путями ликвидировать инцидент со складами оружия и Петровым. Оно не ставило вопрос о перемене своей внешней политики в отношении Германии. Эзоповым языком нарком намекал полпреду о том, что «такая перемена целесообразна лишь после нашего перехода в наступление»¹⁸, т.е. успешного начала германской революции.

Сотрудники советского полпредства старались вести себя так, как будто бы ничего не произошло, зато с немецкой стороны стало проявляться меньше инициативы к встречам. Прекратились ставшие традиционными при Н. Крестинском завтраки и обеды в посольстве видных немецких политиков, промышленников и финансистов. Г. Штреземан дал немецкой печати указания меньше писать о России (и хорошего, и дурного). Это было встречено советской стороной как «тактический шаг», как «отражение определённой экономической ориентации»¹⁹. Резко протестуя против «большевистского вмешательства» во внутренние германские дела, правительство Штреземана до разрыва отношений с Москвой не доводило, не желая создавать себе ещё один очаг «напряжённости на востоке» и сохраняло контакты с Москвой как «фактор давления на Париж, Лондон и Вашингтон». И наконец в отличие от большевистско-коминтерновских «вождей» германское правительство гораздо лучше ориентировалось во внутривосточной обстановке и «было осведомлено о том, что же реально происходило в стране, и поэтому скептически воспринимало надежды Москвы развернуть в Германии пролетарскую революцию»²⁰.

¹⁷ Письмо Г. Чичерина С. Бродовскому, 10 сентября 1923 г. // Там же. – Л. 67 – 68.

¹⁸ Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 26 сентября 1923 г. // АВП РФ. Ф.0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 018 - 019.

¹⁹ См.: Письмо Н. Крестинского Г. Чичерину. Копия: М. Литвинову, 5 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49937. Л. 062.

²⁰ Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917 – 1933 годах. – М., 2004. С. 170.

Крестинский отмечал заметное охлаждение немецких властей к советскому полпредству в связи с инцидентом со складами и «делом Петрова», констатируя «атмосферу изолированности вообще и от Аусамта (германский МИД – П.М.) в частности»²¹. Ликвидация инцидента тормозилась бурной деятельностью советской прессы, продолжавшей публиковать статьи большевистских лидеров по поводу «приближавшейся германской революции, выведившие германского посла фон Брокдорфа-Ранцау из равновесия. Особое возмущение посла вызывал «обличительный тон» советских дипломатов, опровергавших иногда иронично обвинения немецкой стороны в грубых нарушениях Рапалльского договора»²². Между обоими сторонами редко сохранялось продолжительное время бесконфликтное состояние, так как советская сторона своими необдуманными действиями провоцировала германскую. На следующий день после заявления германского МИД о намерении ликвидации инцидента со складами оружия газета «Правда» поместила статью, в которой президент Эберт был назван «убийцей», пытающимся «задушить саксонских рабочих»²³. Оскорбление президента Эберта было расценено верховными кругами Германии как оскорбление самого германского государства. Стандартные заявления наркома Чичерина о непричастности советского правительства к этому оскорблению и о том, что оно «при нынешнем положении событий в Германии нисколько не толкает её к революции», а наоборот «играет сдерживающую роль»²⁴, звучали для германской стороны не только не убедительно, но и оскорбительно.

События в Германии развивались вопреки планам ПБ ЦК и ИККИ. Рабочие правительства Саксонии и Тюрингии, в состав которых вошли коммунисты, не оправдали надежд московского руководства, ожидавшего от них крупных революционных мер: вооружения рабочих, установления контроля над банками и предприятиями, роспуска полиции и замены её рабочей милицией. Ничего не было сделано рабочими правительствами для материального улучшения трудящихся слоёв населения. В результате эти правительства не получили поддержки среди народных масс, и с вступлением правительственных войск в Саксонию коммунисты вышли из их состава. Попытка «четвёрки» и руководства КПП заручиться поддержкой фабзавкомов, которые представлялись им реальными центрами подготовки революционной борьбы за власть, также завершилась провалом – отказом всегерманской конференции фабзавкомов в Хемнице объявить всеобщую забастовку, которая по замыслам Москвы должна была перерасти в вооружённое восстание. У «четвёрки» и ЦК КПП не оставалось иного выхода, как принятие в этой ситуации самостоятельного решения, не согласованного с московскими инстанциями, на отступление без боя, т.е. временного отказа от вооружённого восстания.

Весть об отказе ЦК КПП от вооружённого восстания вместе с сообщением о поражении коммунистического путча в Гамбурге вызвала глубокое разочарование в Москве. В докладах и письмах К. Радека и Ю. Пятакова Г. Зиновьеву и членам ПБ ЦК вырисовывалась неприглядная картина форсированной подготовки германской революции. В Саксонии у коммунистов было всего лишь 700 винтовок, а в

²¹ Письмо Н. Крестинского М. Литвинову. Копия: Г. Чичерину, 15 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф.04. Оп. 13. П. 78. Д. 49937. Л. 78.

²² Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 7 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф.0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 23.

²³ См. Правда. – 1923 – 20 сентября.

²⁴ См. об этом: Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 24 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф.0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 039.

Берлине – 361²⁵. В Гамбурге восставшие бросались в бой с голыми руками, и вовсе не имели оружия, так как не было закуплено ни одной винтовки. Мизерное число активных участников баррикадных боёв, проходивших в предместьях Гамбурга, отсутствие поддержки со стороны гамбургских рабочих «сознательно пожелавших взять винтовки в свои руки», подтверждало путчистский характер этого вооружённого выступления коммунистов²⁶. Н. Крестинский считал поэтому гамбургское выступление лишь «вспышкой в одном из наиболее раскалённых углов», т.е. событием нетипичным для остальной Германии, и высказал М. Литвинову мнение о том, что «среди рабочих нет и стихийной тяги к таким выступлениям» и «в ближайшее время другой такой вспышки и общего выступления не будет»²⁷.

В связи с событиями в Гамбурге советские представители в Германии затруднялись, как дальше строить отношения с германскими властями. Н. Крестинский рекомендовал генеральному консулу Г. Шкловскому избегать «нежелательных выступлений и солидаризации с той или другой из борющихся сторон», т.е. занимать нейтральную позицию²⁸. Нейтралитет советских представителей в Германии не избавлял их от неприятности, доставляемых советской прессой, усилившей в конце октября свои критические выступления в адрес германского правительства. Советским дипломатам приходилось всеми правдами и неправдами отражать обвинения и протесты своих немецких коллег, которые уже не соглашались с набившими у них оскомину стандартными объяснениями руководства НКВД о том, что «Правда» является частным печатным органом. Германскому МИДу уже было известно о связях между советским правительством, ЦК РКП(б) и Исполкомом Коминтерна и возможностью первого оказывать сдерживающее влияние на советскую печать. Н. Крестинский, ощущая всё больше в роли «стрелочника» нежели полпреда, вынужден был просить М. Литвинова воздержаться впредь «от всякого рода высказываний», которые «вызывают раздражение и озлобление германского правительства и могут привести к разрыву отношений»²⁹. Политбюро ЦК РКП(б), учитывая необходимость сохранения до победы германской революции отношений с правительством Вейтмарской Германии, дало установку для органов советской печати – устранение всяких оскорбительных выражений по адресу президента Эберта и германского правительства³⁰.

Попытка осуществления в Германии осенью 1923 года «немецкого Октября» не прошла бесследно для советско-германского сотрудничества. Социал-демократическая пресса уже к концу ноября подняла вопрос о пребывании в Германии в качестве представителя ИККИ К. Радека и его активном воздействии на КПГ и её подготовке к антиправительственному восстанию. Н. Крестинскому предстояли нелюбимые беседы с фон Шубертом, Гаушильдтом, фон Мальцаном и другими чиновниками Аусамта, выдвигавшем протесты и обвинения в связи с вмешательством Коминтерна в германские дела. Немецкая сторона потребовала немедленного отзыва из Германии военного атташе полпредства М. Петрова до

²⁵ См.: Доклад Андрея [К. Радека] и Арвида [Ю. Пятакова] Политбюро ЦК РКП(б). Копия: О. Пятницкому, 26 октября 1923 г. // РГА СПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 71.

²⁶ См.: Письмо Бабушкина [С. Шкловского] Г. Зиновьеву, 27 октября 1923 г. Копии: Сталину, Литвинову // РГА СПИ. Ф. 22. Оп. 2. Д. 224. Л. 48, 51.

²⁷ Письмо Н. Крестинского М. Литвинову. Копия: Г. Чичерину, 24 октября 1923 г. // РГА СПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 7. Л. 115; АВП РФ, Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49937. Л. 100.

²⁸ См. об этом: Письмо Н. Крестинского М. Литвинову. Копия: Г. Чичерину, 24 октября 1923 г. // Там же.

²⁹ Письмо Н. Крестинского М. Литвинову. Копия: Г. Чичерину, 26 октября 1923 г. // Там же. – Л. 103.

³⁰ См. об этом: Письмо Г. Чичерина Н. Крестинскому, 1 ноября 1923 г. // АВП РФ. Ф.0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 041.

возбуждения против него судебного дела. И хотя вопрос о пребывании К. Радека в Германии удалось замять, ПБ ЦК решило отозвать из Германии наиболее скомпрометировавших своей нелегальной работой коминтерновских эмиссаров. Этими мерами оно стремилось предотвратить намечавшийся разрыв советско-германских отношений. К концу 1923 года существенно ухудшилась и обострилась сама структура советско-германских связей и контактов, о чём с тревогой сообщал в Москву Н. Крестинский. Однако, судя по всему, германское правительство «не доводило дело до разрыва отношений с Россией и сохраняло свою восточную ориентацию, используя её как фактор давления на западные страны»³¹.

В то же время германское правительство находило в себе силы для того, чтобы поставить на место «зарвавшееся» большевистское руководство СССР в ответ на одностороннюю политику последнего «похоронить» курс Рапалло и уничтожить путём вооруженного восстания существующий буржуазно демократический строй Веймарской Германии. Именно после октябрьских событий в Германии стали «пробуксовывать» советско-германские переговоры о заключении торгово-экономических и политических договоров и соглашений. Берлин уже больше не доверял своему рапальскому партнёру. Для Германии 1923 год стал переломным в её восточной политике. Встретив долгожданное взаимопонимание со стороны США и Великобритании, германское правительство встало на путь последовательного политико-экономического сближения с Западом. Советская дипломатия в 1923 году прошла серьёзные испытания, находясь между молотом и наковальней, испытывая давление московского руководства и германских властей. Она стала послушным исполнителем воли имущего партийного ареопага и превратилась в надёжный рычаг советского внешнеполитического механизма.

Дм.В. Офицеров-Бельский

ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА И ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В ПЕРИОД ЛОКАРНО.

Пакт, гарантирующий франко-германскую границу по Рейну, был подписан в Лондоне 1 декабря 1925 г. странами - участницами конференции в Локарно. Юридический подход к анализу локарнских соглашений предусматривает их оценку как дополнения предыдущих версальских соглашений. Первоначально, пожалуй, лишь сами разработчики давали им такую оправдывающую интерпретацию. В западно-европейской историографии юридическая составляющая в анализе этого политического события является довольно значимой и имеет следствием констатацию изменения отношений между Германией и Францией, но значение соглашений для Европы в целом игнорируется. Французский ученый Ж.-Б.Дюрозел¹ считает конференцию в Локарно важной вехой в европейских отношениях, но также не уделяет ей должного внимания. Напротив, польские и некоторые другие исследователи из Восточной Европы, которой эти соглашения не касались, если подходить формально, уделяют Локарно повышенное внимание². В сфере международных отношений любое дополнение к существовавшей прежде совокупности соглашений и обязательств является изменением, которое влечет за собой ряд других. Для вос-

³¹ Нежинский Л.Н. Указ. соч. - С. 172.

¹ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours / J.-B. Duroselle. - Paris, 1962.

² Подробнее об этом см.: Czubiński A. Najnowsze dzieje Polski. 1914-1983 / A. Czubiński. - Warszawa, 1987; Konopczyński W. Historia polityczna Polski. 1914 – 1939 / W. Konopczyński. - Warszawa, 1995; Kukułka J. Francja a Polska po traktacie wersalskim / J. Kukułka. - Warszawa, 1990; Łossowski P. Polska w Europie i świecie 1918 – 1939 / P. Łossowski. - Warszawa, 1990.

точно-европейского региона в межвоенный период было характерно то, что любой поворот в развитии международных отношений, двусторонних связей европейских стран отражался прежде всего на государствах данного региона. Причем, в условиях сложной конфигурации противостояний в Европе того времени позиция даже такой малой восточноевропейской страны как Польша, приобретала весомое значение. Это понимание совпадает со сложившимися в начале XX в. представлениями о значимости восточно-европейского региона, которые иначе и весьма туманно формулировались Дж.Х.Макиндером и его последователями.

От момента подписания версальских соглашений до даты проведения локарнской конференции прошло семь лет, поэтому дух гарантийного пакта был совершенно иным, сопоставительно с предыдущими договорами – версальские соглашения надолго ослабляли Германию тем, что устанавливали европейский порядок без ее участия. Локарнская же конференция закрепила ставшее уже неизбежным возвращение Германии в большую европейскую политику и определила именно такую схему безопасности для Западной Европы, которую побежденная Германия была согласна принять.

Проблема интересов, которые связывались с пактом или предшествовали его подписанию, зачастую рассматривается в науке исходя из анализа и оценки его результатов, что кажется логичным, но, как представляется, в принципе неверно. Является уже общим местом в исторической литературе, что рейнский гарантийный пакт был серьезным дипломатическим поражением Франции, победой политики Шрезермана и удачным завершением британских интриг, сводившихся к установлению на европейском континенте определенного равновесия, с тем чтобы избежать континентальной гегемонии, опасность которой британцы ощутили еще в эпоху наполеоновских войн. Для Польши, как и для восточно-европейского региона в целом, гарантийный договор, обеспечивавший неизменность лишь западных границ, но не восточных, стал фактором усиления германской опасности.

Нами предпринята попытка проследить, как подготавливалось соглашение и как формировался механизм противоборства европейских держав, что позволяет критически оценить традиционные выводы, кажущиеся на первый взгляд очевидными. Это становится возможным благодаря использованию архивных материалов, еще не вовлеченных в научный оборот, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации.

Нуждается в переосмыслении традиционная оценка позиции Франции при подготовке соглашения как ведомого игрока, вынужденного под давлением Великобритании заключить невыгодный для нее пакт.

Первые упоминания о вероятности гарантийного соглашения относятся к концу 1924 г.³ Если обратиться к более раннему периоду, то можно констатировать, что и на самой версальской конференции обсуждалась подобная возможность, но даже более поздние проекты нельзя воспринимать как источники последовавшего рейнского пакта, ставшего продуктом политической ситуации, сложившейся в 1924-25 гг.

Многие политические силы во Франции были настроены тогда на улучшение отношений с Германией. Французский посланник в Москве Эрбетт в беседе с германским представителем Ранцау в январе 1925 г. высказался за соглашение между двумя странами, представив это как личную точку зрения.

³ РГВА. Ф.460, оп.1, д.120, л.72.

Оценивая французскую авантюру с занятием Рура в 1923 г., он указывал, что это «понималось, как средство для ускорения соглашения»⁴, и добавлял, что «соглашение было почти достигнуто в августе 1923 г., но Куно и Розенберг были такие ярые националисты, что это не удалось»⁵.

Германский посол Ранцау в беседе с Чичериным сообщал, что из секретного источника ему удалось ознакомиться с инструкциями, данными Эрбетту, которые предполагали в числе прочих меры, направленные на разъединение Германии и России⁶. Для истолкования действий неопытного французского дипломата Чичерин предложил несколько вариантов, но на первое место ставил предположение о стремлении Франции начать сближение с Германией, но пока неофициальным путем, через Москву⁷. Французская дипломатия старательно вуалировала свой интерес к гарантийному пакту с Германией, в первую очередь, опасаясь недружественной реакции со стороны своих восточно-европейских союзников. Французская пресса в начале 1925 г. старательно подчеркивала, что германское выступление с предложением гарантийного пакта было инспирировано британским послом в Берлине Э.Аберноном.

В начале 1925 г. германская дипломатия выдвигает уже готовый проект франко - англо – немецкого гарантийного пакта, составленный еще прежним канцлером Марксом. Польская разведка первоначально рассматривала этот проект как пробный шар, выражая мнение, что предложен он никогда не будет⁸. Предполагалось, что его истинная цель – ускорить эвакуацию союзнических войск из Кельнской зоны. Тем не менее, проект оценивался как чрезвычайно опасный для Польши. Возможность серьезной заинтересованности Франции в пакте с Германией совершенно не рассматривалась, причиной тому было, по всей видимости, отсутствие широкой разведывательной базы в союзной с Польшей стране.

Новой инициативой Германии становится пакт пяти с участием Бельгии и Италии. Оценку германскому проекту дал II отдел Генерального штаба Польши⁹: «Одновременно они добились бы и изоляции Польши и, достигнув благоприятного настроения в международной сфере, могли бы или требовать корректуры границ на востоке мирным путем, или же в будущем выступить в случае подходящей политической конъюнктуры вооруженным путем против Польши вместе с Советской Россией. Они обрели бы возможность спокойного приготовления к войне с Польшей»¹⁰.

Германский представитель в Москве Дирксен на совещании с представителями НКВД 1 июля 1925 г. заявляет, что причиной германского предложения о гарантийном пакте было, прежде всего, стремление обеспечить соблюдение договора относительно демилитаризации рейнской зоны. Он добавляет, что Германия тем самым также «стремилась ослабить связи между Англией и Францией»¹¹.

Советская дипломатия, так же как и польская, была склонна видеть в консультациях и переговорах по гарантийному пакту, прежде всего, британский умысел. В одной из бесед Чичерин указывает немецкому представителю Ранцау на наличие

⁴ АВП РФ. Ф.04, оп.13, папка 87, д.50119, л.5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л.6.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф.460, оп.1, д.120, л.72.

⁹ В те годы функции внешней разведки выполнял II отдел Генерального штаба Польши.

¹⁰ РГВА. Ф.460, оп.1, д.121, л.34.

¹¹ АВП РФ. Ф.04, оп.13, папка 87, д.50119, л.47.

комбинаций, означающих объединение Германии с Антантой против СССР; он напоминает, что «мы уже пообещали Ранцау материалы, показывающие, что основной смысл нынешнего маневра Англии заключается в том, чтобы оторвать Германию от нас»¹². Впечатление об антисоветской согласованности действий Великобритании и Германии усиливалось тем, что последняя затягивала всеми силами переговоры о гарантийном соглашении с СССР.

Ответ Франции на германский проект гарантийного пакта был составлен, по словам Дирксена¹³, в гладких фразах, но переполнен ловушками и нуждался в тщательном изучении. Необходимо отметить, что во французском ответе наиболее отчетливо прослеживались две тенденции: 1) попытка Франции объединить все вопросы и все соглашения в одно целое, чтобы тем самым сохранить влияние Франции в европейских делах и 2) стремление превратить все немецкие арбитражные соглашения в обязательный арбитраж с вхождением Франции в качестве гаранта, причем под гарантом подразумевался обязательный третейский судья, т.е. Франция фактически должна была стать и стороной, и судьей.

Вопрос об арбитраже в отношениях между Германией и ее восточно-европейскими соседями постепенно становится наиболее спорным в консультациях и переговорах по пакту.

Чтобы обеспечить своей позиции желаемую жесткость и гарантировать себя от отступления, германская дипломатия делает ряд жестких выступлений в отношении Польши. Канцлер Лютер, выступая в Кенигсберге 15 февраля 1925 г., впервые коснулся темы пересмотра восточных границ Германии. Идеи ревизионизма и раньше были распространены там, но впервые они были подняты на официальном уровне, после чего предложений от стран-победительниц признать восточные границы поступить уже не могло. Обращаясь к событиям более ранним, необходимо вспомнить, что при подписании версальского договора германское правительство опротестовало новую восточную границу и поэтому немецкие дипломаты впоследствии, нередко ссылаясь на этот факт, заявляли, что Германия не считает себя связанной своей подписью по отношению к своей восточной границе.

При переговорах по гарантийному пакту Германия сама предложила дополнить его арбитражными соглашениями со своими восточными соседями, что особенно актуально было именно в связи с постановкой территориальных претензий в отношении Польши. Однако необходимо учесть юридические особенности немецких арбитражных соглашений – согласно предлагавшемуся принципу разрешения споров политические вопросы должны подлежать не третейскому суду, но согласительной процедуре, носящей консультативный характер.

В секретной сводке сообщений, предоставленной Литвинову 7 апреля 1925 г. германским послом от имени имперского правительства, говорилось о значении этого предложения о третейском разбирательстве в спорных вопросах. «В действительности, - говорилось в сводке, - такого рода договор о третейском разбирательстве суть выявление воли к миру, но не отказа от политических целей, которые Германия должна преследовать в отношении своих восточных границ»¹⁴. «Польский штурм против германского предложения показывает, что в Варшаве видят в договоре о третейском разбирательстве не только недостаточное по сравнению с гарантийным договором обеспечение польских границ, но даже, наоборот, прямую

¹² Там же. Л.29.

¹³ Там же. Л.47.

¹⁴ Там же. Папка 92, д.50251, л.9.

угрозу этим границам»¹⁵. Соответственно Польша отклоняет германское предложение об арбитражном договоре, о чем Ранцау сообщает Литвинову в начале апреля 1925 г.

В письме советского представителя в Германии Крестинского Чичерину¹⁶ из Берлина от 19 июня 1925 г. представлен анализ французской ответной ноты по вопросам гарантийного пакта, опубликованной в тот день. В германском министерстве иностранных дел французская нота была оценена пессимистически, ответ на нее предполагалось дать лишь через 4-5 недель и в очень осторожной форме; общее впечатление было, что переговоры будут длиться еще много месяцев. Основное содержание ноты было следующим: важной предпосылкой пакта является сохранение в силе всех условий Версальского договора, другой предпосылкой пакта выдвигался принцип бессрочности, который должен быть положен в его основу (в предложениях Куно говорилось о тридцати годах).

Предполагалось, что участие Бельгии должно быть в нем обязательным. Далее, арбитражные договоры должны быть заключены между Германией и всеми заинтересованными сторонами, причем каждая из стран, подписывавших в свое время версальский договор, а теперь подписывающая пакт, должна считаться гарантом всех арбитражных договоров. Это условие должно было дать Франции право выступать в качестве заинтересованной страны при столкновениях Германии с Польшей и Чехословакией.

Стремлением Франции было соединить вопрос заключения гарантийного пакта с вступлением Германии в Лигу Наций, без чего соглашение не может быть заключено. Для Германии вопрос о вступлении в Лигу Наций был связан с ее восточной политикой, и потому стремлением немецкой дипломатии было изолировать два этих вопроса. Британия к середине 1925 г. давала понять Германии, что в этом формальном вопросе всецело поддержит Францию. Соединенные Штаты не выражали свою позицию ясно, но, по всей видимости, предпочитали, чтобы Германия в переговорах как можно больше уступок добила от Франции. Американские дипломаты советовали германским политикам проявлять осторожность в вопросе вступления Германии в Лигу Наций.

Особые опасения относительно вступления Германии в Лигу Наций испытывала советская дипломатия. Чичерин в беседе с германским послом Ранцау в апреле 1925 г. заметил, что «в данный момент вступление Германии в Лигу Наций есть лишь составная часть общей комбинации, означающей объединение с Антантой против нас ... Я указал, - пишет Чичерин в записке об этой беседе, - что нынешний маневр Германии и Англии сознательно направлен на изолирование СССР»¹⁷. Польская дипломатия, возглавлявшаяся министром Скшиньским, известным сторонником института Лиги Наций, напротив, видела в предполагавшемся вступлении Германии больше позитивного, связанного с неизбежным, как казалось, подчинением уставу Лиги Наций. Кроме того, ожидалось, что вступление в Лигу Наций станет источником охлаждения в отношениях Германии и СССР, а также усилит миролюбивые силы внутри страны. В связи с ожидаемым вступлением Германии в Лигу Наций польская дипломатия была готова выдвинуть требование предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги, не сомневаясь, что оно будет поддержано великими державами с целью обеспечения равновесия в Европе.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д.50247, л.171.

¹⁷ Там же. Папка 87, д.50119, л.29.

Основным пунктом противоречий, тормозившим переговоры о вступлении Германии в Лигу Наций, что было напрямую связано и с проблемой подписания пакта, был параграф 16 Устава Лиги Наций. Он предусматривал оказание помощи стране, подвергшейся агрессии всеми государствами-членами Лиги Наций. Как уже было замечено ранее, немецкая дипломатия стремилась разделить вопрос подписания гарантийного пакта и проблему вступления страны в Лигу Наций. Зато целью германских политиков было связать вступление страны в Лигу Наций с обсуждением снятия с Германии версальских ограничений, по меньшей мере поставив под сомнение их необходимость. Германия неоднократно заявляла о невозможности принятия для себя всех пунктов Устава Лиги Наций, т.к. считала себя связанной с СССР торговыми отношениями, не позволяющими ей осуществлять эмбарго, если такое решение будет принято Советом Лиги Наций. Германия полагала также невозможным и участие в любого рода силовых акциях по причине своей разоруженности.

Уже после Локарнской конференции Штресерман в беседе рассказывал Чичерину, что тогда было очень много разговоров о параграфе 16 и об СССР¹⁸. Бриан, представлявший Францию, возражал против позиции Германии, утверждая, что она не может поставить себя в иное положение, чем другие государства. Штресерман вспоминает: «Однако другие участники Локарно указывали на неосновательность такого опасения (связанного с параграфом 16. – Д.О.), ибо никто вообще не считает параграф 16 связывающим; если из пятидесяти государств хотя бы двадцать будут участвовать в экзекуции, это будут считать большим успехом. Объяснения юристов тоже подтвердили германским делегатам неосновательность опасений относительно параграфа 16 и неосновательность его толкования в смысле чего-то обязательного»¹⁹. Необходимо также отметить, что еще в 1921 г. были выдвинуты тезисы на общем собрании этой организации, в которых говорилось, что каждое государство является судьей своего участия в выполнении параграфа 16.

Сводка сообщений за апрель, представленная Литвинову германским правительством с целью разъяснения своей позиции и снятия ответных опасений, связанных с готовящимся пактом, включала также и ряд специфических вопросов²⁰. В ней говорилось, что союзники, т.е. страны-победительницы, рассматривают будущую принадлежность Германии к Лиге Наций в большей степени как средство, подходящее для удовлетворения польских домогательств и для утешения Франции за погребение Женевского протокола, чем только договор о третейском разбирательстве.

Относительно возможного советско-польского спора Германия предлагала СССР следующее решение: если из-за отсутствия единогласия в Совете Лиги Наций приглашение Советского Союза к третейскому улаживанию спора не состоится, то Германия может объявить нейтралитет. Однако активное выступление Германии против Польши и в пользу советской стороны было бы все же исключено на основании статута Лиги Наций. Германия могла бы получить свободу действий против Польши только тогда, когда в советско-польском конфликте были бы затронуты ее прямые интересы, когда она эти интересы, облеченные в форму германо-польского спора, сделала бы предметом третейского разбирательства Лиги Наций и, когда это разбирательство не привело бы к единогласному решению осталь-

¹⁸ Там же. Л.108.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Папка 92, д.50251, л.8.

ных членов Совета. Ранцау от имени германского правительства напоминал Литвинову, что вопрос о том, которое из двух государств является нападающей стороной, лишь в очень редких случаях может быть решен без сомнений и если из-за отсутствия единогласия в Совете Лиги вопрос не будет решен, то никто из членов Лиги Наций не будет обязан выступать против того или иного из находящихся в конфликте государств. С германской стороны следовало заверение, что она в качестве члена Совета может воспрепятствовать принятию любого решения, необходимого для вынесения резолюции Лиги Наций об оказании военной помощи стране, подвергшейся агрессии, т.е. Польше, если она окажется в конфликте с СССР. Согласно заявлению германского правительства, «если же вопрос о нападении в какой-нибудь мере сомнителен, то Германия может внутри Совета Лиги Наций выступить в пользу России любыми способами»²¹. Даже в случае применения военных санкций против СССР вследствие его агрессии против Польши, германское правительство предполагало поставить условие, чтобы войска и обозы военно-активного члена Лиги не проходили через Германию и чтобы на ее территории не производилось никаких военных приготовлений.

Еще в сентябре 1924 г. во время встречи советского представителя Бродовского со Штрезерманом последний заверил: «Вы ошибаетесь, что Германия, вступая в Лигу Наций, усиливает единый фронт победителей. Такого фронта вообще уже нет»²². Штрезерман, по его собственным словам, сам убедился в этом на последних консультациях в Лондоне, когда англо-французский антагонизм проявлялся буквально во всем. Удивительными и порождающими вопросы являются слова Штрезермана относительно целей Британии, обнаружившихся во время переговоров: «Англия настойчиво добивается вхождения Германии и России, чтобы создать коалицию против Франции и ее сателлитов... Одним словом, Германия надеется, находясь в Лиге Наций, ослабить Францию и ее союзников»²³.

Спустя более чем через год, в декабре 1925 г., Штрезерман в беседе с Чичеринным оправдывал уже заключенные локарнские соглашения потребностями Германии в экономическом сближении с Францией²⁴. На встреченные возражения Штрезерман ответил, что теперь, после Локарно, и во Франции, и в Германии имеется чрезвычайно сильная тяга к тому, чтобы вернуться к программе 1922 г.; торговые переговоры пошли гораздо лучше, и Англия в результате Локарно не обладает теми возможностями, которые приписываются ей советской стороной, чтобы разделять Германию и Францию. Далее, Штрезерман перешел к обычным заверениям, что Локарно не направлено против СССР, причем, что интересно, он не распространял этого на Англию. Штрезерман заявил, что Локарно не является интеллектуальным порождением Чемберлена и что от него он не слышал ни единого слова в смысле направления Локарно против СССР.

Смену ориентиров и целей германской политики в течение 1925 г. можно отнести к разряду масштабных успехов французской дипломатии. Создается впечатление, что временно, в силу успехов сближения, именно Франция и Германия выиграли от Локарнского соглашения, а Британия оказалась во временной изоляции. Британская позиция, цели и интересы ее дипломатии в период переговоров заслуживают особого внимания. В беседе с полпредом СССР в Берлине Крестинским 10

²¹ Там же.

²² Там же. Д.50247, л.26.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Папка 87, д.50119, л.109.

марта 1925 г. Штрезерман сказал, что не имеет обещаний со стороны Англии в смысле благоприятного для Германии изменения германо-польской границы; правда, он вспоминает о напечатанной в «Таймс» статье, явно инспирированной британским МИД и направленной против нынешних границ Польши, – статья вызвала сильное беспокойство в Варшаве²⁵.

Несколько позже, 26 мая 1925 г., в берлинском номере «Фоссише Цайтунг» публикуется телеграмма лондонского корреспондента этой газеты Эдвардса. Излагая стремления и настроения английской политики настоящего времени, Эдвардс сообщает следующее: «Англия добивается от Франции политического и финансового *desiteresment* в отношении к Польше и Румынии, так как эти государства будут составлять компенсационный объект, при помощи которого Англия будет стараться отвлечь русскую политику от Индии и Средней Азии в сторону Европы»²⁶. Несмотря на некоторое преувеличение значимости азиатского фактора в обсуждении проблем гарантийного пакта, имеет резон замечание относительно Польши как о компенсационном объекте. Антифранцузская сфокусированность британской политики сделала на время возможным даже благожелательное отношение Британии к раппальскому сотрудничеству Германии и СССР, т.к. оно давало немецкой дипломатии возможность добиться больших уступок в переговорах с Францией. «Газета Варшавска» так комментирует телеграмму, опубликованную в «Фоссише Цайтунг»: «Упомянутая телеграмма берлинской газеты свидетельствует о том, что между прочим в Англии думают также об урегулировании вопроса безопасности английских колоний в Азии ценой Польши и Румынии»²⁷. Газета выражает также мнение, широко распространенное в Польше в период переговоров по гарантийному пакту: «До сих пор переговоры английского правительства в вопросе о гарантийном договоре дали слишком много доказательств того, что Англия готова делать далеко идущие уступки Франции на западе с тем, чтобы французская политика отреклась от теперешней своей точки зрения в вопросе восточных немецких границ»²⁸. Дипломатические усилия Британии привели не к поражению позиции Франции, а к компромиссу, на который та охотно пошла, приняв германскую формулу соглашения в обмен на сближение с Германией.

Маршал польского Сейма М.Ратай в дни после Локарнской конференции писал: «Впечатление в Польше плохое – уверенность, что Локарно ослабило наш союз с Францией и помощь Франции в случае нашей войны очень мала. Фатальное впечатление также создал тот факт, что немцы не хотели признать свои восточные границы»²⁹. Еще более определенно выразился на самой конференции министр иностранных дел Польши А.Скшиньский: «Как будут выполняться союзнические обязательства Франции в случае нападения Германии на Польшу или Чехословакию? Если Франция после этого выступит против Германии, то Англия и Италия могут парализовать действия Франции. А в том случае, если на Польшу нападут русские, будет еще хуже! Франция сможет помочь своему союзнику Польше лишь проведя свои войска через территорию Германии. Но Германия уже сейчас дает понять, что она откажет в этом»³⁰. Последующая оценка Локарнских соглашений в Польше была двойственной. Помимо негативной оценки согласной, по сути, с при-

²⁵ Там же. Папка 92, д.50247, л.127.

²⁶ Fossische Zeitung, - 1925. - 26. Mai.

²⁷ Gazeta Warszawska. 1925. - 27. Maj.

²⁸ Там же.

²⁹ Rataj M. Pamiętniki / M. Rataj. - Warszawa, 1965. - S.326.

³⁰ Табуи Ж. XX лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. - М., 1960. - С.64.

веденным выступлением Скшиньского, раздавались и положительные отзывы. Они были инспирированы преимущественно министерством иностранных дел, стремившимся избежать жесткой критики общественного мнения.

Объективно Польша была поставлена лицом перед новыми международными обстоятельствами. Французские гарантии польско-германской границы не были достаточными для обеспечения безопасности Польши. В случае польско-германской войны, по союзному договору с Польшей Франция была обязана выступить на ее стороне, что было бы нарушением Рейнского пакта и позволило бы Британии и Италии принять любую из сторон. Таким образом, в новой европейской войне эти два государства могли бы выступить на стороне Германии. По крайней мере, формальная юридическая сторона договора не исключала такого сценария. Важной оговоркой по отношению к франко – польскому союзу является также и то, что согласно законодательству III Республики для объявления всеобщей мобилизации требовалось согласие французского парламента, т.е. исполнение любого союзного соглашения, заключенного Францией, не вступало в силу автоматически.

После подписания 1 декабря в Лондоне соглашений, достигнутых в Локарно, с особой силой в Польше разгорелась внутренняя борьба по вопросам оценки локарнских договоренностей и оценке деятельности министра Скшиньского. Представители всех политических партий и течений отмечали, что если бы Скшиньский не подписал Локарнские соглашения, то Британия наравне с Германией выступила бы против Польши. Принятие Германией в Лигу Наций с закреплением за ней постоянного места в Совете обострило критику Скшиньского в связи с неудачей его деятельности в том же направлении – постоянное место в Совете Лиги Наций было одной из главных внешнеполитических задач Польши того времени.

Скшиньский уделил особое внимание в своей речи от 23 марта 1926 г. в комиссии Сейма по иностранным делам именно вопросу участия Польши в решении общеевропейских проблем. «Постулат нашей политики, - утверждал он, - одновременное с Германией принятие Польши в Совет было вызвано не соображениями престижа, но потому, что мы не верим, что гарантии мира и моральное разоружение возможно без нашего присутствия у стола Совета Лиги, при котором будет сидеть Германия; только общность разговоров в мирной атмосфере может улучшить взаимоотношения»³¹. По мнению депутата Сейды³², отказ Польше в предоставлении постоянного места в Совете Лиги Наций означал банкротство Локарно, если не в формальном, то, по крайней мере, в морально-политическом значении слова «Дух Локарно». В своей речи Сейда отмечал, что отказ Польше состоялся без значительного сопротивления даже со стороны французской делегации.

С точки зрения, распространенной в Польше, французская политика в переговорах по гарантийному пакту и другим, связанным с ним вопросам, потерпела поражение от британской и германской дипломатии, что вовсе не соответствовало точке зрения самих французов. Смысл постоянных требований Франции о гарантии границ на востоке Европы заключался, по всей видимости, в том, чтобы путем снятия этих требований в ходе переговоров добиться ответных компенсационных уступок со стороны Германии и других участвующих в переговорах сторон. Помимо того, требования Франции были частью патроналистской игры, которую она вела в Восточной Европе, и хотя ее авторитет там значительно пошатнулся после Локарно, французской дипломатии все же удалось сохранить в регионе лидирующие

³¹ АВП РФ. Ф.0122, оп.11, папка 33, д.27, л.5.

³² Там же. Л.4.

позиции среди прочих великих держав. Это можно расценивать как значительный внешнеполитический успех Франции, как и то, что ей удалось изолировать Британию и снять с нее роль арбитра во франко – германских отношениях. Это было чрезвычайно сложной задачей, если учесть, что именно инициативой американской и британской дипломатии был план Дауэса, введенный в действие незадолго до Локарно и значительно усиливший влияние англосаксонской политики в Германии³⁴.

Из всех восточно-европейских стран, пожалуй, в Польше произошло наибольшее охлаждение в отношении к Франции. Вскоре после гарантийного пакта Британия начинает применять меры, чтобы выровнять свои позиции в Европе, причем значительное внимание политики обращают теперь на Польшу и на Балканы. По мнению советской дипломатии, опасное международное положение и экономический кризис создают «условия, при которых неизбежно будет усиливаться английское влияние. В настоящее время происходит довольно болезненный процесс перемены ориентации с французской на английскую»³⁵. Такую переориентацию было бы проще произвести левым партиям и заинтересованным группам, нежели правым народным демократам. В связи с этим аналитики советского полпредства в Варшаве ожидали скорейшего усиления левых группировок, как это ни парадоксально, враждебных СССР, а также отмечали уже начавшее набирать темпы увеличение влияния Пилсудского внутри страны. Для групп, связанных с маршалом Пилсудским, ослабление влияния Франции Восточной Европе означало реанимацию надежд, связанных с упрочением собственно польского влияния в регионе. Вновь становится актуальной идея первых лет польской независимости – создания в Восточной Европе блока государств от Балтийского до Черного моря под эгидой Польши. После Локарно и последовавшего вскоре, в мае 1926 г., переворота в Польше, приведшего к диктатуре Пилсудского, начинается новый этап во внешней политике этой страны, складывается и новая международно-политическая констелляция в регионе.

А.А. Лютых, В.А. Тонких

ПОСТЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД ЕВРОПЕЙСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Вторая половина 1920-х годов вошла в историю международных отношений как период европейской стабилизации на основе достигнутых в Локарно международных соглашений. Однако стабилизация в сфере политики не означала преодоления существовавших межгосударственных противоречий – они не стали менее острыми, а были воплощены в иные формы. Итоги Локарно знаменовали крушение надежд Франции на гегемонию в Европе, на максимальное ослабление Германии. Интересы Франции противоречили представлениям британских дипломатов о политическом устройстве Европы. Поэтому послелокарнская политика французского правительства была направлена на укрепление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Тем самым Франция стремилась создать противовес Германии на ее восточных границах.

Еще в 1921 г. Франция заключила договор с Польшей. Этим же задачам служило создание Малой Антанты (Румыния – Чехословакия – Югославия) в 1921 г.

³⁴ План Дауэса имел целью экономическое восстановление Германии: за шесть лет действия плана Дауэса (1924-1929 гг.) Германия получила в виде кредитов от США и Германии вдвое больше (до 21 млрд. марок), чем она должна была выплатить в качестве репараций (10,15 млрд. марок).

³⁵ АВП РФ. Ф.122, оп.8, папка 40, д.44, л.37-38.

Франция заключила договор о взаимопомощи с Чехословакией (январь 1924 г.), договоры о дружбе с Румынией (июнь 1926 г.) и Югославией (ноябрь 1927 г.), заручаясь поддержкой восточных союзников против возрождавшейся Германии. Страны Юго-Восточной и Центральной Европы также искали сближения с Францией, видя в этом союзе гарантию от агрессивных действий Германии и Италии.

Английская дипломатия противопоставляла усилиям Франции систему «новых Локарно» - распространения локарнского политического опыта на балканский, прибалтийский, северный, восточный и средневропейских регионы. Опыт включения Венгрии в системы европейских гарантий в 1925 г. оказался неудачным. Англия настойчиво искала способы противостояния Франции в постлокарнской Европе путем создания новых межгосударственных союзов.

«Балканское Локарно» по предложению Великобритании должно было включить в свой состав Грецию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Румынию. Острые противоречия между Румынией, Венгрией и соседними с ними странами сорвали договорной процесс. В августе 1926 г. только Югославия и Греция подписали двусторонний договор, который так и не вступил в действие, не ратифицированный греческой стороной. Проект Англии на Балканах не получил практического воплощения из-за противодействия Франции, опасавшейся распада Малой Антанты.

Другой проект, инициированный английской дипломатией, - «Прибалтийское Локарно», предполагал создание союза прибалтийских стран – Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии. В январе 1925 г. в Хельсинки эти страны подписали соглашение об арбитраже. К этому соглашению предполагалось подключить и Литву. Однако последняя из-за польско-литовских разногласий по поводу принадлежности Вильно отказалась принять участие в союзе.

Свой план создания «Северного Локарно» предложила Финляндия. Однако и здесь встретились трудности в связи с позицией Швеции, не желавшей расставаться с нейтралитетом и быть втянутой в политические блоки. План «Прибалтийского Локарно» вскоре был преобразован в «Восточное Локарно» с включением в его состав Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Германии. Польша была заинтересована в подписании такого соглашения в связи с ростом экономической и военной мощи своего западного соседа. Германия же отказалась участвовать в соглашении.

Еще одно новое политическое устройство родилось в ноябре 1927 г. – «Средневропейское Локарно» с участием Чехословакии, Румынии, Польши, Венгрии, Югославии и Австрии, которые подписали соглашение об арбитраже и мирном урегулировании споров. Локарнский опыт оказался воплощенным лишь в одном проекте.

Политический опыт постлокарнской Европы свидетельствовал о попытках дипломатии ведущих европейских держав, используя расстановку новых политических сил, добиться определенных преимуществ, проводя свои политические курсы посредством малых европейских государств. Опыт Локарно, несмотря на неудачу большинства проектов, способствовал укреплению стабильности в Европе, уравновешивал позиции великих держав.

Что касается позиции СССР в отношении Локарно, то его реакция оказалась отрицательной. Советский Союз не принимал участия в работе конференции и был исключен из решения европейских проблем. СССР с опаской относился к вступлению Германии в Лигу наций, после чего он оставался единственной крупной европейской державой, находившейся вне этой международной организации. Под вопросом оказались также договоренности Советского Союза с Германией в связи с

наметившимся сближением последней с Англией в русле постлокарнской политики.

В непростой политической ситуации оказалась и Германия. С одной стороны, наметившееся сближение ее с Англией было явно полезным, т.к. помогало сбросить постоянно усиливавшийся контроль Франции и сыграть на англо-французских противоречиях. С другой стороны, Германия была заинтересована в развитии углублявшихся контактов с СССР, в том числе в военной сфере, что способствовало наращиванию военного могущества и преодолению негативных последствий Версальского договора касательно ограничения германских вооруженных сил.

СССР добивался от Германии обязательств в случае ее вступления в Лигу наций не принимать участия в санкциях, направленных против Советского Союза. Эти позиции встречали понимание в Германии. Во время обсуждения вопроса о приеме Германии в Лигу наций немецкая делегация отказалась от автоматического участия в возможных мерах против государства-агрессора, делая ссылки на слабость собственных вооруженных сил. Германское правительство исходило из определения своего участия в санкциях против агрессора в каждом конкретном случае. Страны Лиги приняли позицию Германии. Германская дипломатия, таким образом, поставила вопрос о состоянии своих вооруженных сил и необходимости добиваться перевооружения, что противоречило принципиальным положениям Версальского договора. В то же время Германия дала понять западным державам, что она дорожит отношениями с СССР в духе Рапалльских договоренностей. Дальнейшие события подтвердили позиции Германии.

Вторая половина 1920-х годов характеризовалась последовательным расширением и укреплением советско-германских связей. 24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о нейтралитете. В нем, в частности, отмечалось, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон ... подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта»¹. Подтверждалась приверженность обеих сторон Рапалльскому договору 1922 г. Срок действия договора был рассчитан на пять лет. Договор был ратифицирован ЦИК СССР 22 июня, президентом Германии – 26 июня 1926 г. и вступил в силу.

Договор о нейтралитете 1926 г. давал возможность вывести на какое-то время Германию из агрессивных антисоветских планов западных держав, воспрепятствовать атакам на политический курс Рапалло. Договор способствовал еще более тесному сближению обеих стран вплоть до 1933 г., когда к власти в Германии пришел фашизм. СССР создавал благоприятные условия для внутреннего экономического развития, используя германский торгово-экономический потенциал и политику нейтралитета и ненападения.

Вторая половина 1920-х годов выявила тенденцию стремления урегулировать проблемы европейской безопасности. Каждая из европейских стран имели собственные причины, заставлявшие обращаться к проблемам безопасности, но общие усилия вылились в устойчивую тенденцию. Еще в октябре 1924 г. по предложению английского правительства Макдональда Ассамблея Лиги наций рассмотрела Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, рекомендовав членам Лиги ратифицировать его. Протокол представлял собой проект договора о взаимной гарантии безопасности, предлагал механизм объединения в единый комплекс всеобщих гарантий безопасности с системой действующих региональных

¹ Цит. по: Трухнов Г.М. Указ. соч. - С. 173.

союзов. Участники протокола брали обязательства не прибегать к войне, «за исключением случаев сопротивления актам агрессии» или санкций, применяемых в соответствии с Уставом Лиги наций или Протоколом².

Протокол впервые вводил в систему международных отношений норму обязательного международного арбитража, регулировавшего любые межгосударственные споры. В протоколе содержались подробные положения относительно процедуры мирного разрешения споров, обязанностей государств не допускать углубления конфликта, последствий отказа от исполнения этих обязанностей и отказа от процедуры мирного регулирования. Протокол предлагал считать агрессором страну, отказывающуюся предоставить спор, в котором она участвует, на рассмотрение международного арбитража. Безусловно, предлагавшийся вариант определения агрессора был далеко не полон, не охватывал всей совокупности отношений агрессора и его жертвы. Однако он представлял собой первую попытку подобного рода в истории международных отношений, что свидетельствовало о качественно новом уровне развития политического сознания лидеров европейских государств. В случае ратификации Женевский протокол мог стать действенным инструментом регулирования международных споров и конфликтов.

К сожалению, Женевский протокол не вступил в силу, т.к. против его ратификации выступили британские доминионы, не видевшие необходимости участвовать в европейских спорах и их урегулировании. Победа консервативного правительства в Англии в октябре 1924 г. также сказалась на судьбе протокола. Отрицательно отнеслась к протоколу и Италия, где фашистское правительство Б. Муссолини вынашивало планы захватнических войн. Протокол был ратифицирован лишь Францией, для остальных великих держав его содержание оказалось неприемлемо из-за необходимости регулировать свою политику в зависимости от международных арбитражных органов. Однако важность самого прецедента заявления об определении агрессора нельзя недооценивать – оно сыграло свою роль в последующих событиях международной жизни.

Середина 1920-х годов в европейской политике стала временем формирования пацифистской идеологии, ставящей целью преодоление феномена войны как средства разрешения межгосударственных споров. Кроме универсального отказа от войны как состояния международных отношений пацифизм предполагал разработку идеи общеевропейского сотрудничества, исходившей из исторической и культурной общности народов Европы. Единение Европы могло способствовать преодолению войны. Идея пацифизма исходила из высокого уровня политической культуры лидеров европейских государств, большая часть которых не была готова воспринять и разделить эти идеи, тем более приступить к их практическому воплощению. Наряду с либеральными в Европе зарождались либо уже существовали тоталитарные режимы, для которых война была понятным и универсальным средством реализации достаточно примитивных политических представлений. К сожалению, такие представления были характерны для многих государственных лидеров Европы и конца XX в., если вспомнить бомбардировку (фактически – агрессию) НАТО Югославии.

В структуре европейского пацифизма середины 1920-х годов важное место заняла идея паневропейства, высказанная в 1923 г. австрийским графом Р. Куденхофе-Калерги в книге «Пан-Европа». Исходная позиция автора состояла в необходимости объединения континентальной Европы перед угрозой ей со стороны СССР,

² См.: Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 169.

США и Англии. В книге звучала идея формирования Соединенных Штатов Европы, популярная еще в начале XX в. Идеи паневропейства в определенной мере разделяли многие европейские политики 1920-1930-х годов – Эдуард Эррио, Леон Блюм, Эдуард Даладье, ученые Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, писатели, общественные деятели³. В Советском Союзе идеи паневропейства резко критиковали.

Популярность пацифистских идей в Европе во второй половине 1920-х годов заставляла лидеров европейских государств учитывать общественное мнение, предпринимать определенные практические шаги в сфере разоружения. В 1925 г. в Женеве был образован Подготовительный комитет по разоружению, в который вошли представители 21 страны, в том числе СССР и США. Советская делегация приступила к участию в конференции в ноябре 1927 г. после восстановления дипломатических отношений с Швейцарией, которые были прерваны в 1923 г. в связи с убийством в Лозанне советского дипломата В. Воровского. Советская делегация выдвинула проект полного и немедленного разоружения: сократить в течение года вооруженные силы всех государств, чтобы в последующие три года провести демобилизацию армий, издать законы об отмене обязательной и добровольной военной службы, ликвидировать военное производство, военный бюджет, военные министерства, запретить военную пропаганду и военное обучение и др.⁴. Предложенный проект носил пропагандистский характер и не был принят к обсуждению конференцией.

В ноябре-декабре 1930 г. прошли заключительные заседания Подготовительной комиссии. Большинство голосов были приняты проекты концепции разоружения. В феврале 1932 г. в Женеве открылась первая сессия международной конференции по разоружению, собравшая представителей более 60 стран – столь велик был интерес к проблеме разоружения в мире. Однако разброс мнений и предложений на конференции оказался так велик, что участникам ее не удалось выработать общий позитивный документ. Наряду с практическими предложениями выносились проекты демагогического, сугубо пропагандистского характера, что затрудняло работу конференции. Неудачной оказалась и вторая сессия конференции в ноябре 1932 г.

Во второй половине 1920-х годов резко уменьшилось влияние Франции в европейской политике. Это положение было зафиксировано локарнскими соглашениями. Усиление роли Германии, особенно после ее вступления в Лигу наций в сентябре 1926 г., еще больше ослабляло французские позиции во внешней политике. Приоритетными для французской дипломатии продолжали оставаться контакты со странами Восточной Европы, которые использовались в военно-политических целях как потенциальные противники Советского Союза. Кроме того, оказавшись в политической изоляции среди европейских великих держав и не найдя путей нормализации отношений с СССР, Франция устремила свои взоры в сторону США.

6 апреля 1927 г. в 10-ю годовщину вступления США в Первую мировую войну, министр иностранных дел Франции Аристид Бриан в обращении к американскому народу предложил США заключить договор о вечной дружбе, «запрещающий обращение к войне как к средству национальной политики»⁵. Франция стремилась заручиться поддержкой США для усиления политического влияния в Европе. США, имевшие прочные финансово-экономические позиции в Европе после

³ См.: Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 176-177.

⁴ См.: Системная история международных отношений: Т. 2. С. 106-107.

⁵ Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 182.

мировой войны, также желали усиления своей европейской политики. Правда, вместо договора о вечной дружбе, президент Кэлвин Кулидж и госсекретарь Фрэнк Келлог предложили заключить франко-американское соглашение об арбитраже. Оно было подписано 6 февраля 1928 г. На основе американского проекта после переговоров был выработан текст договора об отказе от войны как орудия национальной политики и о необходимости решения всех международных споров мирными средствами. Договор, получивший название «пакт Бриана-Келлога», был подписан в Париже 27 августа 1928 г. представителями США, Бельгии, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Ирландии, Индии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии и Японии.

Подписавшие договор страны заявляли об осуждении метода обращения к войне для урегулирования международных конфликтов и отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Они признавали необходимость разрешения всех разногласий и конфликтов независимо от характера их происхождения только мирными средствами⁶. Пакт вступил в силу после ратификации его всеми участниками в 1929 г. Позитивная направленность пакта состояла в создании международно-правовых основ ограничения использования в международных отношениях военно-силовых подходов. Договор при всех имевшихся оговорках осуждал агрессивные войны, накладывал обязательства на подписавшие его страны руководствоваться положением об отказе от войны как орудия национальной политики.

Советский Союз в сентябре 1928 г. заявил о своем присоединении к договору и ратифицировал его. СССР настороженно воспринял договор, во-первых, из-за неучастия советской делегации в переговорах; во-вторых, из-за его внеклассового и враждебного СССР характера (как считали в Советском Союзе, в связи с сохранением военных блоков в Европе); в-третьих, из-за участия в качестве инициатора договора Соединенных Штатов, не признававших СССР. Тем не менее, 9 февраля 1929 г. до официального вступления пакта в силу в Москве был заключен Московский протокол о досрочном введении обязательств пакта Бриана-Келлога, к которому присоединились СССР, Польша, Румыния, Эстония и Латвия; в том же году договор подписали Турция, Иран и Литва.

Пакт Бриана-Келлога создавал новую политическую обстановку в Европе, формировал условия для развития пацифистского движения. Впервые с идеей Пан-Европы выступил премьер-министр Франции А. Бриан в сентябре 1929 г. на X сессии Ассамблеи Лиги наций в Женеве. В мае 1930 г. проект получил дальнейшее развитие в Меморандуме об организации режима европейского федерального союза, подготовленном Францией. В Меморандуме говорилось о коллективной ответственности европейских правительств «перед лицом опасности, угрожающей европейскому миру как с точки зрения политической, так и с точки зрения экономической и социальной»⁷.

Меморандум призывал правительства европейских государств преодолевать распыление сил, добиваться единения в хозяйственной сфере. Предусматривался созыв Европейской конференции, призванной реализовать меры финансово-экономического и политического характера для координации общеевропейского сотрудничества. В Европейскую конференцию включались все европейские государства – члены Лиги наций. Исполнительным органом конференции мыслилась постоянная Европейская комиссия с центром в Женеве.

⁶ См.: Системная история международных отношений: Т. 2. - С. 108.

⁷ Цит. по: Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 184.

Меморандум в случае его претворения в европейскую политическую практику давал значительные преимущества французской дипломатии, игравшей на пацифистских настроениях европейских стран. Однако практическая реализация документа наталкивалась на различие в подходах к проблеме общеевропейской безопасности и понимании механизмов объединения общеевропейских интересов. Европейские державы сдержанно отнеслись к Меморандуму. На конференции министров иностранных дел стран-членов Лиги наций, созванной в Женеве в сентябре 1930 г., было достигнуто согласие в том, что объединение европейских стран жизненно важно для обеспечения мира. Вопрос о Пан-Европе был перенесен на очередное заседание Лиги наций для более детального его изучения.

Насколько искренни и последовательны были лидеры европейских государств в их движении по пути достижения общеевропейского мира на рубеже 1920-1930-х годов? Вопрос далеко не праздный, выходящий за границы теоретических рассуждений. Как могло пойти развитие европейского политического процесса, если бы удалось добиться единства по проблеме отказа от использования войны как орудия национальной политики. В Европе существовали слишком разные страны по уровню экономического и военного развития – прежде всего великие державы, в русле политики которых шли остальные европейские государства. Разногласия между великими державами не давали возможности достичь единства, или добиться установления общих интересов. Кроме того, к рубежу 1920-1930-х годов обозначилась группа стран, иначе трактовавших роль войны в политическом процессе. Это относилось к Италии, готовившей агрессивные войны в Африке против Эфиопии, к Венгрии, где с 1920 г. был установлен режим личной власти генерала М. Хорти.

Не мог однозначно согласиться с планами общеевропейского сотрудничества и единения Советский Союз, политический курс руководства которого был далек от пацифистских настроений. В этом первоочередную роль играло следование марксистско-ленинской доктрине о разделении войн на справедливые и несправедливые в зависимости от классового к ним подхода. Советское руководство не только признавало, но и всячески поддерживало войны справедливые – антиимпериалистические, революционные, национально-освободительные и т.п., т.е. те войны, которые вписывались в доктрину мировой пролетарской революции. По данной схеме война, ведшаяся пролетариатом или при участии СССР, могла быть определена как справедливая. Подобные оценки, естественно, не могли быть приняты лидерами западных стран.

Обратим внимание еще на один аспект проблемы. Новое время после мировой войны породило обстановку всеобщего недоверия, подозрительности, что привело в свою очередь к появлению нового типа лидера, мастерски владеющего приемами политической демагогии, лишеного каких-либо нравственных принципов, признающего право силы и в этом праве свою собственную главную роль. Эти лидеры могли идти на любые преступления для оправдания позиции сильного, а, значит, по их мнению, правого.

При всей важности обсуждавшихся в Европе вопросов войны и мира их практическая реализация не могла быть осуществлена. Многие лидеры государств использовали пацифизм как демагогическое прикрытие военных приготовлений, подготавливавшихся агрессивных войн. Европа рубежа 1920-1930-х годов, несмотря на жертвы и ужасы мировой войны, не созрела для принятия доктрины всеобъемлющего и полного мира. Силы сторонников войны оказались более мощными, чем силы сторонников разоружения и мира, что и показали последующие события.

Укажем также на слабость международных политических организаций. «Международные институты не обладали ни авторитетом, ни опытом, ни полномочиями, которые бы соответствовали остроте проблем международной обстановки, которая резко осложнилась в начале 30-х годов во многом под влиянием мирового экономического кризиса»⁸.

Великие державы, делая заявления о необходимости разоружения, достижения всеобщего мира, на практике зачастую поступали вразрез этим заявлениям. Особенно это касалось германского вопроса – восстановления военного потенциала Германии, ограниченного Версальским договором. В декабре 1932 г. США, Великобритания, Франция, Италия и Германия подписали Декларацию пяти держав, признававшую за Германией, Австрией, Венгрией и Болгарией «равноправие в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех»⁹. Германия сделала еще один шаг в направлении восстановления собственного военного могущества, что в условиях крайнего подъема реваншистских настроений в немецком обществе и в преддверии прихода к власти фашистов, представляло серьезную угрозу европейской безопасности. Произошел очередной надлом Версальской системы послевоенного устройства.

Позитивные политические процессы в Европе во второй половине 1920-х годов омрачались антисоветскими выпадами со стороны некоторых западных держав. К таким кризисным явлениям следует отнести разрыв советско-английских отношений в 1927 г. Предыстория этих событий такова. В мае 1926 г. в Англии началась всеобщая стачка горняков. Советское руководство развернуло широкую кампанию помощи английским рабочим. Через советские профсоюзы шел сбор средств в фонд бастующих. Английское правительство обвинило Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела Англии, направив в Москву ноту протеста. Официально советское правительство не имело отношения к сбору денег, нота протеста не была принята советской стороной. Лондон данное объяснение не удовлетворило и 26 мая 1926 г. английское правительство разорвало советско-английский торговый договор.

Английские консерваторы в 1926 г. ужесточили рабочее законодательство. В 1927 г. был принят новый закон о промышленных конфликтах и профсоюзах, согласно которому объявлялись незаконными всеобщие стачки, принуждавшие правительство к каким-либо действиям, а также массовое пикетирование. Закон жестко регламентировал права профсоюзов на формирование денежных фондов в политических целях.

Острота внутривнутриполитического положения в Англии заставляла английское правительство искать выход в обострении советско-британских отношений. В октябре 1926 г. консерваторы приняли решение о разрыве советско-британских отношений, закрытии в Англии советских учреждений и высылке из страны их служащих. В мае 1927 г. советское торговое представительство в Лондоне и представительство советско-британской компании АРКОС подверглись нападению и обыску английской полиции. Советских граждан обвиняли в антибританской подрывной деятельности. 27 мая 1927 г. английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР, что характеризовалось главой английского правительства как вынужденная мера. Однако действия Великобритании в отношении СССР не были поддержаны другими европейскими державами. Жесткий курс правитель-

⁸ Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 234.

⁹ Цит. по: Системная история международных отношений: Т. 1. - С. 188.

ства консерваторов привел к поражению партии на выборах 1929 г. Новое правительство в июне 1929 г. возглавил лидер лейбористов Р. Макдональд.

Новое английское правительство Макдональда приступило к подготовке переговоров с СССР. В июле 1929 г. в Лондоне обе стороны начали обсуждение условий нормализации отношений. В структуру обсуждавшихся проблем английская сторона стремилась включить проблему о национализированной английской собственности в России, о долгах российского правительства и др. Советская сторона рассматривала вопрос о восстановлении дипломатических отношений вне увязки его с другими проблемами. Из-за разногласий переговоры оказались прерванными и только 1 октября 1929 г. дипломатические отношения были восстановлены.

В исторической литературе советского периода вся ответственность за кризис в англо-советских отношениях возлагалась исключительно на британскую сторону, советская выступала в качестве потерпевшей. Английское правительство обвинялось в организации «похода мирового капитализма против Советской страны»¹⁰.

Однако более глубокие исследования показали, что часть вины за осложнение англо-советских отношений лежит на советской стороне. Советское политическое руководство требовало более жестких мер в отношении лейбористского правительства, обвиняло его в проведении соглашательской политики с буржуазией, в социал-реформизме. Неверные идейно-политические оценки Сталина и его идеологов осложняли нормализацию советско-английских контактов, не способствовали преодолению политического кризиса.

1929-й год оказался последним в истории капиталистической стабилизации и начальным годом мирового экономического кризиса, приведшего к изменениям в системе международных отношений. Экономический кризис 1929-1933 годов, получивший название «великая депрессия», носил самый глубокий и затяжной характер в XX в. Он оказался действительно великим и по числу стран, охваченных кризисом. Экономический кризис свидетельствовал о завершении эпохи свободного предпринимательства, стихийного развития капитализма и перехода к новой модели экономики, требующей вмешательства государственных структур.

Экономическая наука западных стран предлагала свои концепции преодоления кризиса. Одной из наиболее значительных стала концепция либерального экономиста Джона Кейнса, разработанная в его книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1933 г.). Главное внимание Кейнс уделил проблеме занятости, т.к. безработица постоянно сопровождала экономику западных стран, а в период кризиса достигла невиданных масштабов. Кейнс, проанализировав факторы уровня занятости, пришел к выводу, что уровень занятости зависит от размеров производства, а те в свою очередь целиком совпадают с размерами национального дохода. Ученый определил набор средств, необходимых для регулирования спроса. Для обеспечения стабильности экономики государство, по его мнению, должно отказаться от роли нейтрального наблюдателя за экономикой и активно регулировать спрос, воздействуя на него в нужном направлении. Государству также предлагалось осуществлять государственное манипулирование уровнем банковского процента путем воздействия с помощью финансовых операций с государственными ценными бумагами. Другой мерой рассматривалось стимулирование или затруднение роста потребления с помощью гибкой налоговой политики. Наконец, государство должно в широких масштабах осуществлять инвестиции в экономику. Кейнс

¹⁰ История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918-1945 гг.: Учеб. для студ. вузов. – М., 1989. – С. 182.

предлагал организацию общественных работ как одно из средств борьбы с безработицей. Так у буржуазных государств появилась достаточно действенная теоретическая основа, если не преодоления экономических кризисов, то смягчения их негативных последствий.

Экономический кризис в различной степени поразил все капиталистические страны на разных континентах. Возникнув осенью 1929 г., кризис достиг высших форм к середине 1932 г., после чего медленно пошел на спад, последствия которого продолжались еще два-три года, т.е. до середины 1930-х годов.

Сильнее всего экономический кризис поразил США, начавшись 24 октября 1929 г. паникой на Нью-Йоркской бирже, достигший наибольшей глубины падения производства в 1932 г. Наибольшее падение наблюдалось в отраслях тяжелой промышленности, где особенно сильными были позиции монополий. Кризис привел к резкому падению акций крупных компаний, последовала серия банкротств. Прекратили свою деятельность 10 тыс. банков, свыше 135 тыс. фирм. В 1932 г. производство упало до 53,8 % от докризисного уровня¹¹. Кризис привел к росту безработицы, возросшей в 1933 г. до 17 млн. человек, к массовому разорению фермеров. В 1930 г. начались «голодные походы» безработных на Вашингтон. Безработные требовали от правительства принять срочные меры по преодолению кризиса. В декабре 1932 г. поход на Вашингтон предприняли ветераны войны. С участниками похода власти сурово расправились.

Тяжелый экономический кризис вызвал внутривнутриполитический кризис – на президентских выборах 1932 г. республиканская партия и президент Герберт Гувер потерпели сокрушительное поражение. Победу на выборах одержала демократическая партия с лидером Франклином Рузвельтом, ставшим новым американским президентом, одним из крупнейших государственных деятелей в истории США.

Иначе развивался экономический кризис в Англии, где он начался с опозданием – в первом квартале 1930 г., достигнув наибольшей глубины весной 1932 г. Глубина кризиса здесь оказалась меньшей, чем в США, что было связано с медленным развитием английской экономики в 1920-е годы. Наибольший урон был нанесен традиционным отраслям – судостроению, металлургии, угольной, текстильной промышленности. Правительство лейбористов пыталось смягчить остроту кризиса, добиваясь роста пособий по безработице, увеличивая расходы на социальное страхование. В условиях нараставшего кризиса английское правительство 3 октября 1929 г. восстановило дипломатические отношения с СССР, а в апреле 1930 г. – временное торговое соглашение.

Во Франции экономический кризис разразился позже – в конце 1930 г., что было связано с получением германских репараций, с высокой производственной активностью в сфере строительства. Длился кризис во Франции несколько дольше, чем в других развитых странах, – до второй половины 1930-х годов. Только к 1937 г. промышленность и внешняя торговля достигли довоенного уровня.

Тяжелый кризис поразил экономику Германии, где спад производства пришелся на период с конца 1929 до конца лета 1932 г. Германская экономика в значительной степени зависела от иностранных инвестиций, прекращение притока которых негативно сказалось на ее состоянии. Кризис охватил целые промышленные районы, вызвал глубокий спад промышленного производства, внешней торговли, быстрыми темпами росла безработица. Экономический кризис вызвал резкое обострение внутривнутриполитической обстановки. Правительство Генриха Брюннинга

¹¹ См.: Новейшая история стран Европы и Америки. XX век. – М., 2001. – С.143.

тщетно искало меры преодоления экономического спада на пути сокращения социальных программ, что вызывало протесты трудящихся и еще более усугубляло социально-политический кризис.

Экономический кризис поразил производство и других капиталистических стран, повторяя общий механизм спада промышленности и сельского хозяйства. Разные страны по-разному представляли выход из кризиса. Одни (США) встали на путь либеральных реформ для смягчения в первую очередь социальных последствий кризиса, другие (Германия) нашли выход в переходе к тоталитарной экономике фашистского типа.

Экономический кризис рубежа 1920 – 1930-х годов привел к обострению социально-политических противоречий, вызвал резкое ухудшение социально-экономического положения различных слоев общества, в первую очередь трудящихся. Монополистическая буржуазия разных стран искала выход из кризиса разными путями, используя политику либо либеральных реформ, как случилось в США с избранием президентом Ф. Рузвельта, провозгласившего «новый курс», либо прибегая к услугам откровенно реакционных кругов, как произошло в Германии, где в годы экономического кризиса усилила свои позиции фашистская партия (НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия Германии).

Происхождение фашизма как идеологии и политики и в частности германской его разновидности посвящена обширная научная литература¹². Историки, изучающие формирование фашистской теории и практики, стремятся познакомить общественность с механизмом деятельности фашистских организаций, с обстановкой, позволившей фашистам захватить власть в ряде европейских стран. Лейтмотивом их исследований звучит – «это не должно повториться!». Как случилось, что благополучные в целом европейские страны с древними культурно-историческими традициями (Германия, Италия, Португалия, Испания, Венгрия, Румыния) стали оплотом агрессивно-воинствующей идеологии, пошли по пути практической реализации бредовых шовинистических идей, принеся в жертву им миллионы человеческих жизней? Ответ на этот вопрос требует комплексного изучения истории фашизма, его экономических, социально-психологических, политических, философских оснований, что возможно при соединении усилий специалистов разных отраслей общественности.

Термин «фашизм» (от итальянского *fascio* – пучок, связка, объединение) обозначает политическое течение, отражающее интересы наиболее агрессивных кругов общества, политическую диктатуру, для которой характерны шовинизм, расизм, вмешательство государства в экономику, максимальный контроль над общественной и личной жизнью граждан, сращивание партийного и государственного аппарата и образование партогосударства, применение насилия как универсального средства решения общественных задач и др.

В основу фашистской идеологии были положены расистские учения Ж.А. де Гобино, Ж.В. де Лапужа, философские доктрины Ф. Ницше и О. Шпенглера, антисемитизм, пангерманизм и др. Ведущим структурным компонентом идеологии фашизма стала расистская теория и расово-антропологические воззрения французского социолога Жозефа Артюра де Гобино (1816-1882), написавшего труд «О нера-

¹² См.: Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию: Германский фашизм рвется к власти. – М., 1972. – 455 с.; Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии: Организация, идеология, методы. – М., 1978. – 208 с.; Галкин А.А. Германский фашизм. – 2-е изд. – М., 1989. – 350 с.; Желев Ж. Фашизм: Тоталитарное государство. – М., 1991. – 336 с.

венстве человеческих рас» (1853-1855), в котором он обосновывал идею неравенства народов в связи с расовыми различиями (белая – арийская раса). Белая раса, в особенности ее германская разновидность, по Гобино, наиболее способна к историческому и культурному развитию. Жорж Ваше де Лапуж (1854-1936) – один из идеологов расизма и представитель теории социального дарвинизма – также утверждал деление на нордическую(арийскую, длинноголовую) и короткоголовую расы. Развитие истории и цивилизации, по теории Лапужа, связано с решающей ролью арийской расы, призванной осуществить прогресс человечества. Идеи Гобино и Лапужа были положены в основу расовой концепции идеологии фашизма.

Философской основой фашизма стала философия крупнейшего немецкого философа второй половины XIX в. Фридриха Ницше (1844-1900). Философская теория Ницше исходила из неравенства людей как основы человеческого бытия. Народные массы оценивались им как рабы, стадо, а сильная личность, «сверхчеловек», существующий вне всяких моральных норм, обладающий «волей к власти», призван управлять массами. Ницше абсолютизировал роль войны в истории, считая саму жизнь следствием войны. Идеи Ницше активно использовались идеологами фашизма, в первую очередь культ силы и концепция «сверхчеловека», которому все дозволено.

Продолжателем многих идей Ницше, одним из видных немецких философов, чье творчество связывалось с фашистской идеологией, был Освальд Шпенглер (1880-1936). В наиболее известной его работе «Закат Европы» (1920-1922) выражена идея «заката Запада», для которого характерны технизм, милитаризм и бюрократия. Шпенглер выдвигал идею исторической миссии Германии, верил в способность сильной власти объединить цивилизацию на основе мощной организации и техники, что совпадало с представлениями фашистских лидеров начала 1930-х годов.

Совокупность указанных и некоторых других социально-философских учений составили фундамент, на котором функционировала фашистская идеология. Ведущей в фашистской идеологии стала национальная идея, получившая в германском национал-социализме расистскую форму. Фашизм стремился соединить крайние формы национализма (идея превосходства арийской-германской расы над другими народами) и отдельные элементы социализма (доктрина «народного государства»), создав на базе этого объединения национал-социализм как разновидность фашизма.

Идеи национал-социализма были изложены А. Гитлером в его книге «Майн Кампф» в 1922-1926 гг., задолго до прихода к власти. В ней будущий фюрер выдвигал право немцев на обширное «жизненное пространство», которое должно быть завоевано. В противном случае Гитлер отказывал немецкому народу в праве на существование. В изображении нацистского вождя война представляла собой «естественную... систему фундаментального, длительного развития народа»¹³.

В политической сфере идеологи фашизма исходили из понимания государства как расовой организации единственного и конечного источника неограниченной власти. Фашизм призывал к тотальному единению всех сфер жизни общества, к унификации разнообразных человеческих проявлений, полному подчинению человека государством. Правящая партия рассматривалась в качестве единственной, подчинявшей государство и общество, а сама партия отождествлялась с фюрером –

¹³ Цит. по: Европа между миром и войной. - С. 29-30.

лидером партии. Партия и ее фюрер выдвигали единую цель установления тысячелетнего рейха в Германии и восстановления величия Рима в Италии.

Одним из первых идеологов, в чьем творчестве отразились черты фашизма, был итальянский писатель и политический деятель Габриеле Д'Аннунцио (1863-1938). В своих трудах он изображал народ как дикую, склонную к разрушению толпу, проводил мысль о неполноценности «маленького человека». Основным героем его произведений стал «сверхчеловек», «сильная личность». Д'Аннунцио с позиций национализма и расизма защищал развязанные Муссолини колониальные завоевания в Африке. Видную роль в формировании фашистской идеологии сыграли также итальянский философ Джованни Джентиле (1875-1944), немецкий теоретик фашизма Альфред Розенберг (1893-1946), соратник Гитлера Йозеф Геббельс (1897-1945), Б. Муссолини, А. Гитлер и др.

Таким образом, на идеологическом уровне фашизм представлял собой совокупность реакционных философско-социально-политических концепций, объединенных на фундаменте крайнего национализма, расизма, антикоммунизма и антисемитизма. Он не представлял собой какой-либо целостной научной доктрины, взывал к низменным, нередко инстинктивным проявлениям масс, отличался крайней воинственностью и агрессивностью.

Почему именно Германия стала страной, где фашистские идеи получили наиболее полное и всестороннее воплощение во всех сферах жизни общества, фашизм распространился среди различных социальных слоев, стал политической и военной стратегией государства в период 1933-1945 годов? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен, многопланов, корни его уходят в историческое прошлое. Как известно, Германия более других государств потеряла в результате поражения в Первой мировой войне. Великая держава с сильной экономикой была волею Версальского договора в одночасье превращена во второстепенную страну. Этот переход не вписывался в общественное сознание немецкого населения, вызвал резкое неприятие условий Версаля, стремление как можно быстрее преодолеть негативные последствия новой военно-политической ситуации в международных отношениях. В итоге Версальского договора пострадали все слои германского общества – буржуазия, терявшая прибыли от сокращения военного производства, рабочий класс, крестьянство, немецкая нация в целом, сокрушительно униженная и жаждавшая реванша. Общество инстинктивно поддерживало политических лидеров, выдвигавших задачи возрождения Германии как великой державы, укрепления государства и армии.

Из факторов приведших Гитлера к власти, отметим и тактику НСДАП, выдвигавшей простые, примитивные обещания, в которые верило немецкое население. Фашизм использовал идею харизматического лидера, способного в кратчайшие сроки решить сложные проблемы Германии. Сказался дефицит национального достоинства немцев, на чем спекулировали идеологи нацизма, предлагая тезис о превосходстве арийской расы. Наконец, Гитлер имел патологическую жажду власти, власть была высшей его ценностью, ради нее (как и многие другие диктаторы) Гитлер шел на любые преступления.

Противоречия, возникшие в национальном политическом сознании германского населения в послевоенный период, умело эксплуатировали лидеры радикального толка, в первую очередь фашисты. Не случайно зарождение германского фашизма на организационно-политическом уровне пришлось еще на 1920 г., когда на политической сцене появилась Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП), возглавлявшаяся А. Гитлером. Первоначально НСДАП выступала

немногочисленной организацией, не имевшей существенного влияния в обществе. С 1920 г. у партии появились покровители из «Германского ордена», занимавшегося оккультной деятельностью, приспособившего политическую пропаганду к иррациональным сторонам политического поведения¹⁴. На первый план политической деятельности выдвигалась задача формирования политического лидера-мессии, способного возродить германскую нацию. На эту роль подошел А. Гитлер – человек с характерной для немецкого общества судьбой – разочарованный, униженный, но с неумолимой жаждой возрождения, веры в будущее Германии.

НСДАП стала олицетворять собой партию, связанную с будущим Германии. Древний мифический символ движения Солнца – свастика стал эмблемой партии, идеи национал-социализма привлекали различные слои общества, в первую очередь молодежи. Создавались новые партийные ритуалы, напоминавшие средневековые театрализованные представления, военизированные отряды НСДАП-штурмовиков (СА) под командованием капитана Эрнста Рема. Все это определяло политический имидж новой партии.

Новый этап в истории НСДАП был связан с Рурским кризисом 1923 г. и оккупацией франко-бельгийскими войсками Рура, что вызвало всплеск националистических настроений в немецком обществе. 8 ноября 1923 г. нацисты организовали т.н. «пивной путч» в Мюнхене, по сути явивший собой попытку фашистов совершить государственный переворот в Баварии. Несмотря на провал путча, германский фашизм заявил о себе как об общегерманской политической силе, выдвигавшей идеи реванша и создания сильного немецкого государства.

Вторая половина 1920-х годов оказалась в целом благоприятной для развития идеологии национал-социализма и укрепления НСДАП. С помощью Англии и США возрождались германская военная промышленность, усиливалась армия, рос международный авторитет Германии. К тому же в Европе появилось и первое фашистское государство – в Италии в 1922 г. к власти пришло фашистское правительство Б. Муссолини. Приход фашистов к власти в Италии не встретил серьезной озабоченности со стороны ведущих держав, что придавало уверенность и германскому фашизму.

Благоприятно для фашистских сил складывалась внутривнутриполитическая обстановка в Германии. На президентских выборах 1925 г. победу одержал деятель реакционной направленности фельдмаршал Гинденбург, которому в это время исполнилось 78 лет. Гинденбург в предвыборной борьбе активно использовал шовинистические лозунги, оказавшиеся популярными в немецком обществе. Во время Первой мировой войны Гинденбург считался в Германии национальным героем, пользовался высоким авторитетом и на посту президента – представителя правых сил.

Экономический кризис 1929-1933 гг. имел тяжелые последствия для Германии. В условиях кризиса резко ухудшившееся социально-экономическое положение широких масс вывело на ведущие политические позиции радикальные партии, предлагавшие быстрое и легкое решение сложных социально-экономических проблем. Это в первую очередь относилось к НСДАП. Соотношение политических сил в Германии в начале 1930-х годов демонстрирует следующая таблица¹⁵.

¹⁴ См.: Новейшая история стран Европы и Америки. XX век. - С. 289.

¹⁵ См.: История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918-1945 гг.: Учеб. для студ. вузов / Под ред. Е.Ф. Язькова. – М., 1989. С. 218, 253.

ВИЛЛИ БРАНДТ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ».

В историю Германии и Европы Вилли Брандт (1913-1992) вошел прежде всего как «канцлер мира». После первого бундесканцлера К. Аденауэра, добившегося примирения с демократическим Западом в рамках интеграции ФРГ в западноевропейские и атлантические экономические и военно-политические структуры, Брандт сумел осуществить не менее трудный прорыв в деле примирения с коммунистическими государствами Восточной Европы, что кардинально изменило место ФРГ в европейской политике и весь климат международных отношений в Европе. Это произошло в годы, когда он находился на политической вершине ФРГ, будучи её главой правительства – бундесканцлером (1969-1974). Но международно-политическое мировоззрение Бранда, нашедшее своё выражение в «новой восточной политике», складывалось значительно раньше. В его основе лежали приобретенные ранее социалистические, демократические, гуманистические идеи, а также, что было очень важно, недогматическое мышление. Ещё в 1949 г. на съезде СДПГ Западного Берлина, выступая против тех в партии, кто ему казался недостаточно подвижным», Брандт говорил: «Кто хочет решить сегодняшние проблемы, должен забыть свой цитатник дома ... Партия может иметь прекрасную программу, но проводить при этом никудышную политику или вообще потерпеть крах. Как, впрочем, и наоборот»¹.

Возвышение Брандта до политика национального и европейского, а затем и мирового масштаба началось в середине 1950-х гг. Первой ступенью на этом пути стал пост правящего бургомистра Западного Берлина, который он занимал в 1957-1966 гг. Западный Берлин в то время был одной из «горячих точек» в отношениях между Востоком и Западом. Проблема Западного Берлина особенно обострилась во время так называемого «второго берлинского кризиса» 1958-1963 гг. (первый кризис был в 1948-1949 гг.); его апогеем стало возведение 13 августа 1961 г. Берлинской стены, т.е. границы, отделявшей Восточный Берлин от Западного. Одновременно правительства СССР и ГДР выдвинули теорию о «двух германских государствах» и предложили превратить Западный Берлин в «вольный город», изолированный от ФРГ.

В противоположность этому Брандт, стремясь обеспечить свободу Западного Берлина, доказывал необходимость сохранения прав трёх западных держав в отношении города при его одновременной интеграции в ФРГ. Это нашло выражение в формуле «Западный Берлин относится к свободной части Германии». Одновременно, под влиянием концепции тогдашнего президента США Дж. Кеннеди, с которым Брандта связывали дружеские отношения, он пришел к осознанию необходимости проведения «политики малых шагов и сближения в Германии», целью которой было «облегчить судьбу людей по другую сторону (германо-германской границы. – А.Ц.) и поддерживать их надежду на жизнь»².

Рассматривая берлинский вопрос и германскую проблему в контексте межблокового противостояния, которое таило постоянную угрозу глобального военного столкновения, Брандт видел единственную возможность избежать его в политике «мирного сосуществования». В октябре 1962 г., когда человечество приблизилось к опасному рубежу, связанному с Карибским кризисом, он в своей лекции в

¹ Брандт В. Воспоминания / В. Брандт. - М., 1991. - С. 28.

² Brandt W. 1913-1992 / W.Brandt. - Willy-Brandt- Stiftung, Berlin. - S. 26.

Гарвардском университете говорил: «Существование - это не изобретение Советов и не их монополия на аргументацию. Различие между их и нашей концепцией обусловлено совершенно разными представлениями о сущности конфликта. Неизбежный конфликт между государствами с различным социальным и экономическим устройством не так уж и избежен. Совместное проживание в нашем мире зависит от интересов всех стран, а не от теоретических принципов Советского руководства». Давая оценку хрущевскому пониманию сосуществования как способа ускорения исторического процесса в пользу коммунистической доктрины, он пришел к заключению, что «в противоположность ожиданиям Хрущева, вместо предсказываемого распада западного сотрудничества происходит иное, а именно – становится все более ощутимым политическое и экономическое единство некоммунистической Европы. Напротив, в самом коммунистическом лагере появились признаки дифференциации. Единого восточного блока уже не существует»³.

Ослабление международной напряженности, связанное с преодолением кубинского и ослаблением берлинского кризисов, содействовало дальнейшему поиску новых подходов к решению германской проблемы, в том числе и её важнейшей части – берлинского вопроса. Новые импульсы в этом направлении исходили не только от самого Брандта, но и его ближайших единомышленников (Э.Бара, Х.Альбертца и др.). Обновленные идеи в отношении внутригерманской и восточной политики были представлены ими на конференции Евангелической академии в Тутцинге в июле 1963 г. «Изменения через сближение» - так гласила формула Эгона Бара, выступившего первым. Новизна и определенная смелость Бара заключалась в том, что, пожалуй, впервые столь открыто был поставлен под сомнение незыблемый прежде тезис о необходимости поглощения ГДР путем свержения установленного там строя. Бар отмечал, что «любая политика, направленная на свержение тамошнего строя, лишена перспективы», что «нет приемлемой дороги, которая вела бы через свержение режима»⁴.

Прибывший на конференцию с некоторым опозданием, Брандт произнёс 15 июля речь «Я думаю о Германии...», носившую программный характер. Давая оценку внешнеполитическому курсу правительства Аденауэра, он обосновал необходимость его переосмысления и ревизии. Основой новой политики должна стать готовность Германии осознать свою вину за немецкую и европейскую катастрофу 1933 года и признать её исторические результаты. Между тем, подчёркивал Брандт, аденауэровский тезис «никаких экспериментов» отображал консервативную направленность «восточной политики» ФРГ, в то время как Федеративная Республика, по его мнению, нуждалась в последовательном движении вперед. Согласно воззрениям Брандта, в германской внешней политике до сих пор действовал высший принцип – сохранить то, что осталось от Германии. Политик считал, что этот принцип не должен превращаться в догму, а стать базой, на которой разворачивалась бы внешнеполитическая деятельность правительства. Брандт подчеркнул, что «застывшие политические блоки означали бы полную бесперспективность в германской политике». «Равновесие страха должно отступить на задний план перед свободной от иллюзий попыткой разрешать проблемы мирным способом», «Необходимо было искать новые формы преодоления блоков, нужны были реальные точки соприкосновения и как можно больше всевозможных коммуникаций»⁵.

³ Brandt W. Der Wille zum Frieden: Perspektiven der Politik / W.Brandt. - Hamburg, 1971. - S.81

⁴ Die deutsche Ostpolitik, 1961 - 1970. Kontinuität und Wandel: Dokumentation. - Köln, 1970. - S.46,48.

⁵ Brandt W. Der Wille zum Frieden: Perspektiven der Politik. - S. 93 - 94.

Новое видение мира Брандтом заключалось в снижении уровня конфронтации и установлении контактов, рациональных связей с коммунистическим Востоком. Именно это он понимал под активной, демократической политикой мирного сосуществования. «Настоящие политические и идеологические стены нужно сносить постепенно, без конфликтов. Нам не нужна контридеология, нам не нужна антидогма. Наша великая политическая мечта – это освобождение основных сфер жизни от любого политического влияния»⁶.

Выдвинутые на конференции в Тутцинге идеи («Тезисы Тутцинга»), вызвавшие широкие дискуссии не только в ФРГ, послужили своего рода катализатором в деле осмысливания «новой восточной политики».

После выхода «Тезисов Тутцинга», в подготовке которых он принимал активное участие, Брандт стал публично более открыто излагать свои взгляды на международные дела, находя все больше понимания как среди населения Германии, так и за ее пределами. Суть его политической философии заключалась в следующем. В настоящее время, считал он, «уже нельзя было достичь решения вопроса о национальном единстве железом и кровью», ибо новая «война превратила бы Германию в пустыню. Прошли времена, когда за решение германских дел несли ответственность только четыре державы, принявшие безоговорочную капитуляцию «третьего рейха». Ответственность и роль немцев за свои собственные судьбы возросла. Поэтому они должны сами проявить соответствующую инициативу и активность в решении интересующих их вопросов»⁷.

Широкий резонанс получил также меморандум Брандта государственному секретарю США Дину Раску от августа 1964 г., опубликованный в январе 1965 г. Излагая свое видение будущих европейских отношений, он писал о необходимости включения восточноевропейских стран в многообразное европейское сотрудничество, о необходимости поддерживать стремление отдельных стран к самобытному развитию. Предпосылками для этого могли являться, по его мнению, готовность Запада к далеко идущей экономической поддержке и готовность Востока к далеко идущим мероприятиям по либерализации. Но, будучи реалистом, Брандт вынужден был отметить, что «для обеих предпосылок время еще не созрело». В меморандуме Брандт высказался за сотрудничество между Западом и Восточной Европой в экономической и культурной областях, за расширение взаимного обмена научной информацией, содействие туризму, контакты между молодежью. С другой стороны, возможный позитивный поворот у восточноевропейских народов мог быть связан с сохранением или же даже с пробуждением у них общеевропейского сознания. При этом он предостерегал от соблазна использовать расширявшиеся связи со странами Восточной Европы для того, чтобы попытаться вбить клин между ними и Советским Союзом: «Нашей задачей не может быть то, чтобы разыгрывать восточноевропейские государства против Советского Союза»⁸. Главной целью, по его мнению, должно было стать вступление в отношения договорного соседства с этими народами.

Прекрасно сознавая, что нет другой разумной альтернативы в вопросе отношений между Востоком и Западом, как мирное сосуществование государств с различным общественным строем, Брандт с учетом этого формулировал и линию социал-демократии в вопросах «восточной» и так называемой «германской полити-

⁶ Lenz G. Willy Brandt (1913-1992) / G. Lenz. - Bonn, 1993. - S.24.

⁷ Die deutsche Ostpolitik, 1961 - 1970. - S.88.

⁸ Die deutsche Ostpolitik, 1961 - 1970. - S.79.

ки». Под ней он подразумевал развитие отношений между ФРГ и ГДР, в основе которых были бы положены в первую очередь интересы немецкого народа. Брандт исходил из того, что приоритет во всех делах имели прежде всего забота о людях и обеспечение мира в Европе.

Как правящий бургомистр Западного Берлина Брандт высказывался за максимум контактов между людьми в обеих частях Германии», выступал за облегчение условий жизни в произвольно разделенной Германии»⁹. Это находило реализацию в политике «малых шагов» и прежде всего в соглашениях с правительством ГДР о пропусках, дававших возможность жителям Западного Берлина посещать своих восточноберлинских родственников во время христианских праздников (1963-1966).

Таким образом, Брандт, находясь на западноберлинском политическом фор-тпосту, сумел понять бесперспективность «политики силы», осознать необходимость борьбы за «торжество разума и взаимопонимания» и начал освобождаться от концепции «фронтального города». Главные задачи внешней политики ФРГ он видел в отказе от её застывших форм и в позитивной трансформации противоречий между Западом и Востоком в сторону плодотворного сосуществования и сотрудничества. Накопленный опыт и новые идеи легли в основу внешнеполитической деятельности на новых ступенях его политической карьеры.

В декабре 1966 г. Брандт стал вице-канцлером и министром иностранных дел в правительстве «большой коалиции», образованной из представителей двух крупнейших политических партий ФРГ – ХДС/ХСС и СДПГ. К этому времени он стал одним из виднейших политиков национального масштаба. В 1964 г. он был избран председателем СДПГ, на выборах 1961 и 1965 гг. выдвигался от СДПГ на пост бундесканцлера. Согласие на участие в коалиции с главными политическими противниками определялось не только наступившими трудностями экономического и социального порядка, но стремлением изменить застывший внешнеполитический курс, попытаться приблизить решение германской проблемы. Одновременно преследовалась цель показать гражданам ФРГ способность СДПГ к конструктивной деятельности в качестве правительственной партии (ибо в течение почти двух предшествовавших десятилетий она находилась в оппозиции), её компетентность в решении общегосударственных дел с тем, чтобы затем придти к самостоятельному руководству. Вступление Брандта придало правительству ФРГ новый облик: вице-канцлером и министром иностранных дел впервые стал активный антифашист, социал-демократ новой формации, политик, имевший репутацию как поборник международной разрядки.

Среди своих главных задач Брандт считал недопущение внешнеполитической изоляции, на которую обрекала ФРГ «доктрина Хольштейна». Необходимо было развить внешне-политическую активность и добиваться установления новых мирных отношений в Европе, а также мирного решения германской проблемы.

Рассматривая германскую проблему как часть отношений между Востоком и Западом, Брандт выдвинул идею движения к «европейскому мирному порядку», этапы достижения которого были обрисованы им в программной статье «Германская политика в отношении Востока». Его схема включала три элемента: «согласованный отказ от применения силы» – «гарантированная и сбалансированная система европейской безопасности» – «прочный и справедливый порядок, в условиях которого могло быть найдено решение германского вопроса в полном согласии с

⁹ Lenz G. Willy Brandt (1913-1992). - S.28.

самими немцами и их соседями». Он считал необходимым единство Западной Европы и отстаивал экономическое и военное сотрудничество с бывшими противниками Германии. Брандт утверждал, что «европейское сообщество, каким оно развивается на Западе, должно служить примером устройства, наилучшего из возможных, который подойдет в качестве составной части для построения сбалансированного общеевропейского мирного порядка, и необходимо прилагать усилия к тому, чтобы в этом десятилетии углублять процесс европейского единения, делать его необратимым и в то же время подводить под него демократический фундамент»¹⁰.

Вскоре после вступления на новый пост, в начале 1967 года в радиоинтервью Брандт представил свою концепцию «европейского мирного порядка». В её основе лежал взгляд, согласно которому раскол Германии неразрывно связан с расколом Европы и что преодоление раскола Германии достижимо только через разрядку и преодоление раскола Европы. Новая модель европейского порядка имела для Брандта два измерения – военное и политическое. Каждый из этих компонентов должен дополнять друг друга. Новый мирный порядок требует обеспечения политической разрядки, выравнивания интересов, взаимопонимания между народами и межгосударственного взаимодействия. Он включает в себя также снижение и преодоление военной конфронтации. Инструментом этой политики должно стать одновременное и соразмерное сокращение обычных вооруженных сил, уменьшение арсеналов атомного оружия, отказ ФРГ от претензий на атомное оружие и обмен гарантиями о неприменении силы. С окончанием военной конфронтации должны быть созданы основы для политического сотрудничества, из которого, ориентируясь на общие интересы, должна возникнуть система переплетения взаимных интересов. Идея европейской системы безопасности как основы европейского мирного порядка мыслилась Брандтом в виде возможных двух моделей. Первая из них – преодоление двух противостоявших военных блоков – НАТО и Варшавского пакта – и на месте распущенных военно-политических организаций должен быть создан общий союз, обеспечивающий безопасность. Вторая модель предусматривала сохранение военных альянсов, но их содержание должно трансформироваться в сторону отказа от взаимной враждебности и опираться на межпактовые гарантии. Эта «делорвая мирная политика» („Sachliche Friedenpolitik“) находилась в противоречии с классической «политикой силы» („Machtpolitik“). Она предполагала изменение целей и методов «через выравнивания интересов». Разрядка и объединение Германии более не должны находиться в противоречии. Каждый шаг к разрядке есть шаг к преодолению конфликта между Востоком и Западом и тем самым к германскому единству.

Свои внешнеполитические идеи Брандт развивал в своих речах на съездах СДПГ, в многочисленных выступлениях и интервью, а также в книге «Политика мира в Европе», вышедшей в 1968 г.». В ней он выдвинул идею установления доверия между ФРГ и странами Восточной Европы, заявил о необходимости провести переоценку целей прежней «восточной политики». Политик высказал свою точку зрения на перспективы нормализации отношений с Советским Союзом и другими странами Восточной Европы, на взаимосвязь налаживания этих отношений и проблем европейской безопасности. Брандт писал, что «даже фундаментальные различия в политических убеждениях и в социальной структуре не должны сдер-

¹⁰ Koch P. Willy Brandt: Eine politische Biographie / P. Koch. - Berlin - FaM., 1989. - S.329.

живать государства Европы от сотрудничества в самых разных областях ради упрочения мира во всем мире»¹¹.

Однако в полной мере реализовать свои внешнеполитические идеи Брандт не мог: этому препятствовали его партнёры по коалиции ХДС/ХСС. Тем не менее благодаря его усилиям обозначился процесс разрушения недоверия между ФРГ и государствами Восточной Европы. Этому содействовали переговоры с Советским Союзом об отказе от применения силы, установление дипломатических отношений с Румынией, Югославией, его готовность подписать договор о нераспространении ядерного оружия, встретившая активное сопротивление со стороны ХДС/ХСС, и другие шаги.

В целом же правительственная деятельность Брандта в составе «большой коалиции» явилась важной вехой в процессе его формирования как наиболее дальновидного и реально мыслящего политика ФРГ. Она послужила важной ступенью к проведению самостоятельной внешней политики и своеобразным трамплином к достижению поста федерального канцлера.

Став бундесканцлером на волне общественного демократического подъёма конца 1960-х гг., Брандт сосредоточил свою внешнеполитическую деятельность на реализации идей «новой восточной политики». Вскоре после его избрания он заявил, адресуясь к странам восточного блока: «Германскому народу нужен мир в полном смысле этого слова, в том числе мир с народами Советского Союза и всеми народами европейского Востока. Мы готовы предпринять честную попытку взаимопонимания, позволившего бы преодолеть последствия трагедии, в которую ввергла Европу преступная клика». При этом, продолжал Брандт, мы не предаёмся обманчивым надеждам: вопросы, связанные с интересами взаимоотношения сил и социальными различиями, нельзя ни решить диалектически, ни затушевать. Наши партнёры должны знать, что право на самоопределение, как записано в Уставе Объединённых Наций, распространяется и на наш народ. Наше твердое намерение сохранить за собой это право не подлежит обсуждению. Однако мне ясно, что встречное движение обеих частей Германии может начаться только в результате нового общеевропейского сближения¹².

Бундесканцлеру приходилось убеждать не только руководителей государств Восточной Европы, но и противников его внешнеполитических идей в собственной стране. В январе 1970 г., выступая в бундестаге, он назвал малодушными и недостаточно патриотичными тех, кто задавал вопрос: что ФРГ получит от реализации его восточной политики? Обращаясь к ним, он сказал: «Разве сделать мир для всего нашего народа более надёжным – это мало? Дополнить дружбу с народами Запада, Севера и Юга доверием, согласием, а потом и дружбой с народами Востока – это мало? А разве Германии после этого не будет обеспечена большая безопасность и лучший мир? Разве это не пойдёт на пользу всем её людям и каждому в отдельности? Это можно выразить такими словами: выигрыш будет состоять в том, что люди будут испытывать меньше страха, уменьшится бремя их забот; снова увидятся люди, которые долгие годы были лишены этой возможности; вероятно смогут пожениться два человека из двух германских государств, которых сегодня разделяет бесчеловечное принуждение»¹³.

¹¹ Prittie T. Willy Brandt: Biographie / T. Prittie - FaM., 1973. - S.329.

¹² Брандт В. Воспоминания. - С.195-196.

¹³ Брандт В. Воспоминания. - С. 196.

Исходя из этих идей строилась последующая практически-политическая деятельность Брандта как федерального канцлера. Она была направлена на то, чтобы найти решение германского вопроса не через политику конфронтации и ревизии послевоенных реальностей, а путем договорного признания сложившихся после Второй мировой войны территориального и государственного Status quo во всей Европе, включая и государственное существование ГДР. А признание сложившихся реальностей в форме межгосударственных договоров должно быть дополнено климатом доверия, способного привести к примирению с соседями на Востоке.

В исторически короткий срок – в течение 1970 – 1973 годов – были заключены двусторонние договоры с Советским Союзом, Польшей, ГДР, Чехословакией, а также подписано четырёхстороннее соглашение (между СССР, США, Англией и Францией) по Западному Берлину. Это привело к решающему повороту в отношениях между ФРГ и восточноевропейскими государствами.

Но свою «восточную политику» Брандт не расценивал как особый «немецкий путь», а как вклад в общую политику разрядки между Западом и Востоком. Он рассматривал её как «немецкий вклад» в политику разрядки, целью которой было через признание сложившихся реальностей (Status quo) добиться нового характера отношений (modus vivendi) в Европе.

...10 декабря 1971 г. Вилли Брандт был отмечен Нобелевской премией мира. Нобелевский комитет обосновал это тем, что Вилли Брандт «как глава западногерманского правительства и от имени немецкого народа протянул руку к политике примирения между прежними врагами» и что этой политикой он внес «существенный вклад в укрепление возможностей мирного развития не только в Европе, но и в мире в целом»¹⁴.

О. Г. Лекаренко

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ И СОЗДАНИЕ ЗЕС.

На рубеже конца 1940-х – начала 1950-х гг. в условиях эскалации «холодной войны» странами западного блока во главе с США был поставлен вопрос о необходимости ремилитаризации Германии и включения ФРГ в создаваемые западные структуры безопасности. Осенью 1951 г. администрация США поддержала обсуждаемые европейскими союзниками по НАТО планы перевооружения Германии в рамках европейской оборонительной организации, действующей в тесном сотрудничестве с Североатлантическим альянсом. Договор о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) был подписан Францией, ФРГ, Италией и странами Бенилюкса в мае 1952 г. В данной статье рассматривается роль американской дипломатии и «особых» американско-британских отношений в решении проблемы перевооружения Германии в связи с провалом планов создания ЕОС.

К лету 1954 г. вопрос о ратификации договора учреждающего ЕОС окончательно зашел в тупик. Особое недовольство в этой связи проявляли представители военных кругов США. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов от 25 июня 1954 г. рекомендовалось «либо предпринять более активные меры к обеспечению скорой ратификации договора о создании ЕОС во Франции», либо добиваться французского согласия на вступление ФРГ в НАТО. В противном случае американские военные предлагали «восстановить суверенитет ФРГ в британской и американской зонах оккупации, а затем оказать содействие перевооруже-

¹⁴ Brandt W. 1913-1992. - S. 31.

нию Западной Германии и ее конечной интеграции в НАТО, либо полностью пересмотреть европейскую политику США и их обязательства Североатлантическому альянсу». Военных поддержали представители дипломатических кругов США. Так, например, наблюдатель США во Временном комитете ЕОС Д. Брюс считал, что Соединенным Штатам совместно с Великобританией следует оказать давление на французское правительство «по всем требованиям и переговорам относительно ЕОС»¹.

Ввиду ожидаемого провала планов создания Европейского оборонительного сообщества следовало подготовить заранее альтернативные проекты включения ФРГ в западный военно-политический блок с тем, чтобы Западная Германия приняла на себя те же ограничения, которые были заложены в Парижском договоре 1952 г. и сохранила заинтересованность в дальнейшем развитии европейской интеграции².

В ходе американо-британских переговоров 25-29 июня 1954 г. в Вашингтоне был поставлен вопрос о необходимости, как можно скорее восстановить суверенитет ФРГ и разработать альтернативные варианты перевооружения Германии. С этой целью в Лондоне была образована специальная рабочая группа в составе американских и британских экспертов. Обе стороны согласились, что новые договоренности не должны становиться достоянием всеобщей гласности до тех пор, пока проект создания ЕОС не потерпит окончательное поражение³. Через две недели после завершения американо-британских переговоров госсекретарь США Дж. Ф. Даллес посетил Париж, где изложил свою позицию главе французского правительства П. Мендес-Франсу.

В июле 1954 г. англо-американская исследовательская группа представила свои рекомендации. Они включали восстановление суверенитета ФРГ вне зависимости от ратификации договора о создании Европейского оборонительного сообщества. При этом правительство К. Аденауэра должно было взять на себя обязательства временно воздержаться от перевооружения Западной Германии в одностороннем порядке, согласиться на ограничения в разработке и производстве определенных видов вооружений и в течение некоторого времени сохранять финансовую поддержку английских и американских оккупационных сил в Германии. В случае отказа Франции одобрить предлагаемые меры эксперты настаивали на проведении односторонней политики в американской и британской зонах оккупации. Данное предложение, однако, представляло собой скорее очередную угрозу в адрес французского правительства, нежели реальный политический выбор.

Исследовательская группа приняла к сведению разработанные британскими дипломатическими кругами предложения о включении ФРГ в НАТО, но при сохранении контроля над усилением военной мощи Западной Германии. Вклад ФРГ в армию НАТО планировалось ограничить 12 сухопутными дивизиями и 1300 боевыми самолетами. Западной Германии запрещалось использовать стратегическую авиацию и подводный флот. Любые изменения в численности и составе германских вооруженных сил следовало согласовывать с Советом НАТО. Западная Германия должна была отказаться от производства и разработки определенных видов

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1952-1954. - Vol. 5. - Western European Security. - Pt. 1. - Wash., 1983. - P. 904.

² Ibid. - P. 971-972.

³ Ibid. - P. 985-989; FRUS. 1952-1954. - Vol. 6. - Western Europe and Canada. - Pt. 1. - Wash., 1986. - P. 1076-1077, 1126-1127.

вооружений и от наличия на своей территории любых вооруженных сил, кроме германских дивизий в НАТО, а также сил полиции и войск, необходимых для защиты главы государства и осуществления особых международных миссий. Функции контроля над дислокацией германских войск передавались верховному главнокомандующему союзных сил НАТО в Европе, Совету Североатлантического альянса и союзным оккупирующим войскам в Германии⁴.

В августе 1954 г. французское правительство предприняло последнюю попытку модифицировать договор о создании ЕОС в пользу Франции. Накануне Брюссельской конференции (19-22 августа 1954 г.) представителей стран, подписавших Парижский договор, П. Мендес-Франс предложил внести существенные изменения в текст Парижского договора. Французские поправки включали такие предложения, как применение принципа межгосударственного сотрудничества в первые восемь лет с момента создания Европейского оборонительного сообщества, отмену 38-й статьи договора о создании ЕОС, предполагающей создание Европейского политического сообщества, создание смешанных многонациональных военных соединений только на территории ФРГ, что означало дискриминацию Германии, возможность для каждого их участников выйти из состава ЕОС в случае объединения Германии и другие изменения. Новые французские предложения, существенно подрывающие наднациональный характер ЕОС, не могли быть приняты остальными участниками конференции⁵.

После завершения работы Брюссельской конференции П. Мендес-Франс посетил Великобританию, где встречался с главой британского правительства У. Черчиллем в его резиденции в Чартвелле. В ходе переговоров У. Черчилль обрисовал возможные варианты перевооружения Германии: в рамках ЕОС, в рамках НАТО, либо некоторую форму ремилитаризации Германии без участия Франции. Глава французского правительства, в свою очередь, подчеркнул слабые надежды на создание ЕОС и отметил, что наиболее приемлемым решением проблемы перевооружения Германии является изменение структуры НАТО путем создания внутри Североатлантического альянса европейской военной группировки, так называемой «малой НАТО».

Американские дипломатические круги дали отрицательную оценку визиту П. Мендес-Франса в Великобританию. В частности, американский посол во Франции Д. Диллон полагал, что известие о переговорах двух лидеров, на которых обсуждался вопрос о замене ЕОС другими соглашениями о перевооружении Германии, может усилить позиции противников ратификации Парижского договора во Франции. Таким образом, если политика Великобритании в данный период была направлена на то, чтобы разработать подходящий альтернативный план созданию Европейского оборонительного сообщества, то американская дипломатия по-прежнему склонялась в сторону оказания давления на Францию.

С этой целью специальный представитель США во Временном комитете ЕОС Д. Брюс предложил созвать 30 августа по инициативе глав правительств США и Великобритании встречу министров иностранных дел шести стран, подписавших Парижский договор, с участием американских и английских представителей. На встрече следовало показать французам всю несостоятельность их нынешней политики в отношении ЕОС. Предложение Д. Брюса нашло поддержку американского президента и госдепартамента США. У. Черчилль и министр иностранных дел Ве-

⁴ FRUS. 1952-1954. - Vol. 5. - Pt. 1. - P. 998-1017.

⁵ Ibid. - P. 1047-1048.

ликобритании А. Иден, напротив, отнеслись к нему негативно. Британские политики полагали, что стремление изолировать Францию опасно и не сможет спасти ЕОС. Они выступали в пользу сотрудничества с французским правительством по вопросу о возможной замене ЕОС другими соглашениями и считали, что любую встречу, касающуюся ЕОС, можно проводить только при наличии новых, хорошо продуманных конструктивных предложений⁶.

27 августа 1954 года на заседании британского кабинета министров А. Иден представил разработанные Форин офисом предложения об альтернативах созданию ЕОС. Они включали пять возможных вариантов. Первый предлагал членство ФРГ в НАТО при сохранении тех ограничений, которые были наложены на Германию Парижским договором. Другое предложение состояло в присоединении Великобритании к модифицированной европейской оборонной организации в рамках НАТО. Третий вариант включал высказанное П. Мендес-Франсом на встрече с главой британского правительства в Чартвелле предложение о создании с участием Великобритании Совета по контролю над вооружениями. В меморандуме Форин офиса содержались и такие предложения как тройственный американско-британско-западногерманский договор или двустороннее американско-германское соглашение. Наибольшее предпочтение получили те предложения, которые включали членство ФРГ в НАТО или в европейской оборонной организации, например, в созданном в 1948 году Западном союзе⁷.

30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции 319 голосами против 264 отклонило договор о создании ЕОС. На следующий день после голосования во французском парламенте Дж. Ф. Даллес сделал политическое заявление, в котором подчеркнул, что эффективная оборона Западной Европы по-прежнему требует существенного вклада ФРГ. Он отметил необходимость восстановления государственного суверенитета Западной Германии, включая ее право на индивидуальную и коллективную самооборону, а также выразил надежду на то, что провал Европейского оборонительного сообщества не остановит процесс европейской интеграции⁸. Сам Дж. Ф. Даллес уклонился от активной роли по урегулированию ситуации, сложившейся после провала ЕОС. Подход американского госсекретаря состоял в том, чтобы предоставить европейской дипломатии возможность своими силами решить европейскую проблему, дабы избежать обвинений в том, что новое решение выработано в США и навязано европейцам. Тем более что американская дипломатия и не располагала таким решением⁹.

В то время как Соединенные Штаты отказались от выдвижения новых инициатив, а французская политика в вопросе перевооружения Германии оказалась полностью парализованной, Великобритания взяла на себя роль лидера в урегулировании проблемы о долгосрочном статусе Западной Германии в Европейском сообществе. Британские политики опасались серьезных последствий, которые могли возникнуть в том случае, если кризис не будет разрешен достаточно быстро. К их числу относились усиление позиций Советского Союза ввиду раскола внутри за-

⁶ John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War / Ed. by R. H. Immerman. - Princeton - New Jersey, 1990. - P. 100-102.

⁷ Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954 / A. Deighton // Contemporary European History. - 1998. - Vol. 7. - Pt. 2. - P. 184-185.

⁸ Софинский Н.Н. Бонн и Вашингтон. Дипломатическая история ремилитаризации Западной Германии. «Европейское оборонительное сообщество» и Западноевропейский союз / Н.Н. Софинский. - М., 1969. - С. 49.

⁹ John Foster Dulles and the Diplomacy... - P. 118-119.

падного блока, пересмотр американской политики в отношении обороны Западной Европы, возрождение франко-германского антагонизма¹⁰.

Прежде всего, необходимо было скоординировать усилия основных участников, связанных с проблемой перевооружения Германии. Сразу же после провала ЕОС Дж. Ф. Даллес предложил созвать внеочередную сессию Совета НАТО для обсуждения сложившейся ситуации. Однако министр иностранных дел Великобритании А. Иден отверг предложения Даллеса и высказался в пользу более узкого совещания государств, подписавших в 1952 г. Парижский и Боннский договор о восстановлении суверенитета ФРГ. Дж. Ф. Даллес уступил инициативу созыва такого совещания Великобритании, но посоветовал прежде провести двусторонние консультации с правительством ФРГ.

1 сентября 1954 г. американские и британские верховные комиссары в Западной Германии представили канцлеру К. Аденауэру предложения англо-американской исследовательской группы о частичном восстановлении суверенитета ФРГ. Однако, выработанные в июле 1954 г., лондонские решения явно устарели. Глава западногерманского правительства поставил вопрос о полном восстановлении суверенитета ФРГ, намекнув при этом, что Западная Германия готова представить западным державам необходимые гарантии сдерживания роста военной мощи ФРГ¹¹.

2 сентября 1954 г. П. Мендес-Франс информировал своих британских и американских коллег, что общественное мнение Франции готово поддержать восстановление суверенитета ФРГ, если Великобритания возьмет на себя обязательства постоянного военного присутствия в Европе и войдет в состав Европейского Совета, на который будут возложены функции контроля над вооружениями. Британским политикам потребовалось несколько дней напряженных дискуссий, чтобы показать французскому правительству, что речь идет не просто о восстановлении суверенитета ФРГ, но ее вхождении в НАТО, сколь бы это не было неприятно для общественного мнения Франции¹².

К этому времени у британских дипломатов сложился конструктивный подход к решению дилеммы перевооружения Германии, и они убедили своих американских коллег в том, что готовы взять на себя ведущую роль по урегулированию проблемы. А. Иден выступил с идеей одновременного включения ФРГ и Италии в состав образованного в 1948 г. Западного союза и таким образом ввести ФРГ в НАТО.

Как отмечают современные британские историки А. Дейтон, С. Докрилл, Дж. Янг, сейчас уже практически невозможно установить, кто и когда первым высказал данное предложение. Еще в октябре 1952 г. возможность преобразования Западного союза с включением в его состав дополнительных членов рассматривалась в Бельгии и Нидерландах¹³. Накануне провала ЕОС похожие предложения обсуждались во Франции и в Великобритании¹⁴. Немецкий исследователь Х.-Ю. Граббе

¹⁰ FRUS. 1952-1954. - Vol. 5. - Pt. 1. - P. 1099; Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw... - P. 188-189.

¹¹ Dockrill S. Britain's Policy for West German Rearmament, 1950-1955 / S. Dockrill. - Cambridge, New York, 1991. - P. 141.

¹² Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw... - P. 189-190.

¹³ Young J.W. German Rearmament and the European Defence Community / J.W. Young // The Foreign Policy of Churchill's Peacetime Administration 1951-1955. - Leicester University Press, 1988. - P. 96.

¹⁴ На уже упоминавшемся ранее заседании британского кабинета 27 августа 1954 г. с данной идеей выступил министр жилищного строительства Г. Макмиллан. Впоследствии Г. Макмиллан говорил своему старому другу, французскому послу Р. Массигли, что, хотя он и придумал идею использовать Западный союз, но будет рад увидеть ее как «план Идена». Сам А. Иден в своих мемуарах пишет о том, что идея о расширении

отмечает, что весной 1954 г. в министерстве иностранных дел ФРГ также разрабатывались альтернативные планы созданию ЕОС, которые во многом предвосхитили последующие решения. Их автором являлся сотрудник западногерманского внешнеполитического ведомства В. Грeve, который участвовал в подписании Парижского договора 1952 года¹⁵.

Наличие некоторых предварительных разработок облегчало стоящую перед А. Иденом задачу. 8 сентября 1954 г. он уведомил правительство о своем намерении посетить столицы соответствующих европейских государств, чтобы подготовить почву для проведения в ближайшее время соответствующей конференции. Во время турне А. Иден намеревался получить согласие своих европейских коллег с планами расширения Организации Брюссельского договора и создания на его основе Западноевропейского союза (ЗЕС). Правительство Великобритании было готово предоставить новому союзу британские военные гарантии, аналогичные тем, которые были обещаны ЕОС. Однако, данные гарантии рассматривались как «запасная карта», которую следовало до последнего держать в секрете и использовать только в самом крайнем случае.

В ходе своего турне по столицам европейских государств, начавшегося 11 сентября 1954 г., А. Иден убедился в положительной реакции на британские предложения в ФРГ, Италии и странах Бенилюкса. Сложнее оказалось получить согласие Франции. По мнению премьер-министра Франции П. Мендес-Франса, британское предложение было всего лишь «иллюзорным решением», чтобы замаскировать членство ФРГ в НАТО перед французской общественностью и парламентом. Франция, однако, была вынуждена согласиться с «планом Идена» и в дальнейшем сконцентрировала свое основное внимание на проблеме контроля над вооружениями¹⁶.

В США были недовольны активностью британской дипломатии. После начала европейского турне А. Идена в Западную Европу прибыл сначала помощник государственного секретаря Р. Мэрфи, а затем сам Дж. Ф. Даллес. 17 сентября 1954 г. состоялась его встреча с А. Иденом в Лондоне. Во время встречи Иден постарался убедить Дж. Ф. Даллеса в том, что создание ЗЕС является единственным средством восстановления международного статуса ФРГ. В ответ на замечание Даллеса о том, что американский конгресс вряд ли сможет предоставить Брюссельскому пакту те же гарантии, которые были предложены ЕОС в апреле 1954 г., А. Иден подчеркнул, что создание ЗЕС имеет больше политическое, нежели военное значение как средство удержать ФРГ в западном блоке.

Поездка в Европу и встречи с А. Иденом и канцлером ФРГ К. Аденауэром убедили Дж. Ф. Даллеса в том, что в интересах США и дальнейшего развития европейской интеграции следует уступить инициативу Великобритании. После возвращения в США он докладывал своим коллегам, что ситуация состоит не в потере американского лидерства, а в том, что план, составленный в Европе, имеет больше шансов на успех. США должны принять участие в работе планируемой конференции, но в качестве советника, готового оказать необходимую помощь союзникам¹⁷.

Организации Брюссельского договора пришла ему в голову, когда он принимал ванну. См.: MacMillan H. *Tides of fortune. 1945-1955* / H. MacMillan. - L., 1969. - P. 471, 564; Eden A. *The Memoirs of Anthony Eden. Full Circle* / A. Eden. - Boston, 1960. - P. 151. О французских предложениях по созданию «малой НАТО» см.: FRUS. 1952-1954. - Vol. 5. - Pt. 1. - P. 1077-1079.

¹⁵ John Foster Dulles and the Diplomacy... - P. 118-119.

¹⁶ Deighton A. *The Last Piece of the Jigsaw*... - P. 190-191.

¹⁷ John Foster Dulles and the Diplomacy... - P. 105-106.

Лондонская конференция открыла свою работу 28 сентября 1954 г. В ней приняли участие первоначальные участники Брюссельского договора (Франция, Англия и страны Бенилюкса), кандидаты на присоединение к нему (ФРГ и Италия) и две страны Западного полушария (США и Канада). А. Иден взял на себя функции председателя встречи. Конференция началась в атмосфере сомнений, которые были рассеяны заявлениями Дж. Ф. Даллеса и А. Идена на IV пленарном заседании 29 октября. В своем выступлении госсекретарь США Дж. Ф. Даллес заявил, что намерен рекомендовать президенту «возобновить американское обещание содержать в Европе такие части своих вооруженных сил, которые могут быть необходимыми или целесообразными, чтобы внести нашу справедливую долю, требующуюся для общей обороны североатлантического района в то время, когда этому району угрожает опасность» при условии, что участники конференции придут к согласованным решениям, которые восстановят европейское единство и помогут претворить в жизнь надежды, связанные с проектом ЕОС¹⁸.

В этот же день британская дипломатия разыграла свою «запасную карту». Министр иностранных дел Великобритании А. Иден заявил о том, что «Соединенное королевство будет продолжать держать на европейском континенте, включая Германию, четыре дивизии и авиационное соединение» и «обязуется не выводить эти силы против воли большинства стран-участниц Брюссельского договора». Однако правительство Великобритании оговаривало возможность вывода этих сил в случае чрезвычайных обстоятельств или сложного финансового положения, которое может являться основанием для пересмотра Советом НАТО британского вклада в оборону североатлантической зоны¹⁹.

В последующие дни участники конференции обсудили ряд конкретных вопросов, связанных с контролем над уровнем вооружений в Европе и сроках восстановления суверенитета ФРГ. 2 сентября последовало соответствующее заявление от канцлера ФРГ К. Аденауэра. Специальной декларацией западногерманское правительство отказывалось от производства на территории ФРГ ядерного, химического и бактериологического оружия, некоторых видов ракет, управляющихся снарядами и неконтактных мин, крупных военных кораблей водоизмещением более 3 тыс. тонн и подводных лодок водоизмещением более 350 тонн, бомбардировочной авиации для стратегических целей.

3 октября был подписан Заключительный акт Лондонского совещания, в котором были зафиксированы решения о восстановлении суверенитета ФРГ. Один из разделов Заключительного акта касался вопроса об изменениях в структуре и составе Западного союза и создании в его рамках особого органа по контролю над вооружениями. Администрация США была удовлетворена ходом и итогами Лондонской конференции. По возвращении из Лондона Дж. Ф. Даллес заявил, что новые соглашения «сохраняют ценные стороны плана создания Европейского оборонительного сообщества». Данное мнение разделял и президент Д. Эйзенхауэр.

С 19 по 23 октября 1954 г. в Париже прошел ряд конференций, на которых были подписаны окончательные документы. Первая конференция была посвящена проблеме ликвидации Оккупационного статута и выработке Общего договора с ФРГ в новой редакции. В ней принимали участие представители трех оккупационных держав и Западной Германии. На второй конференции обсуждались вопросы,

¹⁸ Документы Лондонской конференции 28 сентября-3 октября 1954 г. и Парижской конференции 20-23 октября 1954 г. - М., 1954. - С. 30-31.

¹⁹ Там же. - С. 33-35.

связанные с реформированием Брюссельского договора. Обсуждения велись между семью заинтересованными государствами: первоначальными членами организации и кандидатами на вступление. Третья конференция представляла собой переговоры членов НАТО с правительством ФРГ о ее вступлении в состав альянса. И, наконец, в Париже проходили двусторонние франко-западногерманские переговоры о будущем Саара²⁰.

Парижские соглашения включали протокол об изменении и дополнении Брюссельского договора 1948 г. и ряд протоколов о вооруженных силах Западно-европейского союза, контроле над вооружениями. Италия и Германия получили приглашение присоединиться к Брюссельскому договору. Из текста Брюссельского договора исключалась фраза о возможности «возобновления Германией агрессивной политики», в него включалась новая статья о тесном сотрудничестве ЗЕС с Организацией Североатлантического договора. Вооруженные силы Западноевропейского союза, состоящие из национальных соединений членов союза, включая четыре английские дивизии и второе тактическое соединение британских военно-воздушных сил, поступали под командование верховного главнокомандующего союзных сил НАТО в Европе. Верховный главнокомандующий был уполномочен путем консультаций с национальными правительствами определять размещение, перемещения и использование вооруженных сил ЗЕС в соответствии с военной стратегией Североатлантического альянса. Он получил право инспекции уровня и оснащения вооруженных сил ЗЕС.

В рамках ЗЕС создавался специальный орган по контролю над вооружениями, ответственный перед Советом ЗЕС. В его функции входил контроль над уровнем запасов вооружений в странах ЗЕС с целью установления фактов производства запрещенных видов вооружений. Контроль должен был осуществляться путем рассмотрения предоставленных странами-участницами финансовых документов и прямых инспекций с посещением военных заводов и складов. Деятельность контролирующего органа распространялась только на членов ЗЕС, исключая Великобританию и военные объекты НАТО. Протоколом № 3 принималась к сведению декларация канцлера ФРГ, содержащая обязательства по ограничению производства вооружений на территории Западной Германии.

В период работы Парижской конференции 20-23 октября 1954 г. состоялось заседание Совета НАТО, на котором в качестве наблюдателя присутствовал канцлер ФРГ К. Аденауэр. ФРГ получила официальное приглашение вступить в НАТО. К Североатлантическому договору был приложен соответствующий протокол, который должен был вступить в силу после ратификации всего пакета документов, связанных с работой Парижской конференции. Бывшие оккупирующие державы подписали декларацию, в которой подчеркивалось, что «они рассматривают правительство ФРГ как единственное законное и свободное германское правительство, имеющее право выступать от имени Германии и представлять ее в международных делах. При этом конечной целью их политики остается мирное урегулирование для всей Германии и создание при помощи мирных средств свободной и объединенной Германии, включенной в Европейское сообщество». С Западной Германией было подписано соглашение о пребывании на ее территории иностранных войск на пе-

²⁰ Переговоры завершились подписанием соглашения о сохранении сепаратного статуса Саара вплоть до подписания мирного договора и выработки специального соглашения, за соблюдением которого будет наблюдать комиссар от Совета Европы. В соглашение был внесен пункт о возможности присоединения Саара в ФРГ путем проведения плебисцита.

риод до заключения с ней мирного договора или подписания особого соглашения между ФРГ и бывшими оккупационными державами. В отдельном соглашении определялись размеры платежей, которые ФРГ должна была вносить в качестве взноса на покрытие расходов по содержанию войск, размещенных на ее территории²¹.

По признанию британских историков создание Западноевропейского союза стало вершиной послевоенной британской дипломатии в Европе. Урегулирование кризиса, возникшего в Атлантическом союзе после провала ЕОС, помогло Великобритании восстановить свое положение в глазах американцев, пошатнувшееся после того, как она отвергла участие в создании институтов наднационального характера. Как считает британская исследовательница А. Дейтон, в конечном итоге А. Идену удалось убедить Дж. Ф. Даллеса в том, что политика давления на Францию является контрпродуктивной, а американская поддержка европейской интеграции более эффективна в тех случаях, когда США находятся «в тени» или оказывают поддержку в рамках более широкого подхода, включающего сотрудничество в НАТО, дополненного угрозами о прекращении американской военной помощи. Таким образом, Великобритании удалось добиться создания европейской военной группировки, более согласующейся с ее национальными интересами, гарантировать продолжение американской помощи в обороне Западной Европы, сохранить веру американцев в успех европейской интеграции и поддержать «особые» американо-британские отношения, которые заметно ослабли после прихода в госдепартамент Дж. Ф. Даллеса²².

После ратификации парижско-лондонских соглашений 5 мая 1955 г. Западная Германия стала суверенным государством. Через два дня в Париже открылась конференция НАТО, на которой ФРГ была принята в альянс в качестве полноправного члена. С созданием Западноевропейского союза, встроеного в атлантическую систему обороны, завершилось формирование западного блока безопасности в Европе. Кризис, возникший в Североатлантическом альянсе в результате провала ЕОС, был успешно ликвидирован.

А.А. Синдеев

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ХДС: ОТ ПОДГОТОВКИ ПЕРВЫХ ПРЯМЫХ ВЫБОРОВ В ЕВРОПАРЛАМЕНТ К ВЫБОРАМ 2004 ГОДА.

Конечно, начинать научную статью необходимо с актуальности темы и её влияния на современный исторический процесс. В данном случае хотелось бы отойти от этой традиции, так как Европейский Союз - геополитическая реальность, постоянно и относительно динамично развивающаяся. У автора, как и у большинства специалистов, нет сомнений в том, что ЕС сохранится в той или иной форме¹. Принципиально важно другое – способность различных акторов (в нашем случае – партий), своеобразного мотора субсидиарности, влиять на процесс реформирования. Важно учитывать несколько обстоятельств: 1) партии существуют в определенном историческом пространстве, о категориальности которого применительно к новейшему времени, как правило, чрезвычайно мало пишется; 2) партии имеют

²¹ Документы Парижского совещания министров иностранных дел западных держав // Международная жизнь. - 1955. - № 1. - С. 132-147.

²² Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw... - P. 195-196.

¹ Артемов В.А. Германия и Россия на изломах истории / В.А. Артемов. - Воронеж, 2004. - С. 393-401; Европейский Союз: на рубеже веков. - М., 2000.

свою традицию, выражающуюся в стереотипизации программного мышления, кадровой политики и т.п.; 3) партии функционируют в массовом обществе. Следовательно, они вынуждены подчиняться его законам; 4) и, наконец, человечество не придумало лучшей субъектности в не прямой демократии, чем партии. Никакие сети, политические, экономические или суть иные, не смогут заменить их на политической арене. Автор рискнет предположить, что партии сами являются инициаторами создания подобных сетей, групп лоббирования.

В период новейшей истории оформление исторического пространства привело на Западе к появлению схожих, проверенных временем форм и структур. Следует подчеркнуть, это не структуры-доминанты в известных методологических выкладках структуралистах. Это так называемые мягкие структуры, в которых не отрицается уникальная роль отдельного человека и его способность влиять, в том числе и изменяя доселе непоколебимый ход процесса. Наверно никогда человечество не испытывало такой потребности понимания и идентификации себя как в настоящее время. Причины просты: множество структур, высокий технический уровень, появление новых форм зависимости, субъективное чувство ускорения времени и излишняя экономизация жизни, вызывающая дегуманизацию². Роль партий в этой связи заключается как в представлении собственного видения реформаторской деятельности, так и в интерпретации/развитии пространства.

В 70-х годах Христианско-демократическая партия (ХДС) находилась в достаточно сложных условиях: она была в оппозиции, её внешнеполитический курс и борьба за вотум недоверия канцлеру В. Брандту не нашли поддержки у большинства населения, в ней начались кадровые перестановки. Всё это потребовало от партии новых подходов к проблематике того времени, включая и один из её основных доменов – европейскую политику, которая помогла ФРГ при канцлере К. Аденауэре обрести самостоятельность и равноправие. Уже в 50-е годы XX века «отрабатывалась» существенная функция европейкой политики для Германии в целом и ХДС в частности: данная политика способна оказать помощь в достижении более масштабных целей, при этом являясь одновременно целью и средством. По сути дела, фундамент преодолению прошлого был заложен именно европейской политикой первого немецкого канцлера.

В Лайслер Кип в 1973 году выделял в качестве основной задачи, стоящей перед ХДС, овладение тремя внешнеполитическими уроками: 1) внешняя политика проводится правительством. Из этого следует, что «оппозиция по отношению к восточной политике правительства имеет мало смысла и что с договорами в той форме, в которой они заключены, можно работать, если захотеть улучшить почву для дискуссии»³; 2) внешняя политика В. Брандта поддерживается тремя западными союзниками и партнерами по НАТО; 3) большинство населения также поддерживает внешнюю политику правительства. Речь идет о её демократической легитимности. Заслугой правительства В. Брандта, по В. Лайслеру Кипу, стало то, что оно приобрело дополнительную свободу действий: ФРГ – равноправный партнер в

² См. подробнее: Синдеев А.А. Историческое пространство в новое и новейшее время / А.А. Синдеев // Историческое пространство в новое и новейшее время: Тезисы докладов и выступлений на совместной секции кафедры новой и новейшей истории и кафедры регионоведения Тверского государственного университета. - Тверь, 2005. - С. 3-7.

³ Leisler Kiep W. Christlich-demokratische Perspektiven einer Außenpolitik der Bundesrepublik / W. Leisler Kiep // Sonde. - 1973. - No 2. - S. 40. Журнал «Sonde» - официальный орган ХДС, в котором публиковались статьи ведущих политиков партии, а также ученых, придерживающихся христианско-демократических ценностей. Журнал – своеобразная дискуссионная площадка.

переговорах с социалистическими и капиталистическими странами, страна заботится о продвижении политики разрядки. Таким образом, косвенно автор статьи констатировал связь между политикой К. Аденауэра и В. Брандта, так как оба канцлера заботились о равноправии немцев. Отличие – лишь в формах и уровнях оформления исторического пространства. «Нация проиграет, - пишет В. Лайслер Кип, - если она ищет своё будущее в прошлом. Мы живем во время *открытых* (курсив мой. – А.С.) международных отношений»⁴. Силой ХДС как партии остался ценностной системный уровень. Именно через системно-ценностный подход и можно решить временные проблемы: 1) обеспечить защиту человеческой жизни в промышленном обществе, 2) способствовать технологическому развитию западной цивилизации на пути к постиндустриальному обществу, 3) сохранить мир. «Из природы этих проблем следует, что их решение займет все 70-е годы»⁵.

Европейская политика Западной Германии в 70-е годы приобрела два самостоятельных, взаимодополняющих уровня: 1) западноевропейская интеграция, переживавшая тогда не лучшие свои времена⁶; 2) европейская политика разрядки, сердцевинной которой для ФРГ стала восточная политика. Поэтому понятно, почему в том же «Sonde» Т. Янзен⁷ рассматривал первый уровень европейской политики в качестве «политики порядка, нацеленной на оформление внутренних, социальных и экономических отношений Европы», то есть как на часть – пусть и специфическую – внутренней национальной политики. Т. Янзен полагал, что европейское самосознание «граждан и политиков» недостаточно сформировано. Национальные политики должны считаться с тем, что их внутренняя политика оказывает влияние на Сообщество в целом. В качестве мер по активизации европейской политики Т. Янзен предложил привлекать бундестаг к обсуждению и решению европолитических вопросов, выделить в партии комиссию по внешнеполитическим делам и комиссию по европейской политике (интеграции), развивать внутрипартийную субсидиарность, задействуя земельные организации ХДС. О состоянии европейской политики ХДС автор статьи заметил следующее: «партия находится в процессе рационализации»⁸. Фактически была предложена целая программа действий по изменению европейского направления внутрипартийной работы, современная и сегодня. Многие были осуществлены только в 80-е годы XX века. Часть христианских политиков понимало, что и как необходимо менять. Переменам помешали кризисные явления 70-х годов, перестройка экономических парадигм и так называемое преодоление голлизма, то есть логическое завершение закрепленного в договорах. Хотя некоторые программные изменения были предприняты.

В 1976 году было принято решение о проведении первых прямых выборов в Европарламент. Первоначально о такой возможности государства-участники интеграционного процесса условились в Договоре о Европейском экономическом сообществе. Выборы были намечены на июнь 1979 года. 1 июля 1979 года уходяв-

⁴ Ebenda. - S. 41.

⁵ Ebenda. - S. 43.

⁶ См. подробнее: Артемов В.А. Европейская интеграция: история и современность / В.А. Артемов. - Воронеж, 1999; Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского Сообщества до Европейского Союза / Д. Сиджански. - М., 1998.

⁷ Томас Янсен родился в 1939 году. Изучал политические науки, историю, социологию в Мюнхене и Бонне. С 1967 по 1969 год – научный ассистент в Институте политических наук в университете г. Майнц, с 1970 по 1971 год – ассистент координационного комитета «Европейская политика» фракции ХДС/ХСС в бундестаге, с 1971 года – личный референт Р. Барцеля.

⁸ Jansen T. Europapolitik als gesellschaftspolitische Konzeption der CDU / T. Jansen // Sonde. - 1973. - No 3-4. - S. 72 - 73.

ший с поста президента ФРГ В. Шеель так описал дух времени и важность политических решений, направленных на будущее, к которым, вне сомнения, относились и прямые выборы в Европарламент: «Люди чувствуют себя в большинстве своем в настоящем спокойнее, будущее предстает перед ними темным... Нашим желанием всё больше становится следующее: всё должно остаться так, как есть. Такова картина будущего, как нам её рисуют политики и средства массовой информации. Подобное представление о будущем, по сути дела, ничто иное, как продление, дописание современности...»⁹. В первом выпуске «Sonde» за 1979 год опубликованы 25 тезисов к выборам Европарламент, автором которых стал Х. Гайслер¹⁰. В них отмечалось, что ХДС имеет особые заслуги в деле европейской интеграции, для него Европа «больше, чем географическое понятие»¹¹. СДПГ в европейской политике ошибалась неоднократно. ХДС же «борется за Европу многообразия, свободы, солидарности и справедливости»¹². Европейская интеграция – успешный проект. Поэтому ХДС планировал не допустить очередные ошибки со стороны социал-демократов: усиление роли государства, бюрократизацию, ведущую к «еврокрапии». «Прямые выборы и усиление Европарламента – предпосылки дебюрократизации Сообщества»¹³.

Европейские выборы 1979 года способны, по Х. Гайслеру, усилить парламент, развить субсидиарность: «Европейское Сообщество должно быть открыто всем европейским государствам, имеющим свободный демократический строй. Мы поддерживаем заявление Греции, Испании и Португалии о вступлении в Сообщество, хотя это и принесет с собой экономические и социальные проблемы»¹⁴. Евросклероз, или так называемый застой в интеграции, связывается в тезисах с политикой. Новыми импульсами на пути ускорения могли бы стать разработка Конституции, Европейская федерация. Также особое внимание уделяется отношениям с Соединенными Штатами и выражается готовность оказывать помощь развивающимся странам. Сложность задач, стоящих перед Сообществом, потребовало проведение «общей экономической и социальной политики», механизмом которой для ХДС является концепция социального рыночного хозяйства. С её использованием, по мнению христианских политиков, возможно общеевропейское решение проблем безработицы, развитие Экономического и социального союза, расширение энергетической независимости и решение «нового социального вопроса», то есть решение проблем иностранных рабочих и их семей, находившихся в Сообществе. По примерным данным, около 10-12 млн гастарбайтеров проживало в Сообществе. И, наконец, «общее будущее, осуществление общественно-политических и экономико-политических целей требует... европейского мышления граждан...»¹⁵. Особую роль в этой связи должны были играть молодежная, семейная и женская политика. Тезисы построены на противопоставлении ХДС и СДПГ. Уроки, представленные в статье В. Лайслера Кипа, партия извлекла. К концу 70-х годов XX века был намечен основной круг тем и подходов к ним, которые сохранились и до настоящего времени. Следует заметить, что интеграция мыслилась тогда как сбалансирован-

⁹ Plenarprotokolle des Deutschen Bundestages: 8. Wahlperiode. Protokoll № 165. S. 13222 (C - D).

¹⁰ Geißler H. 25 Thesen für eine Politik der Freiheit und des persönlichen Glücks in Europa: Europawahl '79 – Weichenstellung für Europa / H. Geißler // Sonde. - 1979. - No 1. S. - 4-16.

¹¹ Ebenda. - S. 4.

¹² Ebenda. - S. 6.

¹³ Ebenda. - S. 7.

¹⁴ Ebenda. - S. 8.

¹⁵ Ebenda. - S. 15.

ный процесс, основанный на ценностях, потребностях экономического роста и политического развития. Сегодня доминирует рационализм. ХДС агитировал на выборах в Европарламент в рамках созданной в 1976 году Европейской народной партии, надпартийного объединения христианско-демократических партий.

Таким образом, христианские демократы ФРГ подготовились не только к выборам, которые выиграли¹⁶, но и смогли наметить рациональные перспективы и конкретные шаги собственной европейской политики в 80-е годы XX века. Уход ХДС в оппозицию в конце 60-х годов способствовал постепенному усилению внутри партии представления о том, что интеграция и её последствия – часть внутриполитической проблематики, и как следствие этого, появилась идея активизации политиков и граждан, сращивания интеграционного пространства. В массовый обиход вошло ключевое слово – «европейская идентичность».

Современность – конец XX – начало XXI века - подготовила новые проблемы и новые трудности. В некоторой степени интеграционная перспектива потеряна. Возникли сложности с Пактом стабильности и роста¹⁷. Немецкое и другие европейские правительства одобрили контроль за бизнесом в условиях глобализирующегося мира. Их цель, по мнению автора, не допустить неконтролируемого перевода «черных денег», с которых не были уплачены налоги. Национальное государство заботится не только о границах социального, но и о новых правилах для бизнеса. Европейский Союз, таким образом, развивается достаточно успешно, но он уже не един, так как круг перспективных вопросов и формат участников, обсуждающих их, различны. Его пределы на некоторое время достигнуты. Углубление интеграции будет возможно только в малых группах. Все предложения свидетельствуют именно об этом. Он потерял интеграционный метод, перспективу. Конституция с её противоречивостью также подтверждает этот тезис. Евросоюз пока не третья сила. И вопрос в значительной мере открыт, а сможет ли он ею стать. 20 июня 2003 года на встрече глав государств и правительств в Греции был одобрен проект будущей Конституции Евросоюза. Шестнадцатимесячная работа Конвента под руководством В. Жискара д'Эстена завершилась. Проект включал в себя следующие положения: 1) преамбула содержит перечисление основных ценностей Союза, базирующегося на культурной, религиозной и гуманистической традициях. Ссылка на христианство и Бога отсутствует. Хартия основных прав граждан становится частью Конституции; 2) Европейский совет в будущем должен возглавлять избирающийся на 2,5 года президент. Одновременно он не может быть председателем Еврокомиссии. Помощь президенту Совета оказывает министр иностранных дел, который является и заместителем председателя Комиссии; 3) относительно состава Комиссии согласован переходный период: до 2009 года каждая страна имеет право на одного представителя в ней, с ноября 2009 года её состав сокращается до 15 полноправных членов с последующей ротацией; 4) председателя Еврокомиссии избирает Европейский парламент по представлению Европейского совета; 5) национальные парламенты получают право обращаться с исками в Суд ЕС, если Союз вторгается в сферу их полномочий; 6) граждане Союза также получают право воз-

¹⁶ В 1979 году ХДС получил 39,1% голосов избирателей, ХСС – 10,1%, СДПГ – 40,8% .Явка избирателей составила 65,7%.

¹⁷ Здесь и далее см. подробнее фактический материал: Федеративная республика Германия: политика, экономика и культура: Информационно-аналитический бюллетень. - № 1 - 2. - 2002; 2003. - № 3. Виктор Александрович Артемов входил в редакционную коллегию бюллетеня и помогал автору советом и делом в становлении проекта. За это и многое другое ему низкий поклон и вечная память в анналах исторической науки.

действовать на Комиссию, принудить её к действию. Для этого нужно собрать 1 млн подписей, после чего Комиссия обязана внести законопроект, поддержанный гражданами ЕС; 7) расширяются права Европарламента при принятии решений. Принцип принятия решений большинством голосов должен укрепиться; 8) граждане получают двойное гражданство – национальное и Евросоюза; 9) вводится двойное большинство при голосовании: учитываются и состав членов Евросоюза (с расширением – 25), и то, что голосующие должны представлять не менее 60% населения; 10) допускается выход из Союза. Полностью довольных представленным проектом вряд ли можно найти. 1 мая 2004 года состоялось расширение ЕС за счет 10 стран, в первую очередь из бывшего советского лагеря. На июнь того же года были назначены выборы в Европарламент.

22 марта 2004 года президиум Христианско-демократического союза обнаружил «Европейский манифест ХДС». В чём состоят основные идеи документа и как они связаны с 25 тезисами 1979 года?

1) ХДС делает ставку на Европу граждан, в которой защищены немецкие интересы и внедрен упомянутый выше принцип subsidiarity, понимание которого можно выразить в следующей цитате из документа: «Наша цель – Европа, в которой нации сохраняют собственную идентичность и культурное многообразие, которая уважает внутригосударственное устройство, региональную ответственность и коммунальное самоуправление».

2) ЕС должен стать сильной организацией, создать условия для «предпринимательской инициативы, инноваций в науке и технике и эффективной образовательной системы». В этой связи отрицается унифицируемое сверху, бесконкурентное, например: введение единого страхового тарифа, запреты курения в ресторанах и кафе, запреты рекламы и т.д. ЕС – пространство для конкуренции, для поиска лучшего.

3) Внутренний рынок нуждается в «ясных и единых правилах по охране окружающей среды и защите прав потребителей». Речь при этом идет о том, чтобы излишнее желание защищать окружающую среду и потребителей не привело к неконкурентоспособности немецкого товаропроизводителя.

4) ЕС мыслится в «Европейском манифесте» как политический союз, под этим понимается выполнение Германией ряда обязательств: ответственность за соблюдение прав человека и основных демократических свобод, окончательное примирение с восточными соседями. Известно, что ХДС активно поддерживает организации изгнанных немцев. В этом документе отмечается, что «право на родину остается», то есть немцы могут рассчитывать на возвращение.

5) Социальное рыночное хозяйство как экономическая идея должна сохраниться, а Пакт стабильности и роста неуклонно соблюдаться.

6) Евросоюз, по мнению христианских политиков, не может расширяться постоянно, поэтому для Турции в частности предлагается «привилегированное партнерство»: «Расширение и углубление Европейского Союза должны находиться в балансе»¹⁸.

7) ХДС выступает за создание в рамках ЕС общей европейской пограничной службы, поста европейского прокурора по контролю за финансами. Относительно общей внешней политики следует отметить следующее: ХДС за европейскую армию, европейскую поддержку НАТО. При этом «ЕС должен стать актором миро-

¹⁸ Europa-Manifest der CDU: Beschluss des Bundesvorstands der Christlich-Demokratischen Union Deutschlands. Berlin, 22. März 2004. 12 S.

вой политики». Новизна в документе заключена лишь в том, что христианские демократы предлагают пока неясное соотношение между социальной сферой и экономикой, сохранением достигнутого уровня социальных услуг и беспрепятственным конкурентным развитием рыночной экономики в её глобализирующемся варианте.

Внешняя политика, безопасность, сотрудничество национальных правоохранительных органов – вторая и третья опоры Маастрихтского договора, вступившего в силу в 1993 году. Исходя из этого, в «Европейском манифесте» 2004 года развиваются старые программные идеи, в том числе и 25 тезисов, для ХДС же главное – это поиск новых разработок. Ситуация в этой связи несколько парадоксальна: прежнее время нахождения в оппозиции способствовало оживлению европейской политики партии, а современное положение дел фиксирует уже известное. Насколько плодотворна эта ситуация и в чём причины подобного развития событий? Автор не спешил бы драматизировать ситуацию, так как и у социал-демократов дела обстоят не лучшим образом. Программная дискуссия по внутренней политике ФРГ ведется активно в обеих крупнейших партиях, единого понимания внутреннего пути развития пока нет¹⁹. Следует отметить, что европейская политика всё ещё выполняет поддерживающие национальную политику функции. Именно в этом состоит особый характер внутренней европейской политики (см. выше рассуждения Т. Янзена). Следовательно, пока в национальной политике не будет выработан некий консенсус продвижение в европейской интеграции не будет наблюдаться.

Итак, что же представляет собой европейская политика ХДС от подготовки первых прямых выборов в Европарламент до выборов 2004 года? Речь может идти об апробации выработанных в конце 60 – 70-х годах XX века программных идей. Перспективен, с точки зрения автора, поиск баланса между национальными и наднациональными властными уровнями. Европейская конституция этого пока не достигла. Программный поиск и практическая работа в ХДС продолжаются²⁰.

В. В. Руссков

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАТО В ПОЛИТИКЕ Г. ШРЕДЕРА (1998-2004 ГГ.)

После окончания «холодной войны» Организация Североатлантического договора столкнулась с необходимостью определения своего места в системе обеспечения европейской и международной безопасности. Будущее НАТО во многом зависит от Германии, крупнейшей экономической державы Европы, одного из лидеров ЕС.

В сентябре 1998 г. после победы на выборах в Бундестаг коалиции СДПГ-Союз90/Зеленые к власти в Германии пришло правительство Г. Шредера. Смена правительства совпала с постепенным смещением внешнеполитических приоритетов страны в пользу Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО). Это смещение приоритетов нашло свое отражение в тезисах доклада рабочей группы СДПГ «Мир через общую безопасность», обнародованного в 2004 году в рамках

¹⁹ Синдеев А.А. Поиск европейского пути в период глобализации: На примере программных изменений в ХДС / А.А. Синдеев // Тенденции интеграционного взаимодействия и устойчивого развития в историческом процессе (конец XIX– XX век). - Тверь, 2004. - С. 93-124.

²⁰ В 2004 году ХДС получил 36,5% голосов избирателей, ХСС – 8,0, СДПГ – 21,5%. Явка избирателей составила 43,0%.

дискуссии о выработке новой программы партии¹. Несколько ранее идея приоритетности политики Германии в ЕС в плане обеспечения национальной безопасности нашла свое отражение в новой программе партии «зеленых» - «Будущее будет зеленым», принятой в марте 2002 года².

Вместе с тем, все ведущие политические силы ФРГ (кроме Партии демократического социализма, выступающей за роспуск НАТО) признают важную роль НАТО в вопросах обеспечения безопасности Германии и Европы. В Директивах оборонной политики ФРГ, принятых 21 мая 2003 года, содержится заявление, что «НАТО остается и в начале 21 века гарантом безопасности в Европе»³.

Приверженность ФРГ атлантическому партнерству объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, следует учитывать исторический фактор. Членство в НАТО в значительной степени обеспечило интеграцию ФРГ в западное сообщество. Как отмечают в своей монографии «Звездный час дипломатии» американские исследователи Ф. Зеликов и К. Райс, работавшие в 1989-1990 гг. в Совете национальной безопасности США, именно членство ФРГ в НАТО обеспечило в 1990 г. поддержку объединению Германии со стороны США, Великобритании и Франции⁴.

Во-вторых, необходимо отметить военно-политический фактор. «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанный в сентябре 1990 г. в Москве представителями СССР, США, ФРГ, ГДР, Великобритании и Франции, наложил на Германию запрет на обладание оружием массового поражения. Германия отстает от Великобритании и Франции по всем ключевым показателям обороноспособности. Так, доля военных расходов в ВВП Германии сократилась за период с начала 1990-х годов до 2002 года с 2,1% до 1,5%. Военные расходы в расчете на душу населения сократились за 1990-е годы на 15%⁵. Бюджетный прогноз Министерства финансов ФРГ на 2004-2007 гг. дает основания полагать, что в связи со сложной экономической ситуацией, заключающейся в кризисе социальной системы, стагнации и бюджетном дефиците, в ближайшие годы увеличения расходов на оборону не произойдет⁶. В этих условиях значительно возрастает значение НАТО и ядерных гарантий со стороны США для обеспечения безопасности Германии⁷.

В качестве третьего фактора можно выделить экономическую взаимозависимость стран евро-атлантического региона. В 2003 г. 58% внешнеторгового оборота Германии приходилось на европейские страны-члены НАТО, 8,4% - на США. В то

¹ Frieden in gemeinsamer Sicherheit. Impulse für das neue Grundsatzprogramm der SPD // www.programmdebatte.spd.de/servlet/PB/show/1045892/010305_WBHM_Impulspapier%20Frieden.pdf, 12.03.2005.

² Die Zukunft ist grün. Grundsatzprogramm von Bündnis90/Die Grünen // www.gruene-partei.de/cms/gruene_work/rubrik/0/128.grundsatz_programm.htm, 12.03.2005.

³ Verteidigungspolitische Richtlinien 2003 // www.bmvg.de/sicherheit/vpr.php 1.11.2003.

⁴ Zelikow Ph., Rice C. Sternstunde der Diplomatie. Die deutsche Einheit und das Ende der Spaltung Europas / Ph. Zelikow, C. Rice. - München, 2001. - 632 S.

⁵ Defence expenditures of NATO countries // www.nato.int/docu/pr/2002/p02_139e.htm 18.04.2004.

⁶ Bundeshaushalt 2000-2005 // www.bundesfinanzministerium.de/Anlage27736/Bundeshaushalt_2005_Tabellen_und_Uebersichten_November_2004.pdf, 29.01.2005.

⁷ Техническое оснащение Бундесвера, по оценке Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, сделанной в июле 2004 г., не соответствует требованиям ведения современной войны, а его мобильность снижается из-за отсутствия достаточного количества грузовых самолетов: Military trends in Germany: strengths and weaknesses. Center for Strategic and International Studies // www.csis.org/burke/trends_germany.pdf 6.05.2005.

же время бóльшая часть германских прямых иностранных инвестиций (37,9%) к 2000 году приходилась на США⁸.

Правительство Г. Шредера оказало активную поддержку процессу расширения НАТО и приняло активное участие в разработке новой стратегической концепции Североатлантического блока, которая была принята в конце апреля 1999 г. на юбилейном саммите в Вашингтоне. Этот документ определяет основными целями Союза обеспечение политическими и военными средствами интересов безопасности стран-членов, развитие всестороннего партнерства в евро-атлантическом регионе, антикризисное регулирование. Стратегическая концепция предусматривает возможность военных акций НАТО вне сферы деятельности Североатлантического договора⁹. На этом же саммите состоялось официальное принятие в НАТО Польши, Чехии и Венгрии. В 2004 году в НАТО вступили Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, Латвия и Литва.

На пленарном заседании Бундестага 22 апреля 1999 г. все ведущие политические партии (Социал-демократическая партия Германии, Христианско-демократический союз, Союз90/Зеленые, Свободная демократическая партия) поддержали новую Стратегическую концепцию НАТО. Министр обороны Р. Шарпинг (СДПГ) отметил, что расширение целей НАТО и особый упор на необходимость участия блока в предотвращении и урегулировании региональных конфликтов были закреплены в Стратегической концепции по инициативе Германии¹⁰. В 1999 году впервые в истории ФРГ вооруженные подразделения Бундесвера приняли участие в военной операции НАТО против Югославии.

Вместе с тем в период подготовки новой концепции НАТО обнаружились серьезные расхождения в позициях ФРГ, США и Великобритании по вопросу применения ядерного оружия. В соответствии с принципами Берлинской программы СДПГ от 20 декабря 1989 года, правительство Г. Шредера активно выступало за закрепление в Стратегической концепции цели разоружения и отказа НАТО от применения ядерного оружия первой¹¹. 24 марта 1999 года Бундестаг призвал Федеральное правительство высказаться за сокращение роли ядерного оружия в стратегии НАТО¹². Однако отказ от превентивного применения ядерного оружия не был закреплен в Стратегической концепции.

Как было уже отмечено, Германия являлась не только сторонницей трансформации альянса, но и была одним из инициаторов расширения НАТО. В ходе обсуждений в Бундестаге 22 апреля 1999 года и 5 июня 2003 года за принятие новых стран-членов высказались все ведущие политические партии Германии¹³. Вме-

⁸ Rangfolge der Handelspartner der BRD // www.destatis.de/download/d/aush/rang2.pdf 19.08.2004; Кузнецов А. Германский капитал за рубежом / А. Кузнецов // МЭиМО. - 2003. - №10, - С.37.

⁹ Das Strategische Konzept des Bündnisses vom 24.04.1999 // www.nato.int/germany/docu/p99-065d.htm 3.11.2003.

¹⁰ Plenarprotokoll 14/35 des Deutschen Bundestages vom 22. April 1999 // www.bundestag.de/bic/plenarprotokolle/pp/1999/index.htm 7.05.2005. Единственной политической партией, выступившей против новой стратегии НАТО, была возникнувшая на основе СЕПГ Партия демократического социализма. Однако Федеральный Конституционный суд отклонил своим решением от 22 ноября 2001 г. запрос ПДС о необходимости ратификации Бундестагом Стратегической концепции НАТО: Urteil des zweiten Senats des Bundesverfassungsgerichts vom 22.11.2001 // www.bverfg.de, 7.05.2005.

¹¹ Grundsatzprogramm von der SPD 1989 // www.spd.de/servlet/PB/show/1010243/programmdebatte_grundsatzprogramm.pdf 10.03.2005.

¹² Drucksache 14/599 vom 24.03.1999. Deutscher Bundestag // www.dip.bundestag.de/btd/14/005/1400599.asc 7.05.2005.

¹³ Plenarprotokoll 14/35 des Deutschen Bundestages vom 22. April 1999 // www.bundestag.de/bic/plenarprotokolle/pp/1999/index.htm 7.05.2005.

сте с тем в выступлениях депутатов были высказаны и отдельные критические замечания. Так, Ф. Рюэ (ХДС) расценил позиции новых членов НАТО как «потребительские» и призвал их активнее интегрироваться в западноевропейскую кооперацию в области производства вооружений¹⁴. В целом, по мнению германских политиков, расширение НАТО должно быть теснее увязано с расширением ЕС в целях создания зоны мира, стабильности и демократии в Центральной и Восточной Европе. Тем самым должны быть обеспечены благоприятные условия для германских инвестиций в странах ЦВЕ.

Возрастание угрозы международного терроризма было обсуждено на саммите НАТО в Праге в ноябре 2002 года. На саммите были приняты Концепция обороны от терроризма и План действий против терроризма. Оба документа носят рамочный характер и предусматривают широкое взаимодействие по борьбе с терроризмом, которое заключается в обмене информацией, военной помощи, контролем над границами и вооружениями, контролем воздушного пространства и т.д.¹⁵. В заключительном коммюнике Пражского саммита была поставлена задача создать силы быстрого реагирования. Их формирование было начато в 2003 году¹⁶. Кроме того, в Праге страны-участницы НАТО решили упростить командную структуру альянса¹⁷.

Как известно, Германия с середины 1990-х годов прилагала усилия по адаптации стратегии национальной безопасности и вооруженных сил к новым угрозам, к которым, прежде всего, относятся региональные конфликты в Европе и терроризм. Активное сотрудничество страны в НАТО соответствовало взятому правительством Г. Шредера курсу на повышение политической роли Германии в мире. Новые Директивы оборонной политики ФРГ, принятые 21 мая 2003 году, определили, что германские вооруженные силы должны быть в постоянной готовности к активному участию в международных миротворческих и контртеррористических операциях. При этом действия Бундесвера допускаются только в рамках международных союзов (ООН, НАТО, ЕС или ОБСЕ) и с согласия Бундестага¹⁸. В целях адаптации к новым условиям в 2000 г. была начата реформа Бундесвера, которая должна закончиться к 2006 году. Суть реформы сводится к сокращению численности вооруженных сил с 320.000 чел. (1999 г.) до 285.000 человек (2006 год) – из них 150.000 военнослужащих должны составить контингент сил быстрого реагирования¹⁹.

Об активизации миротворческой деятельности германских вооруженных сил свидетельствует тот факт, что к концу 2004 года 3.800 военнослужащих из Германии входили в состав сил по поддержанию мира в Косово, Боснии и Герцеговине и Македонии²⁰. ФРГ с 2002 года принимает участие в двух антитеррористических

¹⁴ Plenarprotokoll 15/48 des Deutschen Bundestages vom 5. Juni 2003 // www.bundestag.de/bic/plenarprotokolle/pp/2003/index.htm 6.05.2005.

¹⁵ NATO's military concept for defence against terrorism // www.nato.int/ims/docu/terrorism.htm Partnership Action Plan against terrorism// www.nato.int/docu/basicxt/b021122e.htm, 7.05.2005.

¹⁶ До 2006 г. силы быстрого реагирования должны насчитывать 21.000 военнослужащих (к октябрю 2004 г. сформированы подразделения из 17.000 военнослужащих): The NATO Response Force // www.nato.int/issues/nrf/index.html 7.05.2005.

¹⁷ Prague Summit Declaration of the North Atlantic Council on 21.11.2002. // www.nato.int/docu/0211prague/speeches-e.pdf 6.05.2005.

¹⁸ Verteidigungspolitische Richtlinien 2003 // www.bmvg.de/sicherheit/vpr.php 1.11.2003.

¹⁹ Derzeitige Reformplanungen für die Streitkräfte // www.bundeswehr.de/forces/030902_reform_streitkraefte.php 28.10.2003.

²⁰ Friedenserhaltende Einsätze der NATO auf dem Balkan. Ständige Vertretung der BRD bei der Nordatlantikpakt-Organisation // www.nato.int/germany/operationen.html 7.05.2005.

операциях НАТО: по выявлению торговых путей террористических сетей в районе Африканского рога и в Афганистане.

Однако совершенно очевидно, что действия НАТО пока неадекватны тому серьезному вызову, который брошен мировому сообществу международным терроризмом. После террористических актов в США 11 сентября 2001 года вопреки заявлениям европейских стран-членов НАТО о готовности оказать помощь США в соответствии со ст. 5 Североатлантического договора, НАТО оказалась фактически невостребованной для борьбы с терроризмом. США не воспользовались механизмами НАТО из-за сложной процедуры согласования решений и военно-технологического отставания европейских стран. Германия полностью поддержала действия США в Афганистане. Но разногласия по Ираку привели к крупному кризису НАТО. Разногласия достигли апогея, когда Германия, Франция и Бельгия в середине февраля 2003 года заявили об отказе защищать Турцию от нападения в соответствии с ст. 5 Североатлантического Договора в случае ее вступления в войну с Ираком²¹.

Позиция правительства Г. Шредера объяснялась, прежде всего, внутривнутриполитической ситуацией, связанной с выборами в Бундестаг. Однако были и более глубокие причины для разногласий между США и Германией. Иракский кризис обнажил серьезные различия в понимании пределов применения силы в международной политике. «Красно-зеленое» правительства Г. Шредера считает применение силы возможным только в качестве крайнего средства в рамках международного права, в то время как администрация Д. Буша допускает применение силы Соединенными Штатами по собственному усмотрению. Германская позиция в ходе иракского кризиса свидетельствовала о притязании ФРГ на самостоятельный, отличный от американского подход к решению проблем безопасности.

При этом нужно учитывать, что в самой Германии оппозиция в лице Христианско-демократического союза осудила позицию правительства Г. Шредера по вопросу об Ираке. В докладе рабочей группы по внешней политике фракции ХДС/ХСС в Бундестаге «Смещение внешнеполитической системы координат» от 6 сентября 2004 г. христианские демократы прямо обвинили правительство Г. Шредера в расколе НАТО и ЕС по вопросу об Ираке, что, по их мнению, нанесло вред национальным интересам Германии²².

В связи с иракским кризисом в кругах аналитиков развернулась дискуссия, в ходе которой обсуждались тезисы о «конце» НАТО и нарастании противоречий между Западной Европой и США. Американский исследователь Р. Кейган в своей имевшей большой резонанс статье «Сила и слабость» предположил, что трансатлантический раскол по вопросу применения силы будет только углубляться со временем²³.

Директор Московского Центра исследований постиндустриального общества В. Л. Иноземцев также оценил противоречия между США и ЕС как «глубокие и принципиальные» и высказал сомнение, что они будут преодолены в обозримом

²¹ Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991-2004. Модернизация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности / М.А. Троицкий. - Москва, 2004.

²² Verschiebung des außenpolitischen Koordinatensystems. Ergebnis der Klausurtagung der AG Außenpolitik der CDU/CSU-Bundestagsfraktion am 6. September 2004 in Münster // www.cducusu.de/upload/aussen040915.pdf 12.03.2005.

²³ Кейган Р. Сила и слабость / Р. Кейган // Pro et Contra. - Т. 7. - № 4. - 2002. - С. 127-157.

будущем²⁴. Германские исследователи достаточно критично оценивают политику администрации Д. Буша. Х. Хафтендорф высказалась о конце «старой» НАТО, назвав НАТО одной из главных жертв террористических актов 11 сентября 2001 года²⁵. В свою очередь директор Центра трансатлантической внешней политики и политики безопасности Свободного университета Берлина Т. Риссе в своем эссе «Кризис трансатлантического сообщества безопасности» выступил за реформирование НАТО на основе либеральных ценностей и приверженности международному праву²⁶.

Однако дальнейшее развитие трансатлантических отношений показало, что иракский кризис способствовал активизации процессов «разделения труда» между США и Западной Европой в области обеспечения международной безопасности: США несут основное бремя по проведению военных операций, страны Западной Европы используют свой потенциал для экономической помощи и восстановления кризисных регионов. Правительство Г. Шредера активизировало политику Германии по укреплению инструментов безопасности ЕС именно потому, что Евросоюз обладает более широкими возможностями по обеспечению «мягкой» безопасности в Европе и мире через содействие социально-экономическому развитию, предотвращению конфликтов, укреплению экологической безопасности и т. д. Эффективность НАТО в обеспечении «мягкой» безопасности по-прежнему остается низкой.

Вместе с тем, развитие Общей политики безопасности и обороны ЕС должно усилить европейскую оборонную идентичность в рамках НАТО, повысив таким образом влияние западноевропейских стран на формирование политики Североатлантического союза. С 1998 по 2004 гг. при активном участии Федеративной Республики произошло институциональное оформление ОПБО ЕС, принята стратегия безопасности ЕС, началось формирование европейских сил быстрого реагирования. После фактического раскола ЕС по вопросу поддержки действий США в Ираке в 2002 г. Германия в совместном заявлении с Францией, Бельгией и Люксембургом в апреле 2004 г. закрепила возможность развития интеграционных процессов в области безопасности и обороны для отдельных стран-членов ЕС²⁷.

При параллельности процессов трансформации НАТО и развития ОПБО ЕС возникают проблемы совместимости этих двух процессов и избежания создания дублирующих структур и дополнительных расходов. Особенно это важно для Германии с ее ограниченным оборонным бюджетом. В 1996 г. на саммите в Берлине было достигнуто соглашение о возможности использования военного потенциала НАТО при проведении операций Западно-Европейского Союза, структура которого в настоящее время интегрируется в ЕС. Этот принцип сотрудничества был закреплён в совместной декларации ЕС и НАТО по вопросам ОПБО от 16 декабря 2002 г., которая провозгласила стратегическое партнерство НАТО и ЕС в области безопасности и гарантировала ЕС доступ к потенциалу военного планирования НАТО²⁸.

²⁴ Иноземцев В.Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники? / В.Л. Иноземцев // США и Канада. - 2002. - №10. - С. 72.

²⁵ Haftendorn H. Das Ende der alten NATO / H.Haftendorn // Internationale Politik. - 2002. - No.4. - S. 49.

²⁶ Risse T. Beyond Iraq: the crisis of the transatlantic security community / T. Risse // www.fu-berlin.de/atasp 24.06.2003.

²⁷ Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs, Luxemburgs und Belgiens zur Europäischen Sicherheits- und Verteidigungspolitik am 29. April 2003 // www.auswaertiges-amt.de/www/de/ausgabe_archiv?archiv_id=4385 31.05.2004. Особенно болезненно лидеры ФРГ восприняли безоговорочную поддержку США странами ЦВЕ.

²⁸ EU-NATO Declaration on ESDP // www.nato.int/docu/pr/2002/p02-142e.htm 23.05.2004.

Подводя итоги анализу политики правительства Германии по отношению к трансформации НАТО в 1998-2004 гг., можно прийти к выводу, что ни одна серьезная политическая сила ФРГ не ставила членство страны в НАТО под сомнение. На современном этапе военные гарантии Германии со стороны НАТО не потеряли свою актуальность. Атлантическое партнерство продолжает входить в число важных приоритетов политики безопасности ФРГ. Правительство Г. Шредера поддержало основные стратегические направления трансформации НАТО: развитие сотрудничества со странами Восточной Европы и принятие в блок новых стран-членов, переход к проведению военных операций по обеспечению безопасности вне границ НАТО, развитие сотрудничества в борьбе с терроризмом. Чтобы соответствовать своим союзническим обязательствам, Германия внесла изменения в национальную стратегию безопасности, впервые в истории ФРГ провозгласив участие в заграничных операциях приоритетной задачей Бундесвера.

Вместе с тем, в период с 1998 г. по 2002 г. возникли кризисные явления в атлантических отношениях. Диктату силы и односторонним действиям США противопоставляется приверженность Германии многосторонним действиям в рамках международных организаций, принципу преимущественного использования мирных средств урегулирования конфликтов и упор на инструменты обеспечения «мягкой безопасности». Эти разногласия в определенной степени снижают эффективность НАТО в решении важнейших проблем европейской и международной безопасности.

Германия в последние годы прилагает все бóльшие усилия для развития ОП-БО ЕС с целью обеспечения способности ЕС к самостоятельным акциям, вплоть до военных операций. При этом ФРГ выступает не за конкуренцию ЕС и НАТО в области безопасности, а за тесное сотрудничество и взаимозаменяемость, хотя совершенно очевидно, что Германия не исключает возможность в будущем использовать инструменты безопасности ЕС для осуществления независимой от США политики.

О.В. Дзяд, С.П. Касьянов

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕРМАНИИ И УКРАИНЫ*.

Одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики Украины является интеграция в экономические и политические структуры ЕС. Европейский выбор открывает новые перспективы сотрудничества с развитыми странами континента, обеспечивает дополнительный источник экономического развития, укрепляет позиции на политической арене в системе международных отношений. При наличии необходимых соглашений, принятых программ - исследования сотрудничества сосредотачиваются только на отдельных общих институциональных аспектах европейской интеграции. Значительный вклад в разработку теоретических положений сотрудничества во внешнеэкономической сфере между Украиной и

* Редакторы благодарят за разрешение на перевод и издание стататты Авторов и журнал «Вісник Дніпропетровського університету. Світова економіка і міжнародні відносини». Дзяд О.В., Касьянов С.П. Перспективи зовнішньоекономічного співробітництва України й Німеччини / О.В. Дзяд, С.П. Касьянов // Вісник Дніпропетровського університету. Світова економіка і міжнародні відносини. - Вип.. 2. - 2003. - С. 12 - 19. Перевод с украинского М.В. Кирчанова.

Германией внесли И. Бураковський, Б. Губський¹, В. Будкин², В. Сиденко³. Этапы развития политики ЕС в отношении новых членов исследовали И. Шинкаренко и В. Копійка⁴. Валютно-финансовые аспекты интеграции в центре внимания О. Кузнецова, О. Шниркова, С. Купинського⁵. При значительном изучении этой проблематики теоретические и практические вопросы сотрудничества между субъектами внешнеэкономической деятельности отдельных стран носят крайне ограниченный и выборочный характер. История развития отношений и периодизация украино-немецких контактов была предложена В. Солошенко, а политические и экономические вопросы исследованы в работах А. Кудряченко, Б. Зака, Р. Кривоноса, И. Овсия и других⁶.

Исходя из намерений Украины приблизиться по уровню развития до европейских стран, стать полноправным членом Европейского Союза, сотрудничество в торговой, инвестиционной, научно-технической и прочих сферах может принести позитивные результаты. Тесные и долговременные контакты с немецкими партнерами – это возможность не только сотрудничать не только с лидером ЕС, а с третьей по объему рынка страной мира. Из расчета паритета покупательной способности в 2002 году на долю Германии приходилось 4 % мирового производства и 9.1 % всего объема всемирной торговли товарами и услугами. Реализация общих проектов с немецкими партнерами позволяет не только рассчитывать Украине на поддержку политических и экономических реформ, и выделить конкретные задачи, разработать комплекс мер для ускорения реформирования промышленного, аграрного секторов и сферы услуг. Совместная работа позволит подтвердить твердые намерения украинского правительства и его реальную заинтересованность в двустороннем сотрудничестве, серьезность и способность украинской стороны не только ставить, а и решать конкретные задачи сближения Украины и ЕС.

Германия одна из первых признала независимость Украины и установила с ней дипломатические отношения. С начала 1992 года правительствами Германии и Украины было подписано около сорока правовых и нормативных соглашений, направленных на развитие сотрудничества. Среди основных – Общая декларация про основы отношений между Украиной и ФРГ, двусторонний договор про развитие широкомасштабного сотрудничества в сфере экономики, промышленности, науки и техники. С мая 1998 года начаты двусторонние политические консультации между президентами ФРГ и Украины, проходят межправительственные политические консультации. Германия поддержала Украину в ее намерениях интегрироваться в ЕС и в 1999 году содействовала разработке общей стратегии ЕС в отношении Украины. Несмотря на ускоренное формирование правовой базы сотрудничества между странами, в 1990-е годы уровень торговли, инвестиций и финансовых опера-

¹ Губський Б. Європейський вектор інтеграційної політики України / Б. Губський // Економіка України. - 2003. - № 5. - С. 19 - 27.

² Будкін В. Проблеми та перспективи співробітництва між Європейським Союзом та Україною / В. Будкін // Економіка України. - 2000. - № 9. - С. 82 - 90.

³ Сіденко В. Структурні аспекти інтеграції української економіки в економічний простір ЄС / В. Сіденко // Співпраця ЄС і України. - 2003. - № 3. - С. 10 - 20.

⁴ Копійка В., Шинкаренко Т. Європейський Союз: заснування та етапи становлення / В. Копійка, Т. Шинкаренко. - Київ, 2001.

⁵ Шнирков О. та ін. Європейський валютний союз / О. Шнирков та ін. - Київ, 2001.

⁶ Солошенко В. Україна – Німеччина / В. Солошенко // Вісник КНУ. Історія. - 2001. - Вип. 52. - С. 69 - 73; Зак Б., Кудряченко А. Україно-німецькі відносини / Б. Зак, А. Кудряченко // Персонал. - 2001. - № 10. - С. 14 - 17; Кривонос Р., Овсій І. Україно-німецькі відносини у 90-х роках ХХ століття / Р. Кривонос, І. Овсій // Людина і політика. - 1999. - № 4.

ций был ограниченным. Среди причин этого называли: ориентацию правящих кругов Германии на М. Горбачева, неопределенность ориентиров внешней политики, складывание украинской государственности и ее отождествление с Россией, непоследовательность внешнеполитического процесса, информационная изолированность Украины⁷.

Для Украины Германия остается основным торговым партнером. На эту страну приходится 7 % украинского внешнеполитического оборота. Как свидетельствуют расчеты на 2002 год, Германия занимала четвертое место в экспорте товаров и услуг, третье в импорте товаров. В отличие от Германии, украинские партнеры не рассматривали эти рынки как стратегические. На долю Украины приходилось лишь 0.25 % внешнеэкономического оборота Германии. Украина занимала в германской статистике 52 место по объему экспорта и 42 по объему импорта. По данным Государственного комитета Украины по статистике объемы торговли между ФРГ и Украиной к концу 1990-х годов возросли. Как свидетельствуют статистические данные внешнеторговый оборот товарами в 2002 году составлял 2.4 миллиона долларов, то есть за последние десять лет увеличился вдвое, а внешнеторговый оборот услугами составил только 6.4 % внешней торговли между государствами.

Расчеты темпов роста экспорта и импорта свидетельствуют о неравномерности темпов роста объемов экспортно-импортных операций при хронически отрицательном сальдо внешней торговли. Коэффициент покрытия импорта – экспорта неуклонно сокращался с 0.66 в 1992 году до 0.5 в 2002 году. Рост конкуренции на рынках европейских стран, отрицательное соотношение между ценой и качеством украинской продукции, непоследовательность экономической политике в Украине, наличие ограничений в торговле текстильной продукцией до 2000 года и квотирование экспортных поставок металлопродукции с высокой долей добавленной стоимости, финансовый кризис 1998 года и колебания курса евро негативно влияли на объемы экспорта Украины в Германию. Негативное сальдо внешней торговли Украины и Германии просматривается в основном в торговле товарами, а позитивное сальдо баланса услуг в 2002 году составило 49.8 миллионов долларов.

Хронический дефицит сальдо внешней торговли товарами объясняется так же деформированной структурой спроса. Расчеты, проведенные по данным платежного баланса Украины, показывают, что в поставках Украины на рынок Германии преобладают сырьевые товарные группы. В 2002 году на трикотаж приходилось 27 %, одежду – 3 %, обувь и аналогичные изделия – 2 %, черные и цветные металлы – 16 и 6 % соответственно, котлы, машины, аппараты и механические устройства, запчасти для них – 9 %, электрооборудование – 2 % от украинского экспорта. Ориентация на поставки товаров низкой степени обработанности потенциально ограничивает прибыль от экспорта продукции, превращает общие объемы валютных вложений зависимыми от колебания мировых цен на сырье и не стимулирует структурные изменения в экономике Украины.

Структура импорта Германии носит более прогрессивный характер. На долю товарной группы (котлы, машины и аппараты) приходится 25 % товарного импорта, автомобили, тягачи и транспортные средства занимают 11 %, электротехника и оборудование, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура – 9 %. Сопоставление структуры торговли свидетельствует о преимущественно межотраслевом обмене, что характерно для стран с низким уровнем развития экономики.

⁷ Кривонос Р., Овсій І. Україно-німецькі відносини у 90-х роках ХХ століття / Р. Кривонос, І. Овсій // Людина і політика. - 1999. - № 4.

Межотраслевая торговля базируется преимущественно на очевидных относительных преимуществах и не выступает дополнительным внешним фактором повышения конкурентоспособности продукции украинских производителей. Поставки сырьевых товаров только «дополняют» товарообмен и при сокращении числа барьеров в торговле могут негативно повлиять на прибыли украинских компаний и их положение на рынках.

Схемы сотрудничества между немецкими и украинскими производителями носят преимущественно упрощенный характер. Объемы поставок из Германии на условия дальнейшей обработки поставленного продолжают оставаться значительными и в 2002 году составляли около 186.7 миллионов долларов, в то время как готовой экспортной продукции было поставлено на сумму в 296.3 миллиона. Схемы подобной работы используются и в производстве комплектующих для автомобилестроения, производства электронной техники, в легкой промышленности. В общем, они негативно влияют на украинскую экономику, поскольку немецкие партнеры оплачивают только расходы, затраченные на рабочую силу, затрудняя развитие рыночных условий хозяйствования среди производителей.

Преодоление деформированной товарной структуры экспорта и импорта лишь частично содействует реализации инвестиционных проектов. Объемы прямых иностранных инвестиций остаются ограниченными. На начало сентября 2001 года в Украине действовало 928 предприятий с немецким капиталом, в том числе – и 597 совместных, но только 260 (28 %) производили продукцию конечного потребления. В 2002 году инвестиции из Германии составили 312.1 миллионов долларов или 5.8 % общего объема инвестиций в экономику Украины. В пищевую промышленность и переработку сельскохозяйственной продукции было направлено 17.7 %, торговлю и производство минеральных удобрений соответственно 12 и 14 % инвестиций. После подписания соглашения про партнерство и сотрудничество между Украиной и ЕС в реализации многочисленных проектов были заинтересованы известные немецкие компании: «Daimler Chrysler», «Siemens AG», «KWS Kleinwanzlebener Saatzucht AG», «Worwerkstechnik GmbH», «Ed. Zublin AG», «Class KgaA», финансовые учреждения - «Deutsche Bank», «Commerzbank», «Drezdner Bank» и другие.

Среди крупнейших проектов немецкая сторона планировала финансировать и частично профинансировала реконструкцию взлетно-посадочной полосы аэропорта «Борисполь» (на 195 миллионов немецких марок), поставку оборудования для метрополитена (110 миллионов марок), обеспечение украинского воздушного флота самолетами «Аэробус А 320» (оценивается примерно в 300 – 400 миллионов немецких марок), реконструкция двух Змеевской и Бурштынской ТЭС (170 – 175 миллионов марок), строительство локомотивов на Днепропетровском электровозоремонтном заводе (первый этап проекта оценивался в 5 миллионов евро) и т.д. Основная причина низкой инвестиционной активности немецких предприятий в Украине – риски, связанные с проектами. Среди препятствий, мешавших росту инвестиций, следует указать на нестабильность и неоднозначность понимания украинского законодательства, низкий уровень защищенности зарубежных акционерных компаний, проблемы обеспечения верховенства права, коррупция, слабость банковской системы, вето немецкого правительства на предоставление страховых гарантий, затягивание сроков разработки и внедрения политики тотального управления качеством продукции и разработки механизмов соответствия качества производства между различными странами.

Правовой базой украино-немецких отношений в сфере науки, техники и образования были «Общая декларация Федерального министерства исследований и технологий ФРГ и Государственного комитета Украины по вопросам науки и технологий о научно-техническом сотрудничестве», межгосударственное соглашение «Об общих интересах в связи с ядерно-технической безопасностью и радиационной защитой», соглашение «О культурном сотрудничестве». Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество в сфере физики, химии, медицины, энергосбережения, истории и других гуманитарных наук. Результаты исследований Украинского центра экономических и политических исследований им. О. Разумкова свидетельствуют о том, что Украина не использует условий для формирования высокотехнологического типа конкурентоспособности⁸. Количество поданных на регистрацию патентных заявок из расчета на сто тысяч жителей показатели Германии почти в десять раз среди резидентов и в два раза среди нерезидентов превышали аналогичные показатели в Украине. Выплаты за использование технологий в Украине оставили 1339.4 тысяч долларов, а в Германии – 6635. 0 тысяч долларов.

По результатам проведенного анализа одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики Украины в отношении Германии может стать в первую очередь улучшение условий торговли между странами. Несмотря на сложности в отношениях, Германия на сегодняшний день будет оставаться наибольшим стратегическим партнером Украины в Европе. Дальнейшее развитие отношений с немецкими партнерами будет иметь для Украины позитивные последствия, свидетельствовать о реальном приближении Украины к ЕС. Основной формой экономических отношений между странами будет оставаться внешняя торговля. Используя количественные модели анализа данных, установлено, что при максимальной вероятности прогноза объемы экспорта будут меняться в полиномиальной зависимости. Результаты расчетов прогнозных показателей внешней торговли показывают, что, опираясь на количественные методы, объемы экспорта Украины в 2004 году составят 777.42, а импорта – 1980.17 миллионов долларов.

Среди задач внешнеторговой политики как перспективные следует признать наращивание объемов экспорта при усложнении структуры торговли. Рациональная экспортная политика должна строиться на принципе избирательного подхода формирования и реализации конкурентных преимуществ Украины на немецком рынке при ориентации на инновационную модель развития страны. Стратегия должна объединить сырьевое направление (в текстильной и химической отраслях, в черной металлургии) при обязательном усложнении структуры торговли с проникновением на рынок продукции с высокой степенью обработки продукции аэрокосмической, фармацевтической, электронной и электротехнической отраслей.

Для расширения сотрудничества в традиционных отраслях, текстильной и химической, целесообразно применение схемы работы на компенсационной основе, если рост производства экспортной продукции достигается за счет закупки технологий и оборудования из Германии за счет поставок конечного продукта на европейский рынок. С целью облегчения доступа товаров на рынок и устранения технических барьеров в торговле целесообразна и сертификация систем качества на украинских предприятиях.

Перспективы сотрудничества Германии и Украины в социально-экономической сфере зависят от степени соответствия законодательно-

⁸ Сіденко В. Структурні аспекти інтеграції української економіки в економічний простір ЄС / В. Сіденко // Співпраця ЄС і України. - 2003. - № 3. - С. 10 - 20.

нормативных актов европейским требованиям, возможности органов государственной власти гарантировать их исполнение, обеспечить реализацию принятых решений. Результаты зависят не только от позиций двух стран, а и от политики ЕС по отношению к новым членам. Принятая в марте 2003 года концепция «Расширенная Европа – новые соседи: новая система отношений с нашими восточными и южными соседями» может стать дополнительным инструментом экономической интеграции в регионе. Со стороны украинских правящих кругов на государственном уровне необходимо определиться с необходимыми позитивными результатами «статуса соседа» для страны и проводить последовательную политику активизации внешнеэкономических отношений в европейском направлении.

Петер Феслер

ВАХТА НА РЕЙНЕ*

На протяжении веков на правом и на левом берегу Рейна люди учились сами и научали других исповедовать национальное кредо, катастрофы двух мировых войн не помогли им осознать необходимость переосмысления этих идей¹. Во Франции представления о Рейне как о «естественной» границе принадлежало к идейному наследству Французской революции. Для немцев, по крайней мере для таких, которые называли себя патриотами, тот же Рейн, начиная от эпохи романтизма, получает чуть ли не мифическое значение. В меру того, как на протяжении XIX века в Германии просыпалась и приобретала конкретные очертания национальная идея, росла и роль Рейна как объекта споров, и обе нации считали нужным ставить в зависимость от него свое существование. Рейн объявлялся фундаментальной этнической границей, которая якобы отделяет германское пространство от романского. Таким образом, Рейнская проблема в дальнейшем превращалась в идеологическую, что привело к обострению кровной вражды между двумя народами. И хотя явным поводом для трех новейших войн между Францией и Германией (1870, 1914, 1940) граница на Рейне ни разу не стала, однако Рейнский миф играл решающую роль в усилении воинственности, народной ненависти, он поддержал стереотип, культивировал в людях страх и ощущение опасности и, тем самым, ликвидировал все факторы, что сдерживали агрессию.

Современные национальные государства Германия и Франция, как известно, происходят от франкской империи императора Карла (742-814). В обеих странах эту сказочную историческую фигуру чествуют как основателя нации, в Германии – как *KARL DER GROSSE*, во Франции – как *CHARLEMAGNE*.

Со времен общего предка прошло свыше тысячи лет, но на протяжении многих веков, вплоть до XIX столетия, между немцами и французами не было ни одной кровной вражды, а, скорее всего, существовало нормальное добрососедство². Однако развитие государственных структур в обеих странах шло различными путями. Немецкая история каждый раз глубже погружалась в водоворот духовных и политических противоборств и, вместе с тем, запутывалась в мелких территори-

* Редакторы благодарят Автора и журнал «*Ї. Незалежний культурологічний часопис*» за разрешение на перевод и издание статьи. Феслер П. Варта на Райні / П. Феслер // *Ї. Незалежний культурологічний часопис*. - 1998. - Т. 12. <http://www.ji.lviv.ua/n12texts/fassler.htm> Перевод с украинского М.В. Кирчанова.

¹ Stollwerck D. Das Problem der Rheingrenze unter besonderer Beruecksichtigung Ludwig XIV. Diss. Phil. / D. Stollwerck. - Munchen, 1972; Mieck I. Deutschlands Westgrenze, в: Deutschlands Grenzen in der Geschichte / Hrsg. von A. Demandt. - Munchen, 1990. - S. 191-233.

² Tuemmers H. J. Der Rhein. Ein europaeischer Fluss und seine Geschichte / H. J. Tuemmers. - Munchen, 1994. - S. 121.

альных спорах. В отличие от этого французская история имела, скорее всего, практическую и рациональную ориентацию. Французские короли считали целесообразным в первую очередь укрепить свою власть в собственной стране, покорить себе раздробленных князей и обеспечить королевству право преемственности трона. Во Франции централистская власть приобретала каждый раз большую силу. Почти каждый король и все правительства до 1870 года, за исключением непродолжительной Второй Республики, расширяли территорию страны. В то же время они сформировали во Франции единое централизованное государство со строгой администрацией и единообразной правовой системой. Париж, который стал столицей в XI веке и остается таковой и сейчас, был королевской резиденцией и местом пребывания государственной администрации. Немецкие же императоры властвовали, сидя в седле, ведь их королевство требовало от них присутствия во всех уголках империи. Власть и авторитет немецких королей решались на поле боя и на верности вассалов, а следовательно, были замком на песке.

До конца Тридцатилетней войны (1648) Эльзас и Лотарингия принадлежали Немецкому Рейху; большая часть Эльзаса находилась под господством Габсбургов. Правительство Верхней Австрии имело свою резиденцию в эльзасском городе Энсисгайме³.

В верховьях Рейна (от Боденского озера до Базеля) и на Верхнем Рейне (от Базеля до Франкфурта) распространялась немецкая мистика. В XIII и в начале XIV века между Констанцией и Страсбургом проповедовали выдающиеся авторы позднего Средневековья: Мастер Экхарт, Йоханес Таулер и Хайнрих Сойсе. Они положили начало религиозному движению, которое, будучи вершиной средневековой религиозности, сильно поколебало упорядоченные церковные структуры. Через два века в этом регионе на Верхнем Рейне зародилось другое общественно-историческое движение – гуманизм. Самый известный представитель этого движения – Эразм Роттердамский, который, начиная с 1521 года до своей смерти в 1535 году жил в Базеле и Фрайбурге.

Изобретенное незадолго перед этим книгопечатание пришло на помощь распространению нового мышления, и этим изобретением искусно воспользовались гуманисты. Здесь, на Верхнем Рейне, как нигде, плодотворным оказалось взаимодействие книгопечатания и гуманистической идеи. Эразм направился в Базель ради возможности сотрудничества с печатниками Фробеном и Амербахом. Эта атмосфера оказалась благоприятной и для немецкоговорящей поэзии, центром которой стал в то время алеманский Эльзас, где жили и творили такие проповедники, сатирики и поэты, как Гайлер фон Кайзерсберг и Себастьян Брант, Томас Мурнер и Йоганес Фишарт.

Чрезвычайно богатым и разнообразным является художественное творчество поздней готики и эпохи Дюрера, сокровища которой находятся и сегодня в городских и сельских церквях, музеях и собраниях. Вот только несколько имен: Мартин Шонгауэр, Матис Найтгард-Грюневальд, а также три известных Ганса: Гольбайн, Буркмайр и Бальдунг-Гриен. В религиозной и культурной жизни до начала Реформации Рейн не был границей, а был, скорее всего, чем-то совершенно иным: взаимоотношения между Цюрихом, Базелем, Констанцией, Фрайбургом, Кольмаром, Шлетштадтом, Страсбургом никогда не были такими тесными и производительными, как в период с XIV века по XVI столетие.

³ Hug W. Geschichte Badens / W. Hug. - Stuttgart, 1992. - S. 116-129.

На юге, западе и севере Франция имеет четкие, так называемые, естественные границы: побережья и горы. Их завоевание и поддержание в течение длительного времени было первоочередной политической целью французской монархии. На востоке граница была нечеткая, и Франция чувствовала себя здесь подверженной чужим влияниям⁴.

Границы Германии – это отдельная история: в 1648 году, после подписания Вестфальского мира, границы этого непрочного немецкого союза охватывали 343 суверенных княжества, а так же - города и области. Это, как правило, шло на пользу соседям Германии. Все дальновидные европейские государственные мужи умело пользовались немецкой раздробленностью. Однако некоторые немецкие политики, как, например, Бисмарк, пытались догнать историю и объединить немецкое государство. Каждый раз, когда делалась такая попытка, Франция, опасаясь восточного соседа и стремясь его уgomонить и успокоить, прилагала усилия к созданию на востоке естественной и непреодолимой границы. На протяжении многих веков слабо защищенная граница с Германией была для Франции проблемой, которая переросла у своего рода «французскую травму». Однако она была также и немецкой травмой. Это привело к конфликту, который имел трагические последствия для обоих народов.

В 1589 году во Франции к власти пришли Бурбоны и удерживали престол до Французской революции (1792). В Германии до 1806 года, до конца Священной Римской Империи немецкой нации, властвовали габсбургские императоры. Габсбурги, проводя умелую семейную политику, в результате ряда удачных бракосочетаний заняли чрезвычайно большие территории: Нидерланды, Бургундию, Богемию, Венгрию и Испанию вместе со всеми ее заокеанскими колониями. Эти земли объединились под их двуглавым орлом. Это, как правило, беспокоило Францию. Она очутилась в опасном окружении. Кардинал Ришелье, став в 1624 году министром Людовика XIII, объявил своей целью безопасность границ Франции в габсбургско-испанском окружении, укрепление границ, государственного единства и позиции короля, как внутри страны, среди дворянства, так и среди европейских держав. Его тактика была осторожной, но решительной. Во время Тридцатилетней войны он заключил союз со шведами, направленный против габсбургско-испанских позиций на Рейне. Он считал целесообразным занять левобережные территории Рейху: Верхний Рейн - Лотарингию и Трирские крепости.

С Тридцатилетней войной для Верхнего Рейна начался век войн, который длился до 1714 года⁵. Население сократилось за это время почти в половину; замки, церкви, города и села превратились в руины. Многие авторы считают травматические переживания этой эпохи началом немецкого комплекса неполноценности. Заключение мира в Мюнстере в 1648 году, который положил конец Тридцатилетней войне, в корне изменило политическую карту прирейнских земель: Франции отошла большая часть южного Эльзаса, после того, как от нее отказались Габсбурги, кроме Страсбурга, но с некоторыми плацдармами на правом берегу Рейна. Кроме того, она окончательно получила Мец, Туль и Верден. Объединенные Нидерланды и Швейцарская Конфедерация получили независимость.

Военные конфликты вокруг Рейна, как границы, на этом только начались. Людовик XIV вел ряд завоевательных войн против немецких государств, например, с 1688 до 1697 года - против Пфальца. Уже в 1681 году, в мирный период, он напал

⁴ Tuemmers H. J. Op. cit. - S. 121.

⁵ Mieck I. Op. cit. - S. 209; Hug W. Op. cit. - S. 148

на Страсбург. В этой французско-габсбургской борьбе за власть пришлось пострадать и Фрайбургу. Между 1618 и 1744 годами граждане города были вынуждены присягать на верность то французскому королю, то шведам, то снова Баварии, то Габсбургам.

В результате Раштатского мира 1714 года Рейн окончательно был признан немецко-французской границей. На правом берегу Рейна Людовик XIV и его потомки не удержались. Но страна была разрушена, и среди немцев впервые появились антифранцузские настроения, вызванные в первую очередь систематическим разрушением французскими войсками Пфальца. (О том, что боевой приказ «короля Солнца» в свое время звучал дословно: «Brulez le Palatinat!» - «Сожгите Пфальц!» - с того времени не забывает рассказать своим ученикам каждый немецкий учитель истории).

Несмотря на это, Франция в эту эпоху служит немцам образцом, а французский язык становится универсальным языком образованных людей. Франция дает пример стиля жизни как для дворянства, так и для интеллигенции. Универсальным образцом для немецких князей является французский двор, а для немецких бюргеров – Просвещение, а, позднее, также и Французская революция.

Французская революция упразднила привилегии дворянства и короля, в том числе и его привилегию вести войны. Согласно Конституции, с этого времени войны велись от имени народа. Уже вскоре Республика была вынуждена воспользоваться этим правом. Обеспокоенные судьбой своих королевских родственников и встревоженные за свое собственное будущее европейские князья пытались потушить пожар революции, но пламя перекинулось и на другие страны. Пруссаки перешли в 1792 году через Рейн и вступили во Францию, однако вскоре они были отброшены назад, о чем можно обстоятельно прочитать у славного хрониста войны Иоганна Вольфганга фон Гете («Кампания во Франции»).

Большие и малые князья, державшиеся на Верхнем Рейне, тоже чувствовали себя в опасности⁶. В первую очередь, благодаря распространению идей революции, так как их край заполнили книжки, брошюры и открытки, которые приветствовали революцию во Франции, распространяли ее идеи и призывали к действию. Теперь правительство Верхней Австрии решило проявить пропагандистскую активность и со своей стороны и приняло постановление о «Распространении положительно настроенных книг». Среди них была, например, изданная в феврале 1794 года, брошюра «Серьезные советы немцам относительно защиты берегов Рейна». Однако анализа целей революции она не содержала. Учитывая бурные события во Франции (провозглашение республики, казнь королевской семьи и продвижение революционных отрядов в прирейнский край), поддерживалась национальная вражда, поддерживался страх граждан перед беспорядками, а также содержались призывы к верности к своей вере и правящему королевскому дому. Немецкий народ должен был подняться на борьбу «за Бога, которого они высмеивают, за своих князей, которых они проклинают, и за себя, которого они хотят уничтожить». Менее убедительно звучало то, что власти обещали верноподданым в качестве вознаграждения: «Ваши князья и господа наградят вашу верность и любовь к родине двойным беспокойством о вашем благе». Откровенно призывало ненавидеть французов стихотворение, которое появилось во Фрайбурге - «Песнь битвы» («Schlachtgesang»). В нем фрайбургский профессор философии и владелец типо-

⁶ Geschichte der Stadt Freiburg. - Bd.. 2. Vom Bauernkrieg bis zum Ende der habsburgischen Herrschaft / hrsg. von H. Haumann, H. Schadek. - Stuttgart, 1994. - S. 211.

графии Игнац Фельнер обращался к своим соотечественникам с такими словами: «Без сожаления, братья, вы режете их, убивайте, они вас только дурят, в действительности же они – воры и убийцы, присяга их неискренняя, а за пазухой у них топор».

После того, как французским войскам удалось отбить отряды нападающих и самим продвинуться через Рейн во Франкфурт, среди немцев начали расти опасения, что революционные войска нападут и на Верхнюю Австрию. В начале 1793 года здесь тоже была создана новая армия, которая сначала успешно действовала в Северном Ельзасе и в Пфальце. Но после того, как во Франции состоялось *Levee en masse* для усиления регулярных войск, австрийская армия стала испытывать их нарастающее давление. 15 сентября 1795 года французская артиллерия обстреляла австрийский город Брайзах, французская рейнско-мозельская армия непрерывно продвигалась вперед и 16 июля 1796 года на короткое время заняла город Фрайбург.

Однако, французские войска натолкнулись не только на сопротивление: есть свидетельства, что во Фрайбурге французских солдат приветствовали возгласами в честь республики, некоторые горожане нацепили себе на шляпы трехцветную кокарду, обсуждались идеи объединения в свободной республике, или вместе с швейцарскими кантонами, или же независимо, но под французской защитой.

Результатом революционных войн стало общее разграничение на Верхнем Рейне. По Базельскому миру (1795) все левобережье Рейна отошло французам. Пруссия должна была с этим смириться. В 1797 году отдать левый берег Рейна согласилась и Австрия. Требование сделать Рейн естественной границей Франции впервые сформулировал Дантон в 1793 году: «Границы Франции определены самой природой. Мы дойдем до них во всех четырех сторонах: на океане, на берегах Рейна, в альпах, в Пиренеях. Ничто нас не остановит»⁷.

В начале к французам, как к "новым франкам" (Neufranken) относились с большой симпатией не изгнанные немецкие князья, а либеральные немецкие граждане и интеллигенция⁸.

Французы объявили о своем намерении не завоевать Рейнланд, а освободить, установить здесь политическую и правовую свободу и равенство всех граждан, сбросить феодальное иго и ввести свободу предпринимательства, разделить княжеские и церковные имения и реализовать демократическое право на самоопределение. Однако со временем выяснилось, что французы ведут себя как оккупанты, и требуют каждый раз все больших налогов, не собираясь выполнять свои обещания о демократическом самоопределении. Поэтому на смену раннему увлечению пришло разочарования. Немецкая интеллигенция, которая с увлечением приветствовала революцию, чувствовала себя в этой ситуации преданной и проданной, не освобожденной, а униженной, и начала требовать восстановить прежнее немецкое величие, а символом для них с этого времени стал немецкий Рейн. Таким образом, Рейнланд за несколько лет превратился из пограничной области в пронемецкий центр. Однако бессильной на тот момент немецкой интеллигенции не оставалось сначала ничего другого, как в рамках культурного движения сопротивления скрываться в истории, находя в ней корни самостоятельной немецкой идентичности.

⁷ Stollwerck D. Op. cit. - S. 3.

⁸ Siemann W. Vom Staatenbund zum Nationalstaat. Deutschland 1806-1871 (Die Neue Deutsche Geschichte. - Bd. 7. - Munchen, 1995. - S.. 297; Tuemmers H. J. Op. cit. - S. 214.

Поэтому романтики и вели свои мифотворческие исследования Средневековья, в основном, на прирейнских просторах.

В соответствии с интересами Франции был изменен правый берег Рейна: имения были распределены по-новому, объединены в большие административные единицы, были основаны новые государства или модернизировано старые, которые объединились против Пруссии и Австрии в так называемый Рейнский Союз, который на положении протектората что подчинялся Наполеону. Это завершило распад старой Священной Римской Империи немецкой нации. Последний император Франц II отказался от звания римско-немецкого императора, хотя и продолжал называться «Императором Францем», но уже только как император Австрии.

На юго-западе и на юге Германии возникли новые государства. На Верхнем Рейне - Великое герцогство Баден, которое образовалось из многочисленных малых государств и государственных образований и было организовано в соответствии с современными, французскими образцами на соответствующих, французских, основах. Сначала государства Рейнского Союза были верными союзниками Наполеона и поставляли войска для наполеоновских завоевательных войн: например, почти 8000 баденцев принимали участие в русском походе. Когда же после Битвы Народов возле Лейпцига в 1813 году ситуация изменилась, все члены Рейнского Союза, а следовательно и Баден, быстро и решительно перешли на другую сторону. Теперь Баден стал плацдармом для антифранцузских коалиционных войск, и баденское правительство выделило регулярные части количеством 10 000 человек для наступления на Париж.

С того времени, как в XIX веке с некоторым опозданием немцы тоже начали создавать свое национальное государство, на Рейне соревновались уже не мелкие феодальные князья - враждовали два народа. Убеждение, что весь немецкий народ имеет право, но и обязан создать национальное государство как надежный оплот своей культуры, родилось не на Рейне. Стремление воплощения национальной идеи появилось в сердце Германии - в обновленной реформами Пруссии. Там уже на протяжении веков из поколения в поколение развивалась привязанность к правящему дому, там сформировалось государственное сознание, там существовали все предпосылки для патриотического подъема. Имея на уме уже не только Пруссию, но и целую Германию (включая Швейцарию и Австрию), во главе патриотического подъема стали такие личности, как Эрнст Мориц Арндт, Йоган Готтлиб Фихте, Вильгельм фон Гумбольдт. Политиком, который руководил прусской перестройкой, был Карл Фрайгер фон Штайн, реформатор Пруссии, который неутомимо призывал к освободительной борьбе против Наполеона. «Без сомнения, начало немецкого национального движения в XIX веке стало для французов не только поводом, но и непосредственной причиной. Нельзя недооценивать тот факт, что немцы, переживая то национальное притеснение, то национальный подъем, окончательно нашли себя. Враждебность к Франции была, таким образом, составляющей частью немецкого национального самосознания»⁹, - писал французский историк немецкого происхождения Йозеф Ровен.

Освободительную борьбу против французов Пруссия повела как народную войну, а интеллигенция развернула успешную пропаганду, пользуясь популярными символами. А какой символ мог послужить этому лучше, чем Рейн, «свободная немецкая река», воспетая многими патриотами? Эрнст Мориц Арндт, самый извест-

⁹ Rován J. Zwei Voelker - eine Zukunft. Deutsche und Franzosen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts./ J. Rován. - München, 1986. - S. 59.

ный пропагандист освободительных войн, посвятил ему в 1813 году свой антинаполеоновский призыв: «Рейн - немецкая река, а не граница Германии». Проблема Арндта заключалась в том, что он не мог дать позитивную формулировку «немецкости», но он решил ее, описав, каким жалким является все не немецкое - будь то еврейское, французское или какое-нибудь другое надоедливо чуждое. То есть для его патриотизма жизненно необходимыми были категории разграничения с врагом, антисемитизм и ненависть к французам. Арндт проповедовал, например, следующее: «Я желаю вечной ненависти к французам. Тогда немецкие границы всегда будут оставаться в безопасности. И пусть теплится эта ненависть как религия немецкого народа, как священный жар во всех сердцах, и сбережет в нас верность, честь и храбрость. Эти два народа не имеют ничего общего...». Это задание можно было решить только железом. И, как мы знаем, в XIX и XX веках бряцанье этого железа раздавалось не раз. Патриотизм одной стороны мобилизовал другую. Демагоги и народные трибуны произносили свои исторические речи. Национальные государства и их миссионерское сознание властвовали в Европе.

Невзирая на поражение Наполеона, за Францией остались большие территории Эльзаса и Лотарингии¹⁰. Это стало опасной политической взрывчаткой в последующие десятилетия, поскольку милитаристическая Пруссия, которой отошли прежние французские Рейнские провинции, теперь непосредственно граничила с милитаристической Францией. Нерешенной проблемой между обеими странами оставался Рейнский вопрос. Французский министр иностранных дел Шатобриан уже в 1823 году не сомневался в том, что Франция должна отвоевать левый берег Рейна. Виктор Гюго тоже придерживался мысли, что «левый берег Рейна по своей природе принадлежит к Франции». Ему было досадно, что эта река больше не французская. В тревожной ситуации международного кризиса в 1840 году французов охватил военный энтузиазм. Поэт Альфонс де Лямартен в своей речи перед Французской Палатой выразил претензии французов на Рейн. Министр Тьер стремился отвоевать Рейнскую границу и таким образом, смыть позор от соглашений 1815 года. Гроза на этот раз прошла мимо, общественное настроение во Франции успокоилось. Король Луи Филипп отправил министра Тьера в отставку.

Немецкие националистически настроенные писатели реагировали на французские претензии в первую очередь песнями¹¹. Появилась мода на так называемые «Рейнские песни», которым мы, между прочим, выражаем свою благодарность и немецком национальном гимне «Германия, Германия превыше всего». Однако самой популярной в то время Рейнской песней было произведение давно забытого поэта Николауса Бекера. Песня эта появилась в 1840 году, под названием «Они им не будут владеть, вольным немецким Рейном». Она была исполнена 15 октября 1840 года в Кёльнском театре в присутствии короля Фридриха Вильгельма. Слушатели восторженно подпевали. «Рейнская песня» стала основой немецкой национальной пропаганды. Ее перепечатывали, распространяли на открытках. Более ста раз этот текст был положен на музыку (в том числе и Робертом Шуманом). Песня стояла на первом месте в репертуаре мужских хоров, а также множество раз пародировалось. Ведь, как говорит «батюшка Рейн» в «Зимней сказке» (1844) Гайнриха Гейне, «тяжелым грузом лежат эти строки в желудке». Вот несколько из них: «Они

¹⁰ Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland. Die Geschichte ihrer Beziehungen 1815-1975 / R. Poidevin, J. Bariety. - Munchen, 1982. - S. 29.

¹¹ Mossmann W., Schleuning P. Alte und neue politische Lieder / W. Mossmann, P. Schleuning. - Hamburg, 1978. - S. 18.

им не будут владеть / Свободным немецким Рейном, / Хоть бы сколько они орали / Как те жадные вороны... Они его не будут иметь / Свободного немецкого Рейна, / Пока наши храбрые ребята / Рьяно держат оружие, / Пока рыба на речном дне / Еще двигает своими жабрами, / Пока еще живет песня / В устах певца...».

К анализу таких произведений, обычно, не подходят со средствами литературной критики, но и смех Гейне тоже не поможет. Идея песни отчеканилась в сознании людей в Германии: Рейн - это абсолютно немецкая, самая река, и наивысшая патриотическая обязанность каждого немца - отвоевывать его у врага. «Они его не будут иметь, свободного немецкого Рейна...».

Через восемь лет, на волне революции 1848 года страны опять охватила тревога. Чрезвычайно обеспокоенные восстанием демократов охранители старого порядка опять воспользовались испытанным способом: они заострили внимание на опасности со стороны внешнего врага. Великогерцогское правительство в Бадене, утверждало, что стране угрожают рабочие-мародеры из Франции, которые переходят через границу, чтобы жечь и разорять. Оно инициировало так называемый «французский шум», призвав войска Немецкого Союза к Бадену и укрепив гарнизоны, в том числе и Фрайбургский. Реальным фоном этой пропаганды было (между прочим, безуспешное) вступление «Немецкого демократического легиона» в Париж. Отряд насчитывал около 200 человек, в основном немецких рабочих и политических беженцев, во главе с поэтом Георгом Гервегом и его достойной удивления женой Эммой. Пропаганда «французского шума» сделала, однако свое дело, ведь теперь напуганные сторонники демократической революции сами запретили легиону принимать участие в боях у Бадена¹². После поражения революции Рейн опять играл свою прекрасную роль реки-границы. Он помог десяткам демократов убежать в Швейцарию или Францию, а оттуда – в Америку.

В следующие десятилетия отношения между двумя народами опять как будто несколько успокоились¹³. Император Наполеон III не хотел ничего слышать о завоевании Рейна. Во французском обществе приобрел распространение идеалистический образ Германии по образцу мадам де Сталь, и многочисленные французские интеллектуалы охотно путешествовали вдоль Рейна. Было основано «Ревю Германик» (1829-1837) и «Ревю де дю Монд». Шла даже речь о «мосте через Рейн для обмена между двумя народами». Установились и некоторые экономические контакты, поскольку Франция и немецкий таможенный союз стали важными торговыми партнерами.

Начиная со стародавних времен Рейн властвовал в долине от Базеля до Бингена, то есть на полосе длиной 300 километров и шириной 2 километра. Наводнения затапливали поля, пастбища, а порой их жертвами становились даже целые села¹⁴. Свыше 2000 островов находилось между боковыми притоками и заводьями этой медленной реки, которая ежегодно во время сезона наводнений прокладывала себе новое русло через болотистое речное побережье. Йоган Готфрид Тула, гениальный инженер и полковник на службе у баденского великого герцога в начале XIX века был решительно настроен изменить это положение дел: он хотел уровнять Рейнские притоки, то есть зажать реку в русло в ширину всего только 200 метров, другими словами - сделать из нее прямой, как будто шнурок, канал. Но страны Рейн-

¹² Geschichte der Stadt Freiburg. - Bd. 3. Von der badischen Herrschaft bis zur Gegenwart / hrsg. von H. Haumann, H. Schadek. - Stuttgart, 1992. - S. 61.

¹³ Poidevin R., Bariety J. Op. cit. - S. 44, 71.

¹⁴ Tuemmers H. J. Op. cit. - S. 137.

ского левобережья, Франция и Баварский Пфальц не поддержали его планов, хотя они тогда еще просто не знали об экологических последствиях такого изменения. Новое наводнение зимой 1816 - 1817 годов заставило их согласиться. После того, как Рейн был распрямлен, впервые возникла четкая граница между Францией и Немецким Союзом. Ирония истории: проект Тулы - введение Рейна в канал (который тешил бы глаз любого военного, стал так называемой «естественной» границей) был завершен непосредственно перед основанием Немецкого Рейха (Германской Империи) в 1871 году. В то время немцы именно избрали другую «естественную» границу между двумя странами – горный хребет Вогези¹⁵.

Став 1862 премьер-министром Пруссии, Бисмарк проводил свою политику немецкого единства. Франция боялась этого единства и того, как им воспользуются немцы, а поэтому пыталась помешать этому. В 1870 году началась война¹⁶. Бисмарк использовал двойную дипломатическую неготовность Франции и благодаря «Эмсерской депеше» воинственно настроил общественное мнение. Патриотическое настроение 1840 года повторилось и в начале немецко-французской войны 1870 - 1871 годов. Опять патриотические чувства отобразились в песне, которую восторженно пели многие немцы. Это - «Вахта на Рейне» швабского фабриканта Макса Шнекенбургера. В 1854 году Карл Вильгельм написал к этому стихотворению зажигательную мелодию, которая сделала ее самой популярной песней военной эйфории 1870 года. «Вахту на Рейне» пели немецкие солдаты, отправляясь через Рейн в поход на Францию. Победоносно законченная война одновременно прибавила славу и песни. Даже через многие годы, в начале следующей войны с Францией в 1914 году «Вахта на Рейне» опять должна была помогать поднимать военно-патриотические настроения. «Призыв раздается, словно гром, словно грохот волн на море: До Рейна, к Рейну, к немецкому Рейну! Кто желает быть часовым реки? Любимая Отчизна, будь спокойна: крепко и верно стоит стража, стоящая на Рейне!»

Немецко-французская война была последней кабинетной войной XIX века, однако еще некогда до сих пор не было такого массового уничтожения людей в ходе отдельных битв и сражений. И никогда до этого времени не были в такой большой степени задействованы достижения индустриализации: новейшая военная техника, железная дорога, телеграф.

В результате победы над Францией Германия наконец-то добыла и себе национальное единство¹⁷. Поскольку прусский король Вильгельм Первый был объявлен немецким императором именно в Зеркальном Зале французского королевского дворца в Версале, победа над Францией была непосредственно связана с основанием государства. Именно баденский великий герцог с понятной благодарностью первым поздравил нового императора, который в 1849, еще, будучи принцем, грубо придушил баденскую революцию. Франция потеряла свою передовую позицию в Европе, потеряла Эльзас и немецкоговорящую Лотарингию, включая Мец, а вместе с тем и свою надежду опять добыть Рейн как границу.

Большинство эльзасцев было против перехода их края к Германии. Со времени Рийсвикского мира, то есть с 1697 года, Эльзас принадлежал Франции. В отличие от немецкого побережья Рейна он пережил два мирных века и давно уже привык к Бурбонам, санкюлотам, корсиканскому императору и послереволюционным

¹⁵ Mossmann W. Flugblattlieder, Streitschriften / W. Mossmann. - Berlin 1980. - S.168.

¹⁶ Poidevin R., Bariety J. Op. cit. - S. 108.

¹⁷ Siemann W. Op. cit. - S. 389.

королям. В феврале 1871 года во Французском Национальном Собрании депутаты от Эльзаса выразили протест: «Эльзас и Лотарингия не хотят быть отделенными... Франция не должна отдавать Лотарингию и Эльзас»¹⁸. Протест не увенчался успехом, и требование провести плебисцит относительно национальной принадлежности тоже не было услышано. Газета «Die Augsburger Allgemeine» одна из ведущих газет той эпохи, писала 31 августа 1870 года с необычной еще на то время грубостью: «Красиво: дети хотят голосовать, являются ли они детьми своей матери.... К сожалению, здесь нужно действовать розгой. Развращенные дети должны почувствовать наш кулак. За наказанием придет любовь, которая опять сделает из них немцев».

Франция была глубоко подавлена. Ей тяжело было пережить быстрое позорное поражение, потерю своих позиций в Европе, отделение Эльзаса и Лотарингии. Осознание того, что ей пришлось безоговорочно капитулировать, породило ненависть к нахальным победителям, что позднее, в течение длительного времени, отравляло взаимоотношения между обоими народами.

В это время Германия осуществляла в Эльзасе и Лотарингии суровую политику германизации¹⁹, которую можно назвать настоящей диктатурой. Им было отказано в статусе равноправной федеральной земли. Было запрещено говорить на французском языке в общественных местах, была вытеснена французская пресса. В то само время Франция ковала защитный щит вдоль всей границы, которая позже стала линией Мажино. Однако около 1900 году стало заметным некоторое ослабление напряжения, даже осторожное немецко-французское сближение. Но это длилось недолго.

Агрессивная политика Вильгельма II мобилизовала в 1890 году и национализм французов и опять поставила на повестку дня проблему Эльзаса-Лотарингии. Эльзасцы и лотарингцы проявили это настроение празднованием годовщин всех битв, в которых когда-то французы боролись против немцев и сохранением французской культуры, распространением карикатур на немцев. Они демонстрировали, что Эльзас и Лотарингия верны своему французскому прошлому, и все попытки их германизации останутся бесплодными. Немецкие органы власти боролись с этим. Как и перед 1870 годом, перед 1914 годом, с обеих сторон Рейна опять стал заметным последовательный национализм. Предостережения пацифистов и противников войны ничего не дали. Втянутые в противоборствующие союзов оба государства во время июльского кризиса 1914 года ничего не делали во избежание катастрофы. Оба народа приближались к началу войны, видели это, и в обеих странах трезво мыслящие люди не могли ничего сделать. В своем пренебрежении Германия стремилась утвердить гегемонию на континенте, а Франция – отвоевать ее назад. Бездумный национализм, представленный «верностью Нибелунгам», привел Европу к катастрофе мировой войны – европейская гражданская война началась.

История Первой Мировой войны известна. Известным во всем мире символом бессмысленности многолетней позиционной войны, в которой использовалось самое современное оружие массового истребления, стал Верден. В Эльзасе аналогичным местом стал «Гартмансвайлер копф», или, соответственно, «В'ей Арман» - просшая лесом возвышенность Вогезах, где с декабря 1914 по январь 1916 года в борьбе за полосу в ширину менее, чем сто метров, погибло 60 тысяч немецких и французских солдат.

¹⁸ Poidevin R., Bariety J. Op. cit. - S. 121.

¹⁹ Poidevin R., Bariety J. Op. cit. - S. 150.

Большинство писателей обеих стран, которые в 1914 году приветствовали войну, подобно Томасу Манну, как *«очищение и освобождение»*, что сегодня кажется нам абсолютно непонятным, в следующие годы в корне изменили свое мнение и отчасти уже в 1915 и 1916 годах решительно выступали против войны - создавалось впечатление, что коллективное европейское безумие уже никогда больше не повторится. В 1924-1930 годах наметилось небольшое потепление в немецко-французских взаимоотношениях. Дальновидность и политическая ловкость Аристида Бриана и Густава Штреземанна давали основания надеяться на улучшение. Эти надежды разрушили национал-социалисты, которым удалось опять раздуть недовольство начала 1920-х годов по поводу репараций и так называемого «диктата» Версаля. Казалось, что Франция и другие страны ослепли. Они не видели или не хотели видеть, что Германия готовится до войны: сначала тайное, а затем открытое вооружение рейхсвера, выход из Лиги Наций, запрещение ремилитаризации Рейнлянда - все это должно было бы вызывать подозрение. И тогда удар за ударом: занятие вермахтом Австрии, Судет, аннексия Богемии и Моравии. 1 сентября 1939 года - нападение Германии на Польшу, на востоке - блицкриг (Львов становится впервые советским), на западном фронте - без перемен....

На Рейне сначала все было спокойно. Франция доверяла линии Мажино, полосе укреплений во французском пограничном районе, построенном в 1929 и 1932 годах. Война происходила теперь на востоке, в Польше. На западе, на немецком берегу, «Вахту на Рейне» несли - VII армия, на французском - VIII армия. Однако 10 мая 1940 года началось наступление немцев на Рейне. Артиллерийские дуэли на наивысшем техническом уровне, героически-романтические нападения штурмовых лодок, смерть в казематах Маркольсгайма, и опять немецкий блицкриг: через шесть недель, 22 июня 1940 года, Франция подписала перемирие. Это было неожиданно быстрое и практически полное поражение. Оно напомнило о 1870 годе, стало «дежурной травмой» для Франции и перечеркнуло достижения победы 1918 года. Опять были потеряны Эльзас и Лотарингия. Немцы полностью аннексировали оба региона и начали грубую вторую, на этот раз расистскую и радикальную германизацию. Они построили свои фабрики смерти, самая известная из них называлась в Ле Штутгофе у Ширмека в Вогезах. Они принуждали молодых эльзасцев и лотарингцев служить в вермахте и пытались стереть воспоминания о французском прошлом Эльзаса: французский язык был запрещен, вывески сбиты, памятники сброшены с пьедесталов. В конечном итоге была оккупирована и остальная Франция и полностью поставлена на службу немецкой военной экономике.

История Второй Мировой войны тоже известна. Однако практически неизвестными остались «крайние» подвиги Гайнриха Гимmlера на Верхнем Рейне. В конце 1944 года пресловутый фюрер СС решил реализовать свою давнюю мечту и стал на короткое время полководцем, точнее говоря, главнокомандующим Верхнего Рейна. Штаб-квартира для него была оборудована в комфортабельном вагоне, спереди и сзади к которому были прицеплены паровозы. Эта конструкция стояла на вокзале в Триберге (в горах Шварцвальд) и в случае воздушной тревоги могла быстро спрятаться в тоннеле. Гимmlер планировал в январе 1945 года отвоевать у американцев Страсбург. Это ему не удалось и, не осуществив задуманного, он вернулся обратно в Берлин, где теперь, в свою очередь, помог осуществить давнюю мечту украинского генерала Павло Шандрука: скрипя зубами, позволил переименовать дивизию СС Галичина в Первую дивизию украинской национальной армии. Вскоре после этого Украинская Национальная Армия сдалась британцам, а Гимм-

лер после неудачной попытки побега раскусил 23 мая 1945 года ампулу с цианистым калием и, таким образом, избежал Нюрнбергского трибунала.

Теперь на западе происходило немало изменений: благодаря де Голлю Франция стала партнером американцев, британцев и Советского Союза в уничтожении гитлеровского рейха. Наученный опытом де Голль должен был не допустить возобновления политической линии на создание единого и централизованного немецкого государства. Разделенная и федералистски организованная Германия была для Франции и для других стран-победительниц гарантией безопасности и жизненной необходимостью. Де Голль требовал также особого урегулирования ситуации на Рейне, в Руре и в Саарской области, кузницах немецкого оружия²⁰. Левый берег Рейна - как врата к Франции - он пытался отделить от остальной Германии и взять под политический и военный контроль союзников. Однако выполнения этого, последнего, требования французскому генералу достичь не удалось. Зато расчленение Германии стало реальностью во время холодной войны.

Еще во время Второй Мировой войны дискутировались и другие концепции относительно Германии и будущей Европы. Эти размышления во Франции вынашиваемые социалистическим сопротивлением - базировались на убеждении в необходимости ликвидировать мощные национальные государства, чтобы окончательно исключить возможность возникновения новых конфликтов. Для этого неминуемым был бы частичный отказ от национального суверенитета. Так планировалась будущая интеграция европейских государств в Европейское Содружество. В основе проектов лежало признание того, что Европу придется строить не без Германии, а вместе с ней, а экономические и общественные реформы должны были создать основу для реализации этой концепции. Германия должна была бы пройти длинный период перевоспитания и реконструкции. Однако в начале французская оккупационная политика определялась совсем другими факторами: демонтаж предприятий и конфискация продуктов питания препятствовали воплощению французской концепции и привели в Германии к голоду.

Новый послевоенный строй не определялся больше ни в Париже, ни в разъединенной Германии. В рамках противостояния между двумя мировыми сверхдержавами, которыми стали после мировой войны, США и СССР, Германия была разделена. Франция, потеряв свое влияние, должна была соглашаться с решениями, которые диктовал не Лондон, а в первую очередь Вашингтон. Основание Федеральной Республики Германии Франция приняла неохотно.

Невзирая на трудности периода оккупации немецко-французское примирение началось именно в послевоенное время. Уже в 1945 году де Голль во время посещения французской зоны оккупации объявил, что «... пройдет время и заживут раны...». В Страсбурге он сказал: «Рейн был барьером, границей, линией фронта..., он может опять стать связующим звеном для Западной Европы». За годы своего второго президентства де Голль развил идею создания новой Европы на основе немецко-французской дружбы, которая и в самом деле стала одной из движущих сил европейской интеграции. Как Маастрихтский договор, так и валютный союз берут начало в немецко-французских инициативах.

От начала летоисчисления Верхний Рейн был важным путем между Севером и Югом. До сегодняшнего дня здесь находятся все важные транспортные линии: сама река с сопроводительными каналами, железная дорога, важные автомагистрали.

²⁰ Wolfrum E., Faessler P., Grohnert R. Krisenjahre und Aufbruchzeit. Alltag und Politik im französisch besetzten Baden 1945-1945 / E. Wolfrum, P. Faessler, R. Grohnert. - Munchen, 1996.

Поперечные связи в западном направлении развиты меньше. Они сосредоточиваются на пограничных переходах Кольмар-Брайзах, Страсбург-Кель, Карлсруе, Людвигсгафен-Маннгайм. Долина Верхнего Рейна подобна транспортной оси, вплетенной в континентальную сеть, что соединяет север Европы с югом. Это - ядро Западной Европы, и не случайно будущая объединенная Европа формируется именно здесь.

И если даже в последние годы между Францией и Германией нет пограничного контроля, бурно развиваются экономические связи и ежедневно тысячи людей пересекают границу, работая на одном берегу Рейна, а живя на другом, то все равно ситуация еще не вполне удовлетворительная. До сих пор существуют препятствия: различные технические стандарты, юридические и административные положения, социальные отчисления, налоговые и таможенные правила. В ближайшем будущем с развитием Европейского Союза некоторые из них отпадут сами по себе. Уже сегодня Европейский Союз, осуществляя свою программу «Интеррег», поддерживает приграничную кооперацию во всех отраслях. Консультационные пункты дают советы людям, которые пересекают границы, в первую очередь в социальных вопросах и вопросах труда, центры «Евро-Инфо» поддерживают экономические проекты. Все университеты Верхнего Рейна связаны в одну сеть, их предложениями имеют право пользоваться все студенты региона. Кооперация существует и между профсоюзами, и между организациями предпринимателей. Начиная с 1971 года работает Постоянная немецко-французская конференция по вопросам регионального сотрудничества. В 1991 году была создана и Немецко-франко-швейцарская конференция Верхнего Рейна.

Сотрудничество другого характера возникло в 1974-1982 годах в результате инициативы немецкой и французской общественности и при участии северо-западной Швейцарии. Баденско-эльзасская общественная инициатива не допустила строительства атомных электростанций и осуществления других опасных промышленных проектов, запланированных немецким и французским правительствами. Группа людей, что сначала казалась политикам смешной, хотя несколько надоедливой сектой, за короткое время превратилась в региональное межграничное народное движение, нетрадиционные и успешные методы которого копировались во всех странах Западной Европы. Сначала эту новую экологически аргументированную критику промышленного общества подхватили средства массовой информации, а следовательно, невзирая на значительное недовольство ответственных административных органов, и высшие учебные заведения и школы, церкви, а позже и профсоюзы и партии. Наступило время нового мышления - на сегодняшний день ни один политик не может себе позволить оставить вне поля зрения экологический аспект какого-либо большого проекта.

Развернув 20 сентября 1974 года на занятой забастовщиками строительной площадке в эльзасском Маркольсгайме плакат с надписью «Стража на Рейне» защитники природы обеих стран иронически, но в то же время решительно декларировали конец кровной вражды между немцами и французами. Военный лозунг с давней традицией стал лозунгом солидарности противников разрушения окружающей среды. «Радиоактивная туча» - так аргументировали тогда представители экологического общественного движения (за 12 лет перед Чернобыльской катастрофой) - не остановится ни перед одной национальной или идеологической границей. А, следовательно, отныне народы должны не поддаваться на взаимную травлю, а совместно бороться за сохранение основ жизни в регионе, защищать его как

от мультинациональных концернов, так и от политики национальных интересов. С удивлением писала в свое время пресса о загадочном Маркольсгаймском духе - и в самом деле, название этого маленького села в эльзасских болотах запомнилось надолго словами Андре Векмана: «в Маркольсгайме все началось, Маркольсгайм лежит на Рейне, в Маркольсгайме мы закололи Золотого теленка, в Маркольсгайме и мы открыли демократию, в Маркольсгайме мы взорвали границу, в Маркольсгайме мы стали взрослыми, в Маркольсгайме все началось. Маркольсгайм в Эльзасе».

Ю. Борко

ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ: ОТ ВРАЖДЫ - К СОЮЗУ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

1 сентября 1989 г. я встретил в Северной Франции, недалеко от франко-германской границы. Время было полуденное. Надо мной расстилалось безмятежное синее небо. Солнце уже не палило, оно грело по-осеннему. А передо мной, вдаль и по обе стороны, расстилалось огромное поле с коротко подстриженным зеленым газоном. От всего этого веяло идиллией, мирным, ничем не омраченным покоем. Так оно и было бы, если бы это не было пространством Вечного Покоя. Повсюду, куда доставал глаз, над травяной зеленью возвышались небольшие надгробья – в основании гранитная плита, не более пятнадцати сантиметров в высоту, полметра в ширину и длину, а на ней точно такая же вертикальная плита, и весь памятник был по колено взрослому человеку среднего роста.

Они стояли идеально выстроенными шеренгами и колоннами, как солдаты на плацу перед началом парадного марша. Абсолютно одинаковые по очертаниям и размерам, они были похожи на близнецов. И различало их только одно – цвет гранита. Справа от дорожки, рассекавшей все это огромное пространство надвое, тянулись ряды надгробий серого цвета, слева – бордового, с черными прожилками. Я подошел поближе и начал читать надписи. По одну сторону шли французские имена – Жан, Франсуа, Анри, Поль ...; по другую – Иоганн, Людвиг, Петер, Вильгельм... Мы, пятеро советских ученых, приехавших на конференцию, посвященную 50-летию начала войны в Европе, стояли на братском воинском кладбище. В этот день конференция взяла паузу, и участвовавшие в ней ветераны французского Движения Сопротивления предложили нам посетить одно из воинских кладбищ недалеко от Вердена. Они не объяснили, кто захоронен на нем, видимо, решив предоставить нам возможность самим увидеть, почувствовать и понять. И теперь мы стояли, потрясенные тем, что нам открылось. Здесь покоились останки французов и немцев, убивавших друг друга и убитых друг другом в двух мировых войнах. Мы стояли молча, но мне казалось, что те, кто покоится под камнем, зывают: мы объединились мертвыми – вы должны объединиться живыми.

Потом, когда мы вслед за нашими друзьями, французскими комбатантами, прошли в небольшое одноэтажное здание, вошли в комнату, где уже был накрыт стол, и выпили, стоя и не чокаясь, в память всех павших, нам рассказали историю этого и других таких же кладбищ. Идея создания братских мемориалов, в которых был бы перезахоронен прах немецких и французских солдат и офицеров, погибших в первую и вторую мировые войны, возникла уже после того, как Франция и Западная Германия стали участниками и движущей силой европейской интеграции, а затем, в январе 1963 г., подписали договор о сотрудничестве. Эти кладбища стали символом примирения двух наций, а вместе с тем, символом их воли к единству и

миру в Европе, символом европейской интеграции. Таким и остался этот день в моей памяти на всю отпущенную мне жизнь.

Об истории отношений между Германией и Францией можно писать тома. За точку отсчета можно взять конец VIII века, когда создавал свою империю Карл Великий. Можно начать с 962 г., когда Римским императором стал германский король Оттон I, или с конца XII века, когда в германские междоусобные разборки впервые открыто вмешался король Франции Филипп II Август. В последующие века вмешательство Франции, крепнувшего централизованного государства, в дела Священной Римской империи, принявшей в 1508 г. наименование Священной Римской империи германской нации, становится постоянным. Первая половина XVI столетия, была отмечена четырьмя войнами между германским императором Карлом V и королем Франции Франциском I. Кульминацией периода позднего Средневековья стала 30-летняя война (1618-1648), в которой, на разных ее этапах, участвовало большинство европейских государств. В многотомной «Истории Европы», издание которой было начато в 1988 г. и, к сожалению, пока не завершено, по поводу ее итогов сказано: «Если сравнить довоенное положение участников войны, а также сопоставить их цели с достигнутыми результатами, то к победителям следует отнести французскую монархию, которая приобрела ряд важных территорий и заложила фундамент для претензий на общеевропейскую гегемонию»¹. Что касается Германии, то некоторые немецкие князья, прирастившие свои территории и укрепившие свою независимость от Римской империи, также могли чувствовать себя победителями, но в целом для нее результаты войны оказались катастрофическими. В физическом смысле она была опустошена и обескровлена. В политическом плане, Вестфальский мир закрепил раздробленность Германии; ей надолго предстояло играть роль объекта европейской политики, но никак не ее субъекта. И первым государством, которое использовало эту ситуацию в своих интересах, была Франция.

Отношения между Францией и Германией не были доминантой в европейском раскладе сил ни до Тридцатилетней войны, ни после нее, по крайней мере, вплоть до создания Германской империи. В течение многих веков отношения между европейскими государствами точнее всего характеризовала знаменитая формула Томаса Гоббса «война всех против всех». Но соседство одной из первых абсолютных монархий в Европе с простирающимся за Рейном хаотическим миром германских государств предопределило главное направление французской экспансии. По Вестфальскому миру, Франция приобрела часть земель Эльзаса и Лотарингии. Во второй половине XVII века она полностью присоединила Эльзас и Лотарингию и захватила имперский город на Рейне – Страсбург. Как выяснилось впоследствии, это приобретение оказалось самым дорогим в истории территориальной и колониальной экспансии европейских держав. Оно было оплачено миллионами жизней, принесенных Францией и Германией в жертву в ходе их войн в XIX и XX столетиях.

К началу XVIII века в Германии явно обозначились два центра консолидации – Австрия и новое королевство Пруссия, преобразованное в 1701 г. из курфюршества Бранденбург. Оба государства выступали большей частью как противники Франции. Пруссия была участником антифранцузской коалиции в войне за испанское наследство (1701-1713), Австрия – в войне за австрийское наследство (1740-1748). Единственным исключением, вызванным нараставшим соперничеством двух германских государств, была Семилетняя война (1756-1763). Австрия участвовала

¹ История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому Времени. - М., 1993. - С. 441.

в ней в союзе с Францией и Россией – против Пруссии. Но в целом, итогом минувшего века стало превращение франко-германского противостояния в традицию, в одну из постоянных характеристик развития межгосударственных отношений в Европе.

Историческое время не всегда совпадает с календарным. Согласно календарю, XIX век наступил 1 января 1801 г. Исторически, он начался гораздо раньше, в день штурма Бастилии восставшими парижанами – 14 июля 1789 г. Век был как никогда динамичным и контрастным. Бурная индустриализация, бьющий через край напор капиталистического предпринимательства – и первые промышленные кризисы, скоро обнаружившие свою органическую связь с новым способом производства. Радикальное обновление всех общественных структур – и новые социальные язвы, новые формы политического деспотизма. Быстрый рост армии наемного пролетариата, его безудержная эксплуатация – и становление организованного рабочего движения, создание профсоюзов и социал-демократических партий, первые завоевания рабочего класса. Жестокий национальный гнет, подавление освободительных движений поработанных народов – и торжество избавления от иноземного ига, независимость Сербии, Греции, Румынии, Болгарии. Объединение Италии и Германии, периодические попытки создания нового «концерта европейских держав» – и новые войны (Крымская, франко-прусская и др.), изменяющие баланс сил, раскол Европы на коалиции, предвещавший еще более кровопролитные столкновения. Завершающие штрихи этой картины – империалистическая экспансия «великих держав», раскrojивших почти весь мир за пределами Европы на колонии и зоны влияния, перерастание национализма в шовинизм и расизм, ускоренная милитаризация, накопление горючего материала в мировой политике, ждущего лишь роковой искры. Роль такой искры сыграли два револьверных выстрела, раздавшихся 28 июня 1914 г. в Сараево и на смерть поразивших эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Но это уже было начало новой эпохи.

В рамках заданной темы нас интересуют характер и динамика франко-германских отношений. В течение XIX века они миновали два этапа и вступили в третий, который был унаследован следующим столетием. Первый период прошел в войнах, вызванных сначала стремлением европейских монархий задавить французскую революцию, а затем попыткой Наполеона объединить насильственным путем Европу под протекторатом имперской Франции. В течение 1792-1815 годов Австрия участвовала в пяти из шести коалиций европейских монархий, воевавших против революционной и бонапартистской Франции, Пруссия – в четырех коалициях. Все коалиции, предшествовавшие вторжению Наполеона в Россию, потерпели поражения, что в большой мере было предопределено разгромом, учиненным французским военным гением австрийским и прусским армиям. И лишь шестая коалиция, образовавшаяся после бегства Наполеона из России, низвергла недавнего властителя почти всей Европы.

Венский конгресс, зафиксировавший в своих решениях новую политическую карту и новый баланс сил в Европе, открыл новый этап во франко-германских отношениях. Австрия и Пруссия, создавшие вместе с Россией Священный Союз, впервые вошли в число европейских держав, образующих каркас системы межгосударственных отношений в Европе. В эту группу входили также Англия и побежденная, но быстро восстановившая свой неформальный статус Франция. Священную Римскую империю, прекратившую свое призрачное существование еще в 1906 г., заменил учрежденный Венским конгрессом и столь же недееспособный Герман-

ский союз, в состав которого входили 35 разношерстных государств и четыре свободных города. Тема объединения Германии заняла первое место в повестке внутригерманских отношений и одно из первых – в европейской повестке. В появлении единой Германии, расположенной в центре Европы и претендующей на роль европейского гегемона, не были заинтересованы ни Россия, ни Англия, ни Франция. Но для первых двух объединение Германии не содержало в себе прямой угрозы их статусу великих держав и их жизненно важным интересам, которые большей частью находились за пределами Европы. В ином положении была Франция, соседствовавшая с Германией и владевшая «яблоком раздора» – Эльзасом и Лотарингией. Именно она была главным врагом единства немцев; франко-германский антагонизм продолжал нарастать, хотя до поры до времени не прорывался наружу.

Природу и взрывную силу этого антагонизма нельзя понять вне связи с идеологией национализма, завладевшей умами и чувствами миллионов людей в первой половине XIX века. Национализм был генерирован Французской революцией, впервые вовлекшей в политику широкие слои населения, и в еще большей мере наполеоновскими войнами, которые пробудили патриотические чувства и национальное самосознание как во Франции, победившей почти всю Европу, так и в побежденных государствах. Именно тогда один из идеологов немецкого национализма Э.М. Арндт написал: «Я не стыжусь признать, что немецкий народ значил в мировой истории больше, чем французский... Я хочу ненависти к французам, не только против этой войны, на долгое время, навсегда... Эта ненависть пылает, как религия немецкого народа, как святая мечта, во всех сердцах поддерживает нас в нашей верности, честности и смелости»². В отличие от немецкого, французский национализм не был взращен идеей объединения (нация была объединена) и жаждой отмщения за прошлое (Франция потерпела поражение, но не была порабощена и унижена), но он был пропитан идеей превосходства французской нации и ее культуры над всеми другими нациями и их культурами. А выступая в качестве государственной идеологии и тот, и другой национализм считал последним доводом в отношениях между государствами силу, войну. Бурный процесс индустриализации вложил в руки национального государства новые технические средства ведения войны, многократно превосходящие по своей убойной мощи прежнее оружие. По меткому определению Арнольда Тойнби, национализм стал сплавом двух стихий – стихии демократии и стихии индустриализма³.

Объединить Германию можно было только силой, и эту миссию взяла на себя Пруссия. Для этого ей пришлось сначала разгромить свою неизменную соперницу в борьбе за германское лидерство – Австрию. Франко-прусская война началась 19 июля 1870 г. и завершилась вступлением прусских войск в Париж 28 января 1871 г. Когда-то Наполеон I, безжалостно громил прусские армии; теперь, при Наполеоне III, Пруссия отомстила за былые поражения. Франции была принуждена отдать Эльзас и Лотарингию и выплатить большие по тем временам репарации. А сверх того, ей пришлось испытать горчайшее унижение: прусский король Вильгельм I был провозглашен германским императором не где-нибудь, а в резиденции французских монархов – Версальском дворце. Характеризуя итоги и последствия объединения Германии, французский историк Эрнест Дени резюмировал: «Германия, которая до сих пор фактически не существовала в качестве политической силы, ...

² Цит. по: Артемов В.А. Германия. История, политика, экономика / В.А. Артемов. - Воронеж, 2002. – С. 58-59.

³ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. - М.-СПб., 1995. - С. 72.

сделалась преобладающим государством в Европе и таковой осталась до начала XX столетия. Пруссия дала Германии то, чего ей до сих пор недоставало, а именно: дух дисциплины и организации. Пруссия без совести и без сострадания довела до конца свое дело.... Смотри по требованиям момента, они («творцы Германской империи») на место современного национального принципа выдвигали авторитет более или менее обоснованных исторических прав и кончили тем, что перестали признавать какого-либо другого бога, кроме силы»⁴.

С 1871 г. начинается третий период в истории франко-германских отношений, продлившийся до начала первой мировой войны. Суть этих отношений была очевидна: побежденная Франция жаждала реванша, победившая Германия вынашивала планы превентивного и намного более мощного удара, от которого Франция уже не смогла бы оправиться. Едва закончилась война, оба государства начали идеологическую, технико-экономическую и дипломатическую подготовку к будущей схватке. В обеих странах нагнеталась националистическая и шовинистская истерия, насаждался карикатурный образ «главного врага». В Германии школьные учебники «были нацелены на воспитание послушных патриотов, погруженных в военную героику германской истории, убежденных в неполноценности других наций и готовых воспринять войну как положительный аспект международных отношений. Школьные учебники во Франции выражали такую же идеологию»⁵. Франция уже в 1872 г. начала глубокую реформу армии. Оба государства взяли курс на милитаризацию экономики и создание соответствующего общественного климата. В целом, франко-германский антагонизм был главным очагом напряженности и угрозы миру в Европе.

Вместе с тем, он во многом predetermined вектор развития межгосударственных отношений в Европе. Франция и Германия искали потенциальных союзников, а в Берлине, к тому же, просчитывали варианты обеспечения нейтралитета важнейших участников «концерта великих держав» – Великобритании и России. В свою очередь, и они, а также многие малые европейские государства, были встревожены появлением в самом центре Европы крупной, динамичной и агрессивной державы, нарушившей сложившийся ранее баланс сил. Трансформация отношений между членами европейского «клуба избранных» заняла без малого 30 лет. Ее последним актом было оформление тройственной коалиции, в которую вошли Франция, Великобритания и Россия. Это произошло в 1907-1908 годах. Вооружившиеся до зубов державы были готовы к схватке. Сигналом к ее началу стали сараевские выстрелы.

Научную литературу и публицистику, посвященную первой мировой войне, можно измерять, вероятно, тоннами. Эпиграфом к ней могла бы служить фраза, принадлежавшая английскому дипломату Эдуарду Грею: «Светильники погасли по всей Европе, и мы не увидим их зажженными при нашей жизни»⁶. В этих словах спрессовано то ощущение шока, который вызвала эта война. Для шока были основания: она обрушила на людей слишком много нового и неожиданного. Что касается франко-германских отношений, то потрясали, прежде всего, масштабы и жестокость взаимного смертоубийства. Вот сухие цифры людских потерь в двух крупнейших сражениях, развернувшихся на территории Франции в 1916 г.: в боях под Верденом погибло 600 тыс. немцев и 360 тыс. французов; в сражениях на реке

⁴ История XIX века / ред. Лависс, Рамбо. - Т. 5. - М., 1938. - С. 34-349.

⁵ Mowat R.C. Decline and Renewal: Europe Ancient and Modern / R.C. Mowat. - Oxford, 1991. - P. 160.

⁶ Hobsbawm E. Ages of Extremes. The Short Twentieth Century, 1914-1991 / E. Hobsbawm. - L., 1995. - P. 22.

Сомме германские и британские войска потеряли по 500 тыс. человек, французские – 200 тыс. Убийство было поставлено на поток.

Казалось бы, участники первой мировой войны должны были учесть ее уроки. В Европе раздавались голоса здравомыслящих людей, призывавших предпринять усилия, чтобы прервать логику хождения по замкнутому кругу, особенно в отношениях между Францией и Германией⁷. Но для этого надо было отказаться от принципа «сегодня – ты, а завтра – я», заменив его новой формулой взаимоотношений победителя и побежденного. Этого не случилось. История Европы в 20-е и 30-е годы прошлого века и, прежде всего, франко-германских отношений, оказалась «повторением пройденного». Вспомним, не останавливаясь на подробностях, главные вехи пути ко второй мировой войне:

- Версальский мир, вновь передавший Франции Эльзас и Лотарингию и отказавший Германии в равных правах с победившими державами;
- революция в России, завершившаяся захватом власти партией большевиков, которая объявила своей целью построение коммунизма в стране и победу мировой пролетарской революции; приход Сталина к власти и создание тоталитарной политической системы в СССР; раскол Европы и мира на две противостоящие общественные системы;
- рост националистических и реваншистских настроений в Германии, которые подогревались и использовались экстремистским национал-социалистическим движением;
- мировой экономической кризис 1929-1933 гг., одной из главных жертв которого стала Германия;
- приход Гитлера к власти, создание нацистской тоталитарной системы и начало подготовки «Третьего Райха» к войне с целью установления господства германской арийской расы в Европе и в мире;
- политика «умиротворения» нацистской Германии, проводившаяся в 1936-1939 гг. Великобританией и Францией в надежде договориться с Гитлером об условиях мира на Западе, предоставив ему свободу действий на Востоке, в отношениях с Советским Союзом.

Мир знает, каков был конечный итог этой цепи событий. Новой мировой войны избежать не удалось. Она продолжалась пять лет и восемь месяцев, на полтора года дольше, чем ее предшественница. Цена, которую уплатило за нее человечество, во много раз превышает ту, что была уплачена в 1914-1918 гг. Вторая мировая война намного превзошла первую по жестокости, проявленной воюющими сторонами, по беспримерной чудовищности преступлений. Но все кончается. Вторая мировая война завершилась, и надо было начинать новую жизнь. Ее надо было начинать и Европе, развязавшей эту войну и больше всего от нее пострадавшей. Ее надо было начинать как разгромленной и лежавшей в руинах Германии, так и участнице победившей антигитлеровской коалиции – Франции. Перед обоими народами вновь встал вопрос об их будущих отношениях.

Дискуссии о послевоенной судьбе Европы, в том числе судьбе Германии и франко-германских отношений, начались задолго до разгрома «Третьего Райха» и с нарастающей интенсивностью продолжались после окончания войны. Идей и проектов послевоенного устройства Европы хватило на три тома документов по исто-

⁷ Историю попыток возродить и осуществить идею «единой Европы» см. в недавно опубликованной работе: Акульшина А.В., Артемов В.А. Франция и Германия в европейской интеграции / А.В. Акульшина, В.А. Артемов. - Воронеж, 2005 - Глава I. Из истории европейского движения.

рии европейской интеграции, изданных в 1985-1988 годах⁸. В отечественной научной литературе и публицистике, изданной с конца 1980-х годов, эта тема освещена мало. Среди работ, упоминаемых в примечании⁹, следует сказать несколько слов о последней по времени публикации – монографии В.А. Артемова и А.В. Акульшиной «Франция и Германия в европейской интеграции». Помимо анализа неудачных попыток объединения Европы в межвоенный период, о чем было сказано выше, авторы конкретно и детально анализируют динамику послевоенных отношений между Францией и ФРГ, их роль в подготовке и реализации первых проектов европейской интеграции вплоть до начала 60-х годов прошлого века. К сожалению, Виктор Александрович Артемов ушел из жизни до того, как монография вышла в свет. Она стала последним вкладом, который внес в европейские исследования известный русский ученый, специалист по новой и новейшей истории Германии, Европы и европейской интеграции, а сверх того, яркий университетский педагог, давший путевку в жизнь многим молодым одаренным исследователям.

Возвращаясь к анализу ситуации в первые послевоенные годы и не повторяя того, что было сказано в этой монографии и в других упомянутых работах, прежде всего надо подчеркнуть, что, несмотря на широкую политическую и общественную поддержку идеи «Соединенных Штатов Европы», переход к ее практическому осуществлению оказался чрезвычайно трудным делом.

Начнем с того, что в ходе продвижения к этой цели необходимо было преодолеть устоявшиеся представления о Германии и ее зловещей роли в истории Европы. Конечно, никто, кроме фанатичных «германофобов», не отождествлял публично германскую нацию и нацизм, но его корни искали и находили в истории германских государств, в некоторых качествах национальной психологии и ментальности немцев. Известный британский дипломат Роберт Ванситтарт, выступивший в начале второй мировой войны с циклом лекций по радио об истории Германии, нарисовал ее зловещий образ: «Дважды на нашем веку и трижды на веку наших отцов (немцы) втягивали мир в свои захватнические и агрессивные войны. Они соединяют в себе самые плохие качества воина и раба. Они не ценят свободу сами и ненавидят тех, кто ценит ее.... Пруссия – это ядро Германии. Это источник возвращающейся чумы... Нацистская тирания и прусский милитаризм – это два главных элемента в жизни немцев, (и оба) должны быть полностью уничтожены. Их надо вырвать с корнем, если Европа и мир хотят уберечься от третьего, еще более страшного конфликта»¹⁰.

Ему вторил британский историк А. Дж. П. Тейлор, опубликовавший в 1945 г. «Курс германской истории». «История немцев, – утверждал он, – это история экстремизма. В ней есть все, кроме спокойствия, и на протяжении тысячи лет немцы испытали все, кроме нормальной жизни. Они господствовали в Европе, и они были самыми беспомощными жертвами господства других; они приветствовали беспри-

⁸ Documents of the History of European Integration / ed. W. Lipgens. - Vol. 1. Continental Plans for European Union, 1939-1945. - Berlin - New York, 1985; Vol. 2. Plans for European Union in Great Britain and in the Exile, 1939-1945. - Berlin-N.Y., 1986; Vol. 3. The Struggle for European Union by Political Parties and Pressure Groups in Western European Countries, 1945-1950. - Berlin-N.Y., 1988.

⁹ Чубарьян А. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира / А. Чубарьян. - М., 1987; Борко Ю.А. Общий европейский дом: что мы о нем думаем? / Ю.А. Борко. - М., 1991. - С. 8 - 111; История европейской интеграции, 1945-1994 / ред. А.С. Намазова, Б. Эмерсон. - М., 1995; Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю.А. Борко. - М., 1991; Акульшина А.В., Артемов В.А. Франция и Германия в европейской интеграции. - Воронеж, 2005.

¹⁰ Цит. по: История европейской интеграции (1945 – 1994). - М., 1995. - С. 101. Эти лекции были опубликованы в 1942 г. в виде книги «Уроки моей жизни».

мерную свободу для Европы, и они становились жертвами не имевшего себе равных деспотизма; они породили большую часть трансцендентальных философов, большую часть композиторов, создававших духовную музыку, и самое большое число грубых политиков»¹¹.

Взгляды Ванситтарга и Тейлора не были специфически британской точкой зрения. Они были широко распространены во Франции и других государствах, пострадавших от германской агрессии в двух мировых войнах. Тем не менее, участники послевоенного движения за «единую Европу» были преисполнены решимости преодолеть старые клише и включить Германию в объединительный процесс. Важнейшим шагом на этом пути должен был стать Европейский конгресс, собравшийся в Гааге в мае 1948 г. при участии делегаций 14 западноевропейских стран и еще не восстановившей свой государственный статус Германии. Но именно этот конгресс продемонстрировал бесплодность попыток

разработать и принять практически реализуемый проект создания федеративного или конфедеративного союза на основе консенсуса всех или большинства западноевропейских государств. Конгресс сыграл важную роль в развитии движения за «единую Европу», в его резолюциях были сформулированы некоторые принципы, на которых должно базироваться будущее объединение. Но он не сумел принять какие-либо практические рекомендации, касающиеся формы и полномочий такого объединения, методов и последовательности действий, ведущих к его созданию. Правда, конгресс способствовал рождению двух организаций. В апреле 1948 г., незадолго до его открытия, была учреждена Европейская организация экономического сотрудничества, а в 1949 г. был создан Совет Европы. Но оба объединения представляли собой традиционные организации, основанные на принципе межгосударственного сотрудничества и не наделенные правом принимать обязательные решения.

Гаагский конгресс не предложил никаких рекомендаций, касавшихся отношений между Францией и Германией. Между тем, некоторые лидеры Европейского движения – главным образом французские, но не только – пришли к заключению, что объединить Западную Европу невозможно без крутого поворота в отношениях между Францией и Германией. Двум великим народам предстояло радикально изменить взаимные представления, заместить образ «заклятого врага» на неведомый образ «нового друга». Этого не могла сделать Германия, лежавшая в руинах и переживавшая глубокий кризис национального самосознания. Инициатором сближения двух народов могла быть только Франция. Время торопило. По мере того как рушились проекты послевоенного устройства Европы, в стране нарастал страх перед будущим. Об опасениях и страхах Франции много позже поведал в «Мемуарах» великий европеец Жан Монне. Немцы, вспоминал он, «испытывали унижение от нашего бесконечного контроля, а французы – страх, что немцы, в конце концов, перестанут ему подчиняться... Было похоже, что побежденный заразил победителя своими комплексами: у французов появилось чувство неполноценности, когда они стали понимать, что им не удастся сковать динамизм Германии»¹².

Иными словами, это был страх «повторения пройденного», движения по замкнутому кругу, который два государства, а вместе с ними и другие народы Европы, прошли уже дважды менее чем за полвека. Особое опасение вызывало то, что в ус-

¹¹ Taylor A.J.P. The Course of German History / A.J.P. Taylor. - L., 1971. - P. 1.

¹² Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары / Ж. Монне. - М., 2001. - С. 360. Впервые воспоминания были опубликованы во Франции: Monnet J. Memoires / J. Monnet. - Paris, 1976.

ловиях развернувшейся «холодной войны» Германия может стать ставкой в игре двух самых могущественных держав – Соединенных Штатов и Советского Союза. В Париже не исключали того, что Вашингтон пойдет на воссоздание военного потенциала Западной Германии, независимо от позиции Франции и других стран Западной Европы.

Франции предстояло совершить прорыв на концептуальном, политическом и организационном уровнях. Как известно, автором этого прорыва был Жан Монне, которого активно поддержал Робер Шуман, один из наиболее авторитетных политических деятелей послевоенной Франции, занимавший в тот момент пост министра иностранных дел. Не останавливаясь на деталях проекта Монне, которые изложены в упомянутых выше работах, назовем две составляющих предложенной им концепции. Во-первых, она исходила из необходимости преодоления разрыва между общей идеей сотрудничества двух государств в рамках стратегии объединения Западной Европы и старыми представлениями о том, на каких условиях может быть заключен мир между победителем и побежденным. Париж последним из западных столиц отказался сначала от планов расчленения немецкой территории на несколько мелких государств¹³, а затем от планов отделения от Германии Саара и интернационализации Рура – основы ее экономической и военной мощи. Вместо этого Франция избрала в качестве базового принципа сотрудничества с новым немецким государством – Федеративной Республикой Германией – полное равноправие сторон. Во-вторых, ключевым пунктом проекта Ж. Монне было предложение объединить угольную и металлургическую промышленность двух государств под их совместным управлением и наделить создаваемое объединение правом принятия обязательных решений. Это было поистине революцией: предлагалось создать принципиально новый тип международной организации, не сравнимый по эффективности ни с Лигой Наций, ни с любыми другими международными объединениями старого типа. Судьба проекта хорошо известна. Он был изложен в Декларации Шумана, предварительно одобренной Федеральным канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром. В 1951 г. в Париже был подписан Договор, учреждающий Европейское сообщество угля и стали, в которое, помимо Франции и ФРГ, вошли Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Механизм европейской интеграции был запущен; с той поры он безостановочно работает в течение 50 с лишним лет.

Жан Монне и Конрад Аденауэр на удивление быстро нашли общий язык. Этому в немалой мере способствовало то, что они были давними и стойкими приверженцами европейского единства. Аденауэр еще в 1920-е годы не раз публично выступал с идеей примирения и единения европейских народов, и остался верным этому убеждению в течение всей своей жизни¹⁴. Однако убеждения – убеждениями, но политик, особенно находящийся на вершине государственной иерархии, обязан действовать в соответствии с национальными интересами. Ближайший интерес

¹³ См. сборники документов: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). - М., 1978; Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября - 1 декабря 1943 г.). - М., 1984; Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). - М., 1984; Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Т. 1. - М., 1957. Из последних статей, посвященных этой теме, см.: Галактионов Ю.В. Проблема расчленения Германии в планах антигитлеровской коалиции (1941-1945 гг.) / Ю.В.Галактионов // Германия и немцы: история в человеческом измерении. - Липецк, 2005. - С. 100 - 112.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Акульшина А.В., Артемов В.А. Франция и Германия в европейской интеграции. - С. 146-160.

ФРГ состоял в выходе из состояния международной изоляции и присоединении к содружеству демократических наций Запада. Союз с Францией и создание ЕОУС было первым шагом к решению этой задачи. Как знать, не исключено, что если бы проект Монне, официально предложенный Францией в Декларации Шумана (9 мая 1950 г.), был отвергнут Аденауэром, Париж категорически воспротивился бы принятию ФРГ в НАТО и ее ремилитаризации.

Среднесрочный интерес ФРГ состоял в том, чтобы начать восстановление и реконструкцию национальной экономики, модернизацию общества и государства. Этой цели также полностью соответствовало создание ЕОУС. Наконец, долгосрочной целью ФРГ, не скрываемой, но и не афишируемой на первых порах, было воссоединение Германии. С этой точки зрения, участие в европейской интеграции и в НАТО было, кроме всего прочего, нацелено на создание позитивного отношения союзников к объединению Германии в то гипотетическое время, когда это станет возможным.

Не ставя своей задачей подробный анализ внутренней и внешней политики ФРГ в 1950-е – 1980-е годы, автор данной статьи ограничивается короткой характеристикой трех ее направлений. Первое из них – экономическая политика государства. Было ли то везением или предвидением, но весной 1948 г. на пост директора Управления хозяйством объединенных западных зон оккупации был назначен ученый-экономист Людвиг Эрхард, ставший после создания ФРГ министром экономики в ее правительстве и бессменно занимавший этот пост с 1949 по 1963 г. В июне 1948 г., с трехдневным разрывом, в Западной Германии были проведены две реформы. Первую – денежную реформу – провели оккупационные власти. В ночь на 21 июня были объявлены недействительными старые рейхсмарки, а вместо них введены новые деньги – дойчмарки. Реформа носила конфискационный характер: у населения было изъято 13,5 млрд. рейхсмарок, у банков – 21 млрд. и, кроме того, были обесценены ценные бумаги на сумму около 400 млрд. рейхсмарок. Таким образом, в одночасье была ликвидирована колоссальная денежная масса, создававшая огромный перевес спроса над предложением. Вторым актом была отмена контроля над ценами и упразднение административного распределения ресурсов. По сути, именно эта реформа, проведенная по инициативе и под управлением Эрхарда, положила начало либерализации германской экономики и созданию экономической системы, известной под названием «социального рыночного хозяйства». Это потом Людвиг Эрхард был назван триумфатором, сотворившим «германское экономическое чудо», первое в послевоенной истории мировой экономики. Но вначале его экономическая политика, предвосхищавшая политику «шоковой терапии» в ряде стран Центральной и Восточной Европы в 90-е годы, вызвала не только оппозицию в Германии, но и открытое неудовольствие оккупационных властей.

Не останавливаясь на характеристике других важнейших акций Эрхарда, назовем лишь основные составляющие его экономической политики, в число которых входило поощрение частного предпринимательства, включая мелкий и средний бизнес, снятие преград конкуренции и установление четких правил в рыночной экономике, стабильный курс национальной валюты, здоровая бюджетная политика и противодействие инфляции, либерализация внешней торговли. К важнейшим новшествам этой политики следует отнести новую функцию государства – социальную политику, включая создание системы социального обеспечения и политику занятости, а также содействие формированию новых отношений между трудом и капиталом на основе концепции социального партнерства.

Результаты этой экономической политики отражены в статистических показателях. В первой половине 1948 г. индекс промышленного производства в Западной Германии был равен 50,2 % от уровня 1936 г., в первом полугодии 1950 г. – 99,7%, в четвертом квартале 1955 г. – 216,6%¹⁵. Поразительные цифры: для первого удвоения и возвращения к довоенному уровню потребовалось всего два года, для следующего удвоения – пять с половиной лет. В 1950-1960 гг. по темпам роста ВВП (7,7%) ФРГ занимала первые места в Западной Европе и среди всех экономически развитых государств в мире, по темпам роста промышленного производства (9,9%) – первое место в Западной Европе и второе, после Японии, в мире¹⁶.

Экономические достижения ФРГ имели первостепенное политическое значение. Ее экономическое лидерство в Европейском сообществе компенсировало, если не полностью, то в большой мере, политическое лидерство Франции – участницы антигитлеровской коалиции, постоянного члена Совета Безопасности ООН и члена клуба ядерных держав. Это было немаловажным условием прочности их тандема, игравшего роль локомотива европейской интеграции.

Вторым важнейшим направлением действий государства была внешняя политика. О ее ближайшей цели – вывести ФРГ из состояния международной изоляции – сказано выше. Что же касается внешнеполитической стратегии, то все правительства, независимо от того, какие партии их сформировали, никогда не забывали о главной национальной цели – воссоединении Германии. Даже за пару лет до того, как произошло это событие, никто не брал на себя смелость предсказать, когда объединятся две части расколотой нации. Тем более бессмысленно было загадывать в разгар «холодной войны». Но для руководителей ФРГ и ее внешней политики было очевидно, что в ожидании «дня X» необходимо установить дружественные отношения со всеми ближними и дальними соседями, создать новый образ германской нации и западногерманского государства, политика которого базируется на принципах мира, равноправия, открытости и готовности к сотрудничеству.

Воплощением этой концепции в европейской и западной политике ФРГ был последовательный курс на развитие европейской интеграции и активное участие в НАТО. Федеративная Республика следовала этим курсом с момента ее основания. Концепция восточной политики ФРГ была разработана намного позже, а к ее реализации Бонн приступил лишь в 1969 г., когда на парламентских выборах победили германские социал-демократы, и федеральным канцлером был избран их лидер, выдающийся политический деятель европейского масштаба Вилли Брандт. Первым и главным пунктом восточной политики ФРГ была нормализация отношений с Советским Союзом, насколько это было возможным в условиях «холодной войны». Во всяком случае, именно Бонн, вместе с Парижем, были инициаторами первой разрядки в отношениях между двумя военно-политическими блоками и партнерами Москвы в выдвижении и осуществлении проекта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки в октябре 1975 г. Примечательно, что христианские демократы, пришедшие к власти в ФРГ в начале 80-х годов, и их лидер Гельмут Коль, избранный федеральным канцлером, и министр иностранных дел Ханс Дитрих Геншер (лидер партии свободных демократов) унаследовали восточную политику их предшественников, социал-демократов, включая курс на развитие сотрудничества с Советским Союзом.

¹⁵ Эрхард Л. Благополучие для всех / Л. Эрхард. - М., 1991. - С. 328.

¹⁶ Борко Ю.А. Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма / Ю.А. Борко. - М., 1984. - С. 15.

ФРГ пожаловалась плодами своей внешней политики в 1990 г., когда неожиданно для всего мира, и для нее самой, открылась возможность объединения Германии. В Бонне не стали медлить. Берлинская стена рухнула в ноябре 1989 г., а 1 октября 1990 г. началось новое летоисчисление единого германского государства. Это событие вызвало в Европе смешанные чувства. Пожалуй, наиболее четко и со свойственной ей прямоотой об этом поведала Маргарет Тэтчер. «Единой Германии, – пишет она десятилетием позже, – вновь предназначено стать доминирующей силой в Европе. Конечно, это будет сделано дипломатически, но было бы наивным игнорировать тот факт, что германское стремление к господству привело на моей жизни к двум страшным мировым войнам Немцы – культурный и талантливый народ, но в прошлом они продемонстрировали очевидную неспособность к сдерживанию своих амбиций и уважению своих соседей. Знание прошлого и неопределенность будущего побудила президента Миттерана и меня, при не очень эффективном содействии президента Горбачева, попытаться замедлить поспешный бег к объединению Германии. В итоге, мы потерпели неудачу, отчасти потому, что Соединенные Штаты избрали иную позицию, но главным образом потому, что немцы взяли дело в свои руки, что, в конечном счете, им и надлежало сделать.... Конечно, я не игнорирую право других быть патриотами, – заключает М. Тэтчер. – Но было бы лицемерием делать вид, что у меня не было опасений относительно того, что могло бы означать объединение Германии»¹⁷. Это исчерпывающее объяснение нуждается лишь в одном комментарии. Опасения, которые возникли у М. Тэтчер и Ф. Миттерана, разделяли многие политики и простые люди во всех странах, оккупированных нацистской Германией во время второй мировой войны. Но ни одно из европейских государств не выступило с официальным заявлением, в котором была бы выражена эта тревога. Ни одно из них не располагало фактами, которые служили бы основанием для подозрений в гегемонистских амбициях ФРГ. Ее сбалансированная внешняя политика – как на Западе, так и на Востоке – не давала для этого повода.

Но дело было не только в этом. Надо принять во внимание еще одно, третье важное направление развития германского общества и политики государства. ФРГ предъявила соседям, всему миру уникальный опыт «преодоления прошлого». В течение 40 с лишним лет, со времени окончания войны и вплоть до объединения, в стране не прекращались дискуссии о прошлом, публиковались все новые документы о преступлениях нацизма в оккупированных странах. Общественные деятели и ученые, журналисты и литераторы, университетские профессора и студенты искали ответы на острейшие вопросы: как мог утвердиться нацизм в Германии Канта и Шиллера, Бетховена и Гете, Томаса Манна и Вильгельма Гумбольдта? Являлось ли его пришествие результатом стечения конкретных исторических обстоятельств или это было обусловлено свойствами национального характера немцев, политической историей страны и т.д.? И самый мучительный вопрос: несет ли вину за преступления нацизма немецкий народ, и если – да, то в какой степени? Наконец, последний вопрос: что надо сделать, чтобы это страшное прошлое никогда не повторилось?

Это огромная тема, которую невозможно изложить в данной статье даже в самом кратком виде. Отметим лишь несколько важных ее аспектов. Во-первых, публичность и непрерывность обсуждений, вкупе с обнародованием страшных правды о преступлениях нацизма, стала школой политического просвещения нации. Во-вторых, постоянное содействие этому процессу оказывало государство. Начиная с

¹⁷ Thatcher M. Statecraft. Strategies for a Changing World / M. Thatcher. - L., 2002. - P. 2-3.

Конрада Аденауэра и Людвиг Эрхарда, все послевоенные политические лидеры ФРГ были антифашистами и демократами, все они были убежденными сторонниками европейской интеграции при самом активном участии немецкого народа и государства. Эти качества, независимо от партийной принадлежности, объединяли таких разных политиков как Вилли Брандт и Франц Йозеф Штраус, Гельмут Шмидт и Гельмут Коль, Ханс Дитрих Геншер и Рихард фон Вайцзеккер.

Характеризуя историю этих исследований и дискуссий, известный русский ученый-германист Александр Борозняк, посвятивший этой теме немало усилий и времени, писал в своей монографии: «Формула преодоления прошлого была порождена нравственными чувствами стыда и ответственности за преступления гитлеризма – в одном ряду с понятиями-символами «тоталитарная диктатура», «агрессия», «холокост», «Освенцим». Постулат «преодоления прошлого» стал для нескольких поколений немцев знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса общенационального извлечения уроков из истории «третьего рейха», призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне, к выработке иммунитета по отношению к тоталитарной инфекции, любым формам расизма, экспансионизма, агрессивного милитаризм»¹⁸. Этот опыт не остался незамеченным в соседних странах. Можно определенно говорить о размывании психологических барьеров между немцами и другими европейскими народами. Особенно это относится к поколениям, родившимся и выросшим в послевоенное время. Они чувствуют себя участниками многонационального сотрудничества, они владеют двумя-тремя западными языками, они уезжают из дому учиться в университетах Оксфорда и Магдебурга, Парижа и Гента, Милана и Мадрида, они живут в Интернете, как в своем родном жилище.

Очень соблазнительно закончить статью предыдущей оптимистической фразой. Но не выходит. Тезис о «конце истории» отвергли все ученые мужи, в том числе и его автор, американский политолог Френсис Фукуяма. История продолжается и, увы! – преподносит Европе неприятные сюрпризы. Достаточно вспомнить террористические акции в Мадриде и Лондоне или двухнедельные бесчинства молодежи в пригородах Парижа и большинства крупнейших французских городов. Эти события свидетельствуют о том, что, с одной стороны, в Западной Европе создали свои опорные пункты исламские экстремистские организации, «Аль-Каида» и т.д., а с другой – о провале политики социальной интеграции иммигрантов, особенно выходцев из стран Магриба, так как именно арабская молодежь составляла основную массу погромщиков.

Мусульманская диаспора в странах Западной Европы составляет примерно 10 млн. человек, или 2,6-2,7% населения этого региона. Немного. Но в крупных городах и их предместьях доля иммигрантов мусульман, их детей и внуков в два-три раза выше. Они давно превратились из временных гостей, заполнивших дефицит на «черную» работу, в постоянный компонент населения. Первое поколение мигрантов было ориентировано на экстенсивный труд с целью заработать и отправить домой как можно больше денег. У их детей и внуков, родившихся и выросших на новой родине, привыкших к щедрой политике социальной помощи мигрантам и их семьям, проводившейся в странах Западной Европы, стимулы к получению образования и профессии, стимулы к труду далеко не всегда стоят на первом месте. Во всяком случае, это относится к значительной части этой молодежи. Уровень безра-

¹⁸ Борозняк А. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? / А. Борозняк. - М., 1999. - С. 9.

ботицы в этой группе населения очень высок. Они живут и в компактных группах арабского населения, обосновавшихся в предместьях крупных городов, и не склонны осваивать культуру стран, в которых они выросли, их нормы и образ жизни. Они оказались восприимчивыми к идеям и лозунгам радикальных течений в исламе. Проблема борьбы с исламским радикализмом является частью более общей проблемы, которая стоит перед большинством стран Западной Европы, – перехода к политике, обеспечивающей социальную и политическую стабильность в многоэтническом и многоконфессиональном обществе.

Это тем более необходимо, что интенсивный приток легальных и нелегальных иммигрантов в Западную Европу и появление многочисленной мусульманской диаспоры – это главная причина роста националистических и праворадикальных настроений среди коренного населения в этих странах. Аккумулятором и рупором этих настроений стали соответствующие партии и движения – Национальный фронт во Франции, австрийская Партия свободы, Республиканская партия в Германии, Итальянское социальное движение, Фламандский блок в Бельгии и другие¹⁹.

В последние 10-15 лет праворадикальные партии добились заметных успехов на парламентских, региональных и местных выборах, и эта тенденция продолжает действовать. Пока что националистические и праворадикальные настроения не распространяются на сферу межгосударственных отношений в Европе. Не затрагивают они и отношения между Францией и Германией. Но и здесь есть подводные камни. После объединения Германии баланс сил между этими двумя государствами явно изменился. Экономическое превосходство Германии увеличилось, а на международной арене ее политическая роль теперь вряд ли уступает, а может быть, и превосходит роль Франции.

В лекции, прочитанной в мае 1947 г. в Лондоне, А. Тойнби сказал: «На каких бы первоначальных условиях ни вошла Германия в Объединенную Европу, в которой не будет ни Соединенных Штатов, ни Советского Союза, она непременно займет там, в конечном итоге, главенствующее положение; и если превосходство, которого она не могла добиться силой в течение двух войн, будет достигнуто на этот раз мирно и постепенно, ни один европеец все равно не поверит, что, когда германцы почувствуют в своих руках власть, им хватит мудрости удержаться от того, чтобы натянуть поводья и прищипорить. Этот германский фатум может оказаться непреодолимым препятствием в строительстве Европы как “третьей великой державы”»²⁰. Пророчество маститого английского историка и политолога не оправдалось в минувшие полвека. Есть ряд важных факторов, которые позволяют надеяться, что предсказание А. Тойнби не сбудется и в обозримом будущем. Это и опыт европейской интеграции, и очевидные выгоды, которые принесло обоим государствам их сотрудничество, и изменившееся положение Европы в мире XXI века, и наличие внешних угроз всей европейской цивилизации. И все же, призраки прошлого не исчезают навсегда. Они меняют обличье и ожидают своего часа в лабиринтах будущего. И потому не теряет своей актуальности призыв казненного нацистами чехословацкого антифашиста и патриота Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!».

¹⁹ Содержательный анализ этой темы см. в статье: Тэвдой-Бурмули. Европейский радикализм на рубеже веков: формы и тенденции эволюции / Тэвдой-Бурмули // Социальное согласие против правого экстремизма - М., 2005. – С. 368-403.

²⁰ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. - С. 91.